КН. ОЛЬГА БЕБУТОВА

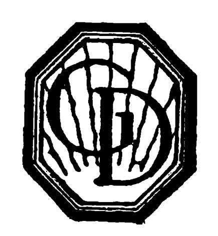
ЧУДАКИ

РОМАНЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ"
РИГА • ЛАТВІЯ • ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛ • 3?
1 9 3 0

БИБЛІОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ LXXIX

Кн. ОЛЬГА БЕБУТОВА

ЧУДАКИ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ"
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1930

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.

I

БАРОНЕССА

Въ роскошной, громадной квартирѣ баронессы Долли Евграфовны фонъ-Саксъ царила тишина. Баронесса изволила еще спать, и всѣ обитатели ея квартиры пріумолкли, притаились, словно охраняя ея сонъ.

А, между тѣмъ, шелъ уже первый часъ дня.

Наконецъ прозвучалъ обычный тихій звонокъ, послышались осторожные шаги, щелкнулъ ключъ, зазвенѣла цѣпь. Въ передней раздался шопотъ.

— Спятъ еще, пожалуйте въ гостиную, Максимъ Сергѣевичъ.

Дверь изъ передней въ гостиную предупредительно распахнули услужливыя руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, и на порогѣ гостиной показалась высокая, стройная, широкоплечая фигура молодого человѣка. Робкимъ взглядомъ большихъ голубыхъ глазъ окинулъ онъ знакомую комнату.

Блѣдный свѣтъ петербургскаго дня, прокрадываясь сквозь кружево дорогихъ занавѣсей, тускло освѣщалъ гостиную. Тяжелая шелковая матерія цвѣта „электрикъ“ палаткой со средины потолка спускалась по стѣнамъ, сливаясь краями съ пушистымъ ковромъ. Какъ диковинные цвѣты, выдѣлялась на этомъ фонѣ причудливая снѣжнобѣлая мебель „фантази“. Со стѣнъ изъ тонкихъ бѣлыхъ рамъ глядѣли нѣжные старинные портреты пастелью. Во всю длину стѣнъ тянулись венеціанскія зеркала, окруженныя шаловливыми амурами.

Молодой человѣкъ осторожно ступалъ по коврамъ своими большими ногами, словно боялся ихъ измять. Глазами онъ уже намѣтилъ уютный знакомый уголокъ у окна,

и къ нему и направился. Пружины пушистой козетки низко опустились подъ тяжестью его крупнаго, молодого, здороваго тѣла.

На столикѣ лежали новые журналы и газеты, русскіе и иностранные. Молодой человѣкъ придвинулъ ихъ въ себѣ и, полулежа, разглядывалъ рисунки. Было что-то мощное, здоровое и грубое въ его широкоплечей, крупной и стройной фигурѣ. Его большая голова, увѣнчанная шапкой крупныхъ жесткихъ темнорусыхъ кудрей, нѣжно покоилась на шелковыхъ подушкахъ.

Его широкое лицо съ выпуклымъ лбомъ и выдающимися скулами, съ прямымъ русскимъ носомъ, съ пышными алыми губами дышало грубой красотой, и въ этой красотѣ не было „породы". Напомаженные завитые усы, гладко выбритое лицо, холеныя руки и сюртукъ военнаго топографа съ „иголочки" свидѣтельствовали, что молодой богатырь заботился о своей внѣшности.

Долго и терпѣливо просматривалъ онъ рисунки журналовъ и газетъ, и только слегка вздрогнулъ, когда прозвучалъ сильный, рѣзкій и продолжительный звонокъ.

Сразу ожилъ спавшій домъ. Гдѣ-то засуетились, послышались быстрые шаги, скрипъ двери, голоса. Молодой человѣкъ принялся за новую папку журналовъ.

Но вотъ дверь пріотворилась, заглянула прилизанная, некрасивая женская голова и скрипучій голосъ слащаво произнесъ:

— Баронесса проснулись, встаютъ. Не прислать ли вамъ сюда кофе, Максимъ Сергѣевичъ?

— Пожалуйста, Марфа Ивановна, буду вамъ очень благодаренъ.

Ея каріе маленькіе глаза иронически блеснули, а на поджатыхъ тонкихъ губахъ замерли чуть было не сорвавшіяся слова:

„Какъ же! Откажешься ты отъ ѣды! Еще бы! Случая такого не бывало!"

И прилизанная некрасивая голова снова скрылась за дверью.

Молодой человѣкъ отложилъ журналы, очистилъ мѣсто на столѣ для кофе и ждалъ, нетерпѣливо поглядывая на дверь.

Наконецъ появился лакей съ подносомъ, уставленнымъ кофейникомъ, сливками, булочками и закусками. Порція была солидная, — очевидно, съ аппетитомъ молодого человѣка тутъ были хорошо знакомы.

Его оставили одного, и онъ съ жадностью принялся за ѣду. Онъ ѣлъ, громко причмокивая, бутерброды и булочки хрустѣли на его здоровыхъ, бѣлыхъ зубахъ. Солидная порція быстро уменьшалась и вскорѣ на подносѣ ничего не оставалось, кромѣ пустой посуды.

Прошло еще добрыхъ полчаса и, наконецъ, дверь тихо распахнулась и шелковыя юбки зашуршали на порогѣ.

— Долли!

Молодой человѣкъ быстро поднялся навстрѣчу вошедшей.

Это была высокая и статная, эффектная женщина, не молодая уже, но моложавая, съ рѣзкими и правильными чертами брюнетки и съ пышной прической, очевидно, изъ искусно перекрашенныхъ въ каштановый цвѣтъ волосъ, частью собственныхъ, частью фальшивыхъ. Ея тонкія брови дугой, пурпуровыя губы, темныя рѣсницы, матово-бѣлый цвѣтъ лица, темные, полные страсти и жизни глаза, нѣсколько длинный тонкій носъ, изящная гордая головка — все говорило о красотѣ. Ея возрастъ выдавали только полосы подъ глазами и у рта, не побѣжденныя искусствомъ косметики. Да и фигура ея видная, полная, царственная, говорила о навѣки утерянной юности. Не было гибкости въ ея движеніяхъ, — напротивъ, они были тяжелы и лѣнивы. И шея ея, слишкомъ полная, сливалась съ линіей щеки и слегка отвисала подъ подбородкомъ. Этого тоже не могли побѣдить ни массажъ, ни повязки, ни притиранія Но въ общемъ, баронесса фонъ-Саксъ была эффектной, видной и моложавой женщиной, еще способной увлекать нѣкоторыхъ и, конечно, самой увлекаться.

Ея живые, темные глаза съ видимымъ удовлетвореніемъ любовались статной фигурой молодого любовника.

— Я сегодня проспала, Максъ, и очень мало могу вамъ удѣлить времени.

Въ ея голосѣ звучали и ласка, и презрѣніе. Такъ гово-

ритъ повелитель съ подчиненнымъ ему любимцемъ, безъ котораго онъ не можетъ обойтись и котораго въ то же время не уважаетъ.

— Я пришелъ, какъ вы мнѣ велѣли, Долли, въ первомъ часу дня, я не виноватъ... И я все время ждалъ...

Тонкія брови баронессы нахмурились и тѣнь досады промелькнула по лицу. Но она эту досаду затаила, и улыбка заиграла на ея искусно подкрашенныхъ губахъ.

— Вы очень меня любите, Максъ? — спросила она, смѣясь.

Сначала онъ растерялся, а потомъ схватилъ ея холеную, душистую руку и покрылъ жаркими поцѣлуями.

— Вотъ какъ я васъ люблю, Долли!...

— Похвально, очень похвально, — продолжала она, смѣясь, и въ ея смѣхѣ звучала нотка ироніи.

Потомъ, ласково потрепавъ его по румяной загорѣлой щекѣ, она добавила:

— А все-таки намъ надо теперь разстаться. Видите, я еще въ халатѣ. Скоро три часа, а съ пяти мой пріемъ. Женщины моихъ лѣтъ не умѣютъ быстро одѣваться. Сегодня мы предполагали обѣдать въ ресторанѣ, но я принуждена отказаться отъ этой мысли. Я слишкомъ утомляюсь послѣ пріема. Суета, бѣготня, болтовня, смѣхъ. И потомъ этотъ шоколадъ отбиваетъ всякій аппетитъ. Послѣ пріема я прилягу отдохнуть. А вы, мой другъ, свободны до 11 вечера. Съ одиннадцати будьте дома, я вамъ протелефонирую. Вы пріѣдете ко мнѣ на поздній обѣдъ, или на ранній ужинъ, — называйте, какъ хотите!

Она опять разсмѣялась, обнажая ровные зубы, увы! — поблескивавшіе золотыми пластинками.

— Я буду ждать, Долли.

— Пай-мальчикъ. Итакъ, до вечера.

Онъ еще разъ приложился къ ея рукѣ.

— Постойте, Максъ... — вспыхнувъ, остановила его баронесса, — не нужно ли вамъ денегъ?

Онъ замялся.

— Вы слишкомъ добры, Долли...

И съ добродушнымъ смѣхомъ онъ добавилъ:

— Когда деньги бываютъ не нужны?...

Краска стыда на ея лицѣ смѣнилась блѣдностью учи-

женія. Съ нѣкоторыми „мелочами“ до сихъ поръ не могла помириться ея гордость.

— Особенно въ молодости! — небрежно проговорила она. — Я всегда жалѣю, что деньги пришли ко мнѣ слишкомъ поздно.

Она протянула ему пакетъ, заранѣе приготовленный.

— Какая вы добрая, Долли, я не знаю... какъ...

Она вспыхнула и, гнѣвная, топнула ногой.

— Сколько разъ я вамъ говорила, — никогда не смѣйте меня благодарить за деньги!

Онъ робко потупился.

— Вы гордая и властная, — тихо проговорилъ онъ, — если бы вы перенесли столько униженій, безотрадныхъ дней, нищеты, если бы вы видѣли столько горя, сколько я видѣлъ съ дѣтскихъ лѣтъ, чуть ли не съ самой колыбели, вы бы поняли всю чистоту моей благодарности. Столько мнѣ приходилось бороться, и ни одна рука не протянулась ко мнѣ съ помощью, ни одинъ голосъ не прозвучалъ участіемъ и состраданіемъ. Напротивъ, тысячи жестокихъ рукъ (откуда только онѣ брались, ненавистныя?) старались сбросить меня въ пропасть. Вы — первая... Вы мой ангелъ-хранитель, и вы отталкиваете съ такимъ гнѣвомъ мою благодарность. И мнѣ это больно, и я... не понимаю — почему?

Въ его словахъ звучала искренность.

— Я все это уже слышала, — смягченнымъ тономъ проговорила баронесса. — Зачѣмъ вы повторяетесь? Я пришла вамъ на помощь, вы меня за это полюбили. За любовью и благодарностью проснулась страсть. Все это старо... и давно извѣстно намъ обоимъ. Мы вѣдь не молодожены. Шесть лѣтъ... порядочный срокъ. И теперь все идетъ тихо, какъ должно идти. Мы любимъ другъ друга, я — богата, вы — бѣдны. Что мудренаго, что я дѣлюсь съ вами частью своего богатства? Въ могилу я денегъ съ собой не возьму и, если мы до конца останемся друзьями, все будетъ вашимъ. Объ этомъ мы тоже не разъ говорили.

Онъ слушалъ ее, опустивъ голову. Вотъ ея взглядъ какъ бы случайно упалъ на стрѣлку кокетливыхъ фарфоровыхъ часовъ.

— Ого!... Время летитъ. Бесѣду мы можемъ отложить. До вечера.

Ласково и въ то же время небрежно и гордо она кивнула ему головой, и ея царственная пышная фигура скрылась за дверью. Она ни разу не обернулась и потому не могла видѣть, какъ ея любовникъ поспѣшно спряталъ драгоцѣнный пакетъ и ретировался, смущенный и недоумѣвающій.

Баронесса Долли Евграфовна поспѣшила въ свою туалетную. Тамъ ее уже ждали горничная Нюша и любимая экономка Марфа Ивановна.

Марфа Ивановна была всего тремя-четырьми годами старше своей госпожи, а какая разница! Одна — моложавая, эффектная, полная жизни, а другая — совсѣмъ уже отжившая женщина. Желтое лицо, испещренное глубокими морщинами, полусгнившіе зубы, высохшая шея, сѣдыя нити въ гладко зачесанныхъ волосахъ, и всегда темное платье, обрисовывавшее впалую грудь и согбенную спину; и черный чепецъ на прилизанныхъ волосахъ.

Баронесса звала ее: „моя старуха", а себя совершенно искренно считала еще „молодой".

— Вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ и я состарѣюсь, — улыбаясь, говорила Долли Евграфовна.

Но Марфа Ивановна только рукой махала.

— Вы всегда будете молоды, баронесса.

Въ туалетной баронесса одѣвалась. Темно-зеленое бархатное платье, отдѣланное соболемъ, очень ей шло. Она была слишкомъ умна, чтобы рядиться въ свѣтлые цвѣта; темныя платья скрадывали ея фигуру, а богатая отдѣлка освѣжала темный цвѣтъ матеріи. Почти всегда баронесса заканчивала свой туалетъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ или двумя-тремя благоухающими розами.

— Ну-съ, я готова, а, между тѣмъ, до моего пріема остается еще около получаса. Ты можешь идти, Нюша, моя старуха побудетъ со мной.

Нюша усадила баронессу въ кресло-качалку, подложила ей подъ голову мягкій шелковый валикъ и подъ ноги пуховую подушечку и удалилась. Баронесса медленно покачивалась, пристально оглядывая себя въ ручное зеркало.

— Ничего себѣ еще.

Марфа Ивановна стояла противъ госпожи, сложивъ тощія руки на впалой груди и поджавъ губы.

— Королева! — лаконически произнесла она.

— Да... но скоро этому придетъ конецъ, — задумчиво и печально заговорила баронесса. — Видишь, лапки подъ глазами, углы губъ опускаются, отъ носа идетъ борозда и какъ-то странно приподнимаются щеки... тутъ, у шеи, онѣ, напротивъ, свисаютъ. Тутъ подъ подбородкомъ тоже! И кожа уже какая-то странная... не то, что прежде... словно мертвѣетъ.

— Не юность, конечно.

— Хоть ты будь со мной откровенна, старуха. Ни съ кѣмъ я такъ не говорю, какъ съ тобой, — все, что на душѣ. Ты только одна мнѣ близка... цѣлые годы, десятки лѣтъ насъ связываютъ. Я тебя искренно люблю, старуха, думаю, что и ты мнѣ платишь тѣмъ-же.

Марфа Ивановна не мѣняла своей равнодушной и покорной позы, только маленькіе каріе глазки ея заблестѣли.

— Вы у меня однѣ, больше у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, — просто отвѣтила она.

Баронесса бросила на нее ласковый взглядъ и продолжала какъ бы въ полузабытьѣ:

— Да... время идетъ... все уходитъ. И скоро ничего, ничего не останется... только могила.

— Богъ съ вами. Если и старость придетъ, можно долго и хорошо жить. Вы обезпечены.

Горькая усмѣшка пробѣжала по губамъ баронессы.

— Я такъ не сумѣю жить. Сама я старѣю, а душа моя все такая же молодая. И желанья мои молоды, и мечты мои молоды.

Марфа Ивановна пожала плечами.

— И чего вамъ раздумывать? Веселитесь, пока можете.

— Прошлое лѣзетъ въ голову... и думаю: какъ все безцѣльно! Сколько было борьбы, сколько въ жертву принесено... и къ чему?... Лучше было бы совсѣмъ не родиться, не знать жизни, не знать смерти.

— Божья воля.

— Была бѣдна, — стремилась къ богатству, не ща-

дила своей молодости. Достигла богатства... и молодости нѣтъ... счастья нѣтъ. Пустота.

— Это у васъ такъ... меланхолія. Вотъ гости пріѣдутъ и разсѣютъ васъ. Все опять будетъ хорошо.

Наступило молчаніе. Баронесса опустила зеркальце на колѣни и откинула голову. Ея вѣки трепетали, губы подергивались, — словно она шептала что-то. Думы тѣснились, воспоминанія окутывали ее полупрозрачной дымкой.

— Помнишь... тогда, — тихо заговорила она, — ту ночь, когда мы бѣжали... изъ дома барона, моего мужа?... Жутко было, и дрожь, — сладкая дрожь „ожиданія" пробѣгала по тѣлу. Тогда я думала на свободѣ весь міръ покорить. Какъ глупо я тогда мечтала!...

— Да, вы рвались тогда на свободу... чуть не забыли Мусеньку благословить.

— Кого?...

— Мусеньку... Марію Николаевну. Дочку вашу... Большая она теперь выросла, коли жива.

Баронесса вздрогнула.

— Почему ты о ней заговорила, старуха? Я всегда стараюсь не думать о ней. Можетъ быть, умерла, а, можетъ быть, и замужемъ уже. Можетъ быть, я уже бабушка.

Она горько разсмѣялась.

— Да, ты права. Муся теперь уже большая... можетъ быть, мать семейства. А я помню ее такой крохотной. Ей лѣтъ 5—6 было, когда мы бѣжали... не больше. Теперь ей за двадцать... вѣдь лѣтъ шестнадцать-семнадцать прошло съ тѣхъ поръ. Ты ее помнишь?

— Помню... какъ живая, она передо мной. Ангелочекъ. Шустренькая, бѣленькая, золотистые волосики колечками.

— Ахъ, да. Вѣдь когда она родилась, у нея головка была вся лысая и кругомъ рыжая бахромка, совсѣмъ красноватая...

— Пожалуй, она не въ васъ, вы вѣдь что смоль были.

— Молчи: теперь я шатенка.

— Никто не слышитъ, не бойтесь, — и что-то вродѣ

улыбки промелькнуло по темнымъ, тонкимъ губамъ Марфы Ивановны.

— Воображаю, какъ баронъ, мой мужъ, рвалъ и металъ тогда, когда хватился и прочелъ мою записку?!

— Еще бы, онъ такъ васъ любилъ!

— Однако же... какъ онъ потомъ просилъ развода!

— Время, баронесса, — все забывается!.. У барона слабый характеръ, его та баба въ руки забрала. Можетъ быть, и Мусенькѣ было не легко...

— Любовница мужа, — это да... пускай... но законнаго мѣста я этой бабѣ не уступлю. И для меня это не выгодно. Разведенная баронесса... это совсѣмъ не то, что настоящая. Надо поддерживать престижъ. И такъ самое высшее общество все-таки выкинуло меня. Они хотѣли мнѣ запретить наслаждаться жизнью! Дурачье! Конечно, я предпочла наслажденіе жизнью ихъ чопорнымъ гостинымъ.

— Теперь вы обезпечены, вамъ на всѣхъ наплевать.

Баронесса оживилась.

— Ты права!.. И пожила я всласть. Цѣлый водоворотъ самыхъ разнообразныхъ наслажденій и увлеченій.

— А подъ старость будете обезпечены. Чего вамъ еще?

— Хорошо все-таки, что ты вспомнила о Мусѣ... Я хотѣла все оставить этому... дураку... Но надо подумать и о Мусѣ. Она не знала своей матери, такъ пусть, по крайней мѣрѣ, хорошо поживетъ на мои деньги. А тому... дураку, вѣдь, многаго и не нужно.

— Да, что вы, словно помирать собрались? — замахала руками Марфа Ивановна. — Будете такъ говорить, такъ я и уйду... и слушать не стану.

— И глупо. Я совсѣмъ не собираюсь сейчасъ умирать, но когда-нибудь вѣдь должно же это случиться... и можетъ совсѣмъ неожиданно. Я вѣдь не безсмертная.

— Конечно, о Мусенькѣ не грѣхъ позаботиться. А этотъ... дуракъ, какъ вы его называете, ваши денежки съ другой пропуститъ.

— И пускай! — равнодушно потянулась баронесса. — Не жалко.

— Все-таки лучше Мусенькѣ.

Дверь быстро распахнулась и вбѣжала Нюша.

— Баронесса, гости съѣзжаются. Двѣ барыни уже въ гостиной.

Баронесса нехотя поднялась. Теперь она съ удовольствіемъ отмѣнила бы свой пріемъ и поболтала бы еще о прошломъ съ Марфой Ивановной. Но... надо было идти.

У зеркала она еще разъ оправила туалетъ и прическу, и медленно и важно, какъ театральная королева, направилась въ залъ.

Это была громадная комната, вся бѣлая, лѣпная, съ позолотой. Глядя на роскошь, которая ее окружала, баронесса частенько вспоминала дни, когда ей положительно ѣсть было нечего. Это были тяжелые дни борьбы и униженій. Минутами даже порывалась она вернуться къ мужу, уже занятому другой женщиной, и на колѣняхъ вымолить прощеніе. Вѣдь онъ такъ ее любилъ, такъ лелѣялъ. Она ушла отъ него потому, что не любила его, потому, что онъ былъ много старше ея, потому, что молодая, трепетная, избалованная душа искала какого-то новаго, „особеннаго" счастья, какихъ-то невѣдомыхъ наслажденій и побѣдъ. Потомъ жизнь примяла ее такъ жестоко, что она готова уже была признать себя побѣжденной. Теперь она — побѣдительница, правда, не удовлетворенная своей побѣдой. Но, говорятъ, человѣкъ никогда не бываетъ вполнѣ удовлетворенъ... Ничѣмъ!

Любезная и сіяющая, подходила баронесса къ своимъ двумъ гостьямъ.

— Баронесса! — кинулись онѣ къ ней, пожимая руки и еле прикасаясь губами къ ея надушенной щекѣ.

Одна изъ нихъ была драматическая актриса — содержанка богатаго барина — Марецкая. Другая — балерина Котина, тоже содержанка, и обѣ гордились знакомствомъ и дружбой съ баронессой фонъ-Саксъ, воображая, что приняты въ высшемъ свѣтѣ.

II

„ПОЛУ-САЛОНЪ"

— Я не могу себѣ простить, баронесса, что пропустила цѣлыхъ два вашихъ пріема, — щебетала драматическая артистка Марецкая.

Хорошенькая пухленькая блондинка, уже вступившая въ „бальзаковскій“ возрастъ, она жеманно опустилась на бѣлый съ позолотой стуликъ и маленькими руками, затянутыми въ палевыя лайковыя перчатки, взялась за чашку шоколада. На ней было прелестное элегантное платье gris-perle и пелерина изъ шеншилей, длинными концами спускавшаяся до пола. И все-таки она болѣе походила на субретку, чѣмъ на барыню. На ней было слишкомъ много бриллiантовъ, видно было, что она ими щеголяетъ и гордится; шеншилевая шляпа съ разсчитаннымъ шикомъ была наклонена налѣво, и золотистые свѣтлые волосы массой локоновъ упадали направо. И потомъ она словно выставляла напоказъ свою ножку, обутую въ дорогія сѣрые ботинки, украшенные крохотными бриллiантовыми пряжками. Она слишкомъ громко смѣялась, и было что-то жеманное и неестественное въ ея щебечущей рѣчи.

Вторая гостья, балетная артистка Котина, уже успѣла выйти замужъ и бросить мужа, и снова вернуться въ балетъ, и даже завести себѣ новаго богатаго покровителя. Это была миніатюрная шатенка, одѣтая въ строгій англійскій туалетъ. Ея новый покровитель рѣшилъ ее „перевоспитать“ на англійскій ладъ. Она уже запаслась нѣсколькими англійскими словами, и, вычурно ихъ выговаривая, пересыпала ими свою рѣчь. Потихоньку отъ покровителя она все-таки нацѣпила массу браслетъ, колецъ и большущую бриллiантовую брошь.

— Садитесь, душечка Ольга Семеновна, — предложила ей стулъ хозяйка дома. — А вотъ и ваша чашечка шоколада. Бисквиты, сандвичи, тортъ. Прошу васъ не церемониться, mesdames.

— Какая вы сегодня эффектная, баронесса! — защебетала Марецкая. — Прелесть! Какая-то особенная. Или это мнѣ кажется потому, что я давно не имѣла счастія васъ видѣть, и теперь меня снова такъ поражаетъ ваша красота?! Вы даже меня не спрашиваете, почему я пропадала?.. И не замѣтили моего отсутствія?

— Что вы, что вы! — ужаснулась хозяйка. — Я даже спрашивала Сюзанну Леонтьевну: „Или меня забыла прелестная Лидія Степановна?“

— Почему же вы спрашивали обо мнѣ именно Сюзанну Леонтьевну? — обидѣлась Марецкая.

— Мнѣ кажется, что вы такіе друзья.

— Я и Сюзанна Леонтьевна? — расхохоталась Марецкая. — О, нѣтъ! Мы встрѣчаемся, и только. Правда, мы обѣ служимъ искусству, но очень различно. Я собственно и не считаю искусствомъ легкій фарсовый жанръ, — тамъ не нужно таланта. Надо только умѣть хорошо одѣваться и... раздѣваться. Фарсовыя артистки даютъ сценѣ свое тѣло, а мы, драматическія, — душу и сердце!

— Я не совсѣмъ съ вами согласна, душечка. И то, и другое искусство, и вездѣ талантъ необходимъ. Я не актриса, конечно, но мнѣ кажется, что искренно веселиться на сценѣ труднѣе, чѣмъ искренно страдать. Нашъ русскій фарсъ, правда, несовершененъ, но настоящій фарсъ, полный шика, блеска, веселья, задора, кокетства, если хотите — даже юмора, — это большое искусство.

— Вы совершенно правы, баронесса, — подхватила Котина.

— Можетъ быть, — поджала губы Марецкая, — только въ Сюзаннѣ Леонтьевнѣ я не вижу тѣхъ качествъ, которыя вы рекомендуете фарсу. Правда, она красивая женщина, но безъ огня ея красота и безъ женственности. Она молода, но практичный, сухой умъ ее старитъ. Въ ея кокетствѣ такъ и сквозятъ вопросы: „выгодно это мнѣ или нѣтъ?“ и „очень мнѣ это выгодно или не очень?“ Въ игрѣ ея нѣтъ таланта: все разсчитано, сухо, безжизненно, хотя и толково. И она удивительно умѣетъ повсюду пробираться, несмотря на свое позорное прошлое.

— Бѣдная Сюзанна Леонтьевна, — какъ вы ее отдѣлали, Лидія Степановна! — разсмѣялась Котина.

— Я только справедлива. Эти госпожи умѣютъ создавать совершенно незаслуженный шумъ вокругъ своего имени. Когда видишь ихъ, — даже стыдишься своего званія актрисы. Вы, кажется, со мной не согласны, баронесса?

Хозяйка дома граціозно расположилась въ креслѣ, опустивъ свои искусно подчерненныя длинныя рѣсницы, и неопредѣленная улыбка скользила по ея губамъ.

— Не совсѣмъ, — осторожно проговорила она. — Я, прежде всего, женщина и... неудачливая семьянинка. Мнѣ знакомо женское горе, и я боюсь осуждать... за... прошлое... Тѣмъ болѣе, что общество склонно все преувеличивать. Я вижу въ Сюзаннѣ Леонтьевнѣ женщину умную, красивую, практичную, стойко и твердо борющуюся съ жизненными препятствіями. Такихъ женщинъ я цѣню. И напрасно вы ее считаете холодной. О, когда ей нуженъ огонь, у нея его много. Она только напрасно его не расточаетъ, и за это я ее тоже хвалю.

— Вы ее все хвалите, баронесса, — ядовито усмѣхнулась Марецкая, — почему же вы не пожалѣете этого чудака графа Грегорова: съ нимъ она играетъ, какъ кошка съ мышью?

— Жалѣть мужчину? — быстро подняла голову баронесса. — Никогда! — Они и такъ великолѣпно устроились и сидятъ по горло въ разныхъ „преимуществахъ“! Что бы они ни совершили, они все правы! А женщину такъ легко закопать! Этотъ взглядъ во мнѣ вкоренился. Ради него я разошлась со многими друзьями своего прошлаго... и измѣнила ради него свою жизнь и... свои знакомства. Ни одинъ мужчина не заслуживаетъ сожалѣнія въ моихъ глазахъ, а женщинѣ я многое прощаю за то, что она, обездоленная и слабая, бьется въ неравной борьбѣ.

— Госпожа Мельвиль! — важно доложилъ лакей.

— Просите.

И баронесса пошла навстрѣчу новой гостьѣ. Марецкая покраснѣла, а Котина насмѣшливо улыбалась.

Героиня предыдущаго разговора появилась во всемъ блескѣ красоты, молодости и изящества. Черный туалетъ, большая бѣлая шляпа съ черными перьями, бѣлыя перчатки, бѣлые ботинки. Въ этомъ туалетѣ красиво обрисовывалась ея невысокая, стройная, гибкая фигура съ слишкомъ пышной грудью. Изящны и просты были ея движенія, какъ будто она родилась свѣтской дамой. Гладко причесанные бѣлокурые волосы, съ проборомъ на боку, подчеркивали правильность ея мелкихъ чертъ лица. Изящный носъ, улыбающіяся маленькія алыя губы, мелкіе, какъ жемчужины, острые „хищные“ зубы, большіе глаза, казавшіеся то темными, то сѣрыми, то зеленоватыми, то

голубыми, крохотныя ручки и ножки. Только голосъ у нея былъ рѣзкій, грубоватый, и что-то холодное и жесткое временами проскальзывало въ ея лицѣ.

— Легки на поминѣ, — спокойно улыбаясь, пожала ей руку баронесса.

— О! Очень меня ругали, — скажите?

— За что же васъ ругать? — отвѣтила баронесса вопросомъ на вопросъ, усаживая гостью и предлагая и ей традиціонную чашечку шоколада.

Поздоровавшись съ хозяйкой, Сюзанна Леонтьевна любезно пожала руки обѣимъ гостьямъ.

— Какъ поживаете, Ольга Семеновна? Что новаго у васъ въ театрѣ, Лидія Степановна?.. Будете играть что-нибудь хорошенькое?

— Ну, конечно! Ролями забросали! — самодовольно жаловалась Марецкая. — Какъ будто нѣтъ другихъ актрисъ на мое амплуа? Впрочемъ, наша молодежь все такая безцвѣтная, умѣетъ только „хоронить роли“. А вы?— небрежно спросила она Сюзанну.

— О, я, какъ всегда, выбираю не только роли, но и пьесы. Надняхъ ѣду въ Парижъ за туалетами. Тамъ у меня много полезныхъ знакомствъ, и „тряпки“ обходятся мнѣ очень дешево. Вотъ только фарсовъ мало интересныхъ. Думаю привезти какую-нибудь парижскую новинку. А вы, дорогая баронесса, — круто повернулась она къ хозяйкѣ дома, — какъ поживаете? Вижу, что здоровы и красиво цвѣтете, наша пышная роза!..

Появились новые гости — уже мужчины: молоденькій дипломатъ и два блестящихъ офицера. Сюзанна Леонтьевна сейчасъ же ими завладѣла и отдѣлилась отъ дамской компаніи. Вокругъ нея царило веселье.

Мало-по-малу салонъ баронессы наполнялся. Военные, штатскіе, артистки и, наконецъ, нѣсколько семейныхъ паръ, искавшихъ веселья и разнообразія въ оригинальномъ „полусалонѣ“ „покровительницы искусствъ“.

Шоколадъ уступилъ мѣсто шампанскому. Всѣ себя чувствовали свободно и весело. „Титулы“ чередовались съ „громкими именами“.

— Госпожа Ратона! — доложилъ лакей, и всѣ притихли.

Знаменитая опереточная примадонна, окутанная своими, не менѣе знаменитыми соболями поверхъ простого чернаго платья, появилась улыбающаяся, блѣдная, съ вѣчно мрачными, бездонными, черными глазами. Поклонники называли ея глаза „трагическими“.

— Ихъ сiятельства, княгиня и князь Труровы!

Общее вниманiе устремилось на сiятельную пару. Она безцвѣтная, робкая, простенькая блондинка, онъ — чахлый, блѣдный шпютъ. Онъ женился на ней потому, что ея сестра была супругой высокопоставленнаго лица.

— Свѣтлѣйшая княгиня Брезинская!

Впорхнула полная, молодящаяся дама, лѣтъ пятидесяти, въ яркомъ открытомъ туалетѣ. Она развелась со своимъ мужемъ; высшiй свѣтъ, въ которомъ она родилась и воспитывалась, отвернулся отъ нея; взрослая дочь ея не узнавала при встрѣчахъ. Но она жила, не унывая, и вѣчно подъ ея крылышкомъ ютился какой-нибудь ничтожный юнецъ. А лѣтъ двадцать тому назадъ она была красавицей, пѣла, рисовала, играла на роялѣ и царила въ высшемъ свѣтѣ.

— Господинъ Музилкинъ!

За княгиней Брезинской плелся худосочный, бѣлокурый, длинный юнецъ съ чуть пробивающимися усиками.

Досужiе языки еще язвительно пробирали „парочку“, когда лакей вновь торжественно доложилъ:

— Его сiятельство, графъ Грегоровъ.

И десятки устъ повторили:

— Графъ Грегоровъ... Чудакъ графъ Грегоровъ...

Новый гость сразу привлекъ вниманiе разношерстнаго общества. Его знали, ему завидовали, его искали. Онъ былъ еще молодъ, но въ его темныхъ волосахъ уже слегка серебрились преждевременныя сѣдины. Лицо его — блѣдное, породистое, съ рѣзко очерченными правильными чертами — свѣтилось красотою большихъ ярко-зеленыхъ глазъ и въ очертанiи надменныхъ устъ змѣилась горькая усмѣшка. Быстрымъ взглядомъ онъ небрежно окинулъ залъ. Знакомая картина, знакомыя лица. Ему навстрѣчу уже спѣшила хозяйка дома.

— Милый, рѣдкiй гость, — привѣтствую.

И, интимно смѣясь, она тихо добавила:

— Магнитъ уже здѣсь...

Нѣсколько бойкихъ фразъ, свѣтскіе комплименты, бокалъ шампанскаго „за здоровье очаровательной хозяйки,“ и стройный элегантный силуэтъ Грегорова смѣшался съ толпой гостей.

— Вы?! Наконецъ-то!

Сюзанна Мельвиль безцеремонно оборвала веселую бесѣду и устремилась къ Грегорову.

— Это былъ вашъ приказъ, богиня, — церемонно цѣлуя ея руку, проронилъ Грегоровъ.

— Покорились и выиграли пари, — кокетливо улыбнулась Сюзанна. — Предъявляйте же теперь ваше... требованіе.

— Буду скроменъ, — усмѣхнулся онъ. — Сократите до минимума мое пребываніе въ салонѣ баронессы... и не откажите провести со мной часокъ.

— Вамъ я ни въ чемъ не могу отказать. Но знаю, вы — „чудакъ“, и бойтесь сплетенъ. Уйдете вы первый, когда вамъ вздумается... а я за вами. Идетъ?

— Вы восхитительны, богиня. Я исчезаю.

— Уже?!

— Ну, конечно...

Графъ Грегоровъ незамѣтно покинулъ салонъ баронессы, за нимъ выскользнула и Сюзанна Мельвиль.

— Ловитъ богача, — язвительно шепнула баронесса Марецкая, наблюдавшая за Сюзанной. — Видѣли вы ея трюкъ? Она его увела. Корректное къ вамъ отношеніе...

— На этомъ она обожжется! — сердито буркнула баронесса.

Обѣденный часъ близился, и гости таяли въ салонѣ баронессы. Со вздохомъ облегченія проводила она послѣдняго, прошла въ свою блѣдно-лиловую спальню и поспѣшила сбросить тѣсное платье и корсетъ.

— Вы поспите? — спросила ее Марфа Ивановна.

— Да, конечно... если не засну, то хоть поваляюсь... Наконецъ-то убрались посѣтители... И какъ глупы эти пріемы! Глупы и утомительны.

И послѣ паузы она добавила слабымъ голосомъ:

— Ты посиди около меня, старуха.

— Я посижу.

Баронесса боялась одиночества, и вѣрная Марфа Ивановна всегда просиживала у ея постели, когда баронесса отдыхала днемъ, а ночью спала въ сосѣдней комнатѣ съ открытой дверью.

Выспавшись, баронесса освѣжила лицо притираньями, надушилась и облачилась въ нарядный шелковый пеньюаръ, ярко желтый, весь въ кружевахъ и блестящихъ пуговкахъ.

— Протелефонируй Максиму Сергѣевичу, пусть пріѣзжаетъ, — приказала баронесса, укладываясь на кушетку съ книгою въ рукахъ. — И позаботься, чтобы не задержали ужина. Проведешь Макса прямо въ столовую.

Молодой человѣкъ не замедлилъ явиться, и парочка расположилась въ столовой.

Баронесса любила поѣсть, — для нея это была одна изъ „отрадъ жизни". Свѣжая икра, устрицы, чашка бульона, форель, дичь и фрукты, и шампанское, конечно.

„Легкій" обѣдъ прошелъ въ молчаніи: баронесса не любила бесѣдовать въ присутствіи „слугъ", а послѣ обѣда она попросила возлюбленнаго въ будуаръ.

Въ соблазнительной позѣ, игриво смѣясь, протягивая къ нему полуобнаженныя руки, баронесса дала ему понять, что она желаетъ его ласкъ. Максимъ Сергѣевичъ не зналъ утонченной, нѣжной любви. Отцвѣтающая красавица пробуждала въ немъ только грубую животную страсть. И эту молодую страсть баронесса въ немъ цѣнила.

Онъ грубо привлекъ ее въ свои сильныя объятія, разорвалъ нѣжную шелковую ткань ея пеньюара. Онъ жегъ ее своими поцѣлуями, своей грубой лаской.

— Оставь... довольно.

Она его отстранила повелительнымъ жестомъ. Молодой и сильный, онъ не думалъ о ея годахъ. Если-бы ей скинуть съ плечъ хоть десятокъ лѣтъ! Увы, не только десяти лѣтъ, но и мгновенья прожитаго уже нельзя вернуть.

Баронесса лежала на кушеткѣ. Максимъ Сергѣевичъ, со смѣшной въ такомъ богатырѣ робостью, жался въ креслѣ около нея. Оба молчали. Общихъ нравственныхъ интересовъ у нихъ не было. Прежде баронесса пыталась поговорить „по душѣ" со своимъ любовникомъ, но вскорѣ

же бросила попытки. Онъ ея не понималъ, не могъ понять.

— Скажи, пожалуйста, о чемъ ты думаешь? — наконецъ, спросила она.

Онъ встрепенулся.

— Такъ... ни о чемъ. О чемъ мнѣ теперь думать? Мнѣ хорошо. Всѣмъ я доволенъ, никакихъ заботъ. О прошлыхъ невзгодахъ и вспоминать не охота... благодаря вамъ...

Онъ все еще не рѣшался сказать ей „ты".

— А развѣ ты никогда не влюблялся въ твоей юности?

— Не до этого мнѣ было! Бѣдность, горе...

— Да, — нетерпѣливо перебила она. — Но я вѣдь не первая женщина, удостоившаяся твоихъ ласкъ?

— Ну... о тѣхъ говорить не стоитъ.

— А я хочу... говори... Кто онѣ были? Сколько ихъ было? Почему ты ихъ ласкалъ?

Красный, какъ ракъ, онъ оправдывался:

— Мало ихъ было... Двѣ или три, не больше... Сами лѣзли. Ну, кровь молодая... не сдерживался.

— Кто же онѣ были? — допытывалась баронесса.

— Да такъ... дрянь... Горничная одна... потомъ такъ просто дѣвушка... и опять одна прислуга...

— Довольно, довольно! — желчно смѣясь, она зажимала уши. — Въ хорошенькую я попала компанію!

— Но, вѣдь...

— Молчи, довольно!

Онъ потупился и замолчалъ.

— А почему ты меня не спросишь... кого я любила?

— Да я знаю... мужа любили.

— Только одного мужа? — хохотала она.

— Я не хочу въ прошлое заглядывать, — оно не мое, чужое, оно не вернется.

Довольная этимъ отвѣтомъ, она его нѣжно поцѣловала.

— Не будемъ ссориться. Я вѣдь отъ тебя ничего не требую, кромѣ твоей страсти. Я откровенна. Если-бы я тебя любила, я бы ни на шагъ тебя не отпускала отъ себя. Но я не люблю тебя, ты только мой любовникъ. Для того, чтобы я могла любить, — мало молодости и кра-

соты. Нужно другое, утонченное, свѣтлое. Но на то, „другое“, я уже потеряла права. Надо быть разсудительной. Наши отношенія такъ просты: страсть и... и привычка. Все-таки шесть лѣтъ! А прошлое... ты правъ... ну его! Оно можетъ только дразнить и дурманить! Были, конечно, и тяжелыя страницы, много борьбы, униженій... но... Но врывались и такіе свѣтлые и сіяющіе лучи блаженства, какихъ уже не будетъ... никогда... Съ этимъ надо примириться и брать отъ жизни то, что...

Она рѣзко оборвала рѣчь и съ изумленіемъ смотрѣла на своего любовника. Подъ тихое журчанье ея словъ онъ... дремалъ.

— Максимъ Сергѣевичъ! — крикнула баронесса. — Идите домой и тамъ можете спать... вы забылись!

Пробужденный ея окликомъ, онъ поднялся, смущенный, почти испуганный. Онъ хотѣлъ оправдываться, но на рѣзкій звонокъ баронессы уже прибѣжала Марфа Ивановна.

— Проводи Максима Сергѣевича!

И баронесса скрылась, рѣзко хлопнувъ дверью.

— Скажите... скажите баронессѣ, — заикаясь, проговорилъ Максъ, — что я завтра утромъ въ первомъ часу приду, какъ всегда.

И онъ покорно послѣдовалъ за Марфой Ивановной, распахнувшей передъ нимъ дверь съ насмѣшливой почтительностью.

III

ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ГЛУШИ

Маленькая, простенькая дачка утопала въ богатой изумрудной зелени. Осеннее солнце золотило веранду и темно-зеленую листву плюща, обвившаго деревянныя колонны.

Сквозь стекла виднѣлся на верандѣ накрытый чайный столъ. На немъ блестѣлъ мѣдный самоваръ и никкелированный подносъ, уставленный скромнымъ голубымъ сервизомъ и опустѣвшими корзинами для хлѣба.

Надъ столомъ заботливо склонилась дѣвушка въ полот-

няномъ платьицѣ. Но даже сквозь грубую матерію обрисовывались идеально чистыя линіи дѣвственнаго тѣла. Лучи осенняго солнца падали на тонкую, длинную шейку, на розоватый, словно фарфоровый, затылокъ, покрытый, какъ нѣжными поцѣлуями, золотистыми завитками шелковыхъ волосъ. И пышная шевелюра была словно выкована изъ червоннаго золота.

Нѣжныя руки съ длинными и тонкими пальчиками быстро двигались, вытирая полотенцемъ вымытую посуду. Мгновеніями молодая дѣвушка наклонялась, поднимая крошку хлѣба или край полотенца, и тогда тонкій станъ ея сгибался, какъ легкая тростинка.

Наконецъ работа кончена. Уставивъ посуду на подносъ, она повернулась. Казалось, даже лучи солнца задрожали, восхищенные ея нѣжной красотой. Только у рыжеватыхъ блондинокъ бываетъ такой „фарфоровый" цвѣтъ кожи, такой ласкающій румянецъ.

А глаза? Эти темные, бархатные глаза, въ солнечномъ освѣщеніи — лучистые и прозрачные, подъ тѣнью темно-бронзовыхъ рѣсницъ! А эти тонкія, какъ шнуръ, словно нарисованныя кистью, брови? А пурпуровыя маленькія губки и прямой носикъ съ чуть замѣтной горбинкой? Даже въ своемъ простомъ, грубомъ нарядѣ она казалась юной богиней, сошедшей съ Олимпа. И такъ много было врожденной граціи въ ея походкѣ, въ ея движеніяхъ! Поэзіей и чистотой дышалъ ея обликъ.

Аккуратно разставила она посуду въ широкій крашеный шкафъ и закрыла его однимъ изъ ключей, висѣвшихъ связкой у кожанаго пояса. Потомъ съ легкимъ вздохомъ спустилась по деревяннымъ ступенямъ и, минуя крохотный палисадникъ, прошла въ небольшой фруктовый садъ.

Ея нѣжная фигура потонула въ высокихъ зеленыхъ кустахъ малинника. Терпѣливо осматривала она каждую вѣточку, сбирая крупныя темно-красныя ягоды. Это были послѣднія осеннія ягоды и ихъ было совсѣмъ немного, онѣ даже до половины не наполнили маленькую корзиночку. Раздвинувъ вѣтки малинника, молодая дѣвушка вышла во фруктовую аллею. Плоды уже были собраны, а деревья

понемногу сиротливо теряли свою листву. Они уже шелестѣли подъ ногами, эти первые опавшіе осенніе листья.

Но день былъ такъ упоительно хорошъ! Молодая дѣвушка опустилась на скамью. Грустная и мечтательная улыбка блуждала по ея губамъ. Ея лучистый взоръ тонулъ въ прозрачномъ голубомъ небѣ.

— Муся! Муся! Марія Николаевна! — раздался рѣзкій, визгливый окрикъ.

Она вздрогнула и ея тонкія брови недовольно сдвинулись. Улыбка погасла на устахъ и недобрые огоньки сверкнули въ глубинѣ глазъ.

— Минуты не дастъ покоя! — сердито мотнула она золотисто-рыжей головкой, но все-таки поднялась и покорно пошла на зовъ.

— Муся! Муся! — все ближе и ближе раздавались рѣзкіе окрики, и вотъ почти у самой калитки сада молодая дѣвушка столкнулась съ маленькой и толстой, неказистой женщиной.

На видъ этой особѣ было за сорокъ. Въ ея черныхъ, какъ вороново крыло, волосахъ уже ярко бѣлѣли сѣдыя нити. По темному, пятнистому лицу проходили глубокія борозды, проведенныя безпощадной рукой времени. Но въ маленькихъ темныхъ глазкахъ била ключомъ непокорная жизнь, а тонкія губы и крючковатый носъ свидѣтельствовали о злобѣ, кипѣвшей въ ея груди.

Въ грязномъ, распущенномъ халатѣ съ длинными рукавами, съ гортаннымъ крикливымъ голосомъ, она походила на старую ворону.

Бархатные, лучистые глаза молодой дѣвушки встрѣтились со жгучими, черными глазами женщины, и въ этихъ скрестившихся взорахъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась ненависть, которую оба эти существа питали другъ къ другу.

— Если тебѣ не угодно заниматься съ Вавой и Диной, — злобно заговорила маленькая женщина, — то надо сказать отцу, чтобы онъ взялъ учительницу, хотя это намъ не по карману. Но что же дѣлать, когда ты такъ манкируешь занятіями. Теперь уже половина одиннадцатаго, а ты все еще прохлаждаешься въ саду.

Молодая дѣвушка на всю эту тираду отвѣтила только

взглядомъ презрѣнія и молча прошла мимо врага, направляясь къ дому.

— Подумаешь! — злобно понеслось ей вдогонку. — Пава! Вся въ свою маменьку.

Молодая дѣвушка круто повернулась и на поблѣднѣвшемъ лицѣ ея глаза заблестѣли гнѣвомъ.

— Не задѣвайте мою мать! Я вамъ этого не позволю!

— Не позволишь? Хотѣла бы я знать, какъ это ты мнѣ не позволишь? Что же, ты бить меня будешь, что-ли? Можетъ быть, языкъ мнѣ вырвешь? Или я должна, чтобы угодить тебѣ, расхваливать ту женщину, которая отняла мое счастье и опозорила мою жизнь ради своего каприза? Какъ собака на сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ.

Очевидно, молодая дѣвушка обладала сильнымъ характеромъ, такъ какъ ей удалось сдержать гнѣвъ. Взглядомъ, полнымъ презрѣнія, смѣрила она злобное существо и, не оглядываясь, бѣгомъ направилась къ дому. Она остановилась только у дверей кабинета своего отца и постучалась.

— Это я, Муся! Можно, папа?

— Войди, дѣтка! — послышался мягкій, ласковый, немного глуховатый голосъ.

Молодая дѣвушка быстро вошла въ кабинетъ и поспѣшно закрыла дверь за собой на ключъ.

По ея блѣдному лицу и дрожащимъ губамъ отецъ сразу догадался, что произошла стычка между его законной дочерью и незаконной подругой.

Барону фонъ-Саксъ было уже около шестидесяти лѣтъ, но на видъ онъ казался гораздо моложе, хотя и утомленный жизнью. Немного выше средняго роста, коренастый, съ крупной головой, покрытой рыжеватыми сѣдѣющими кудрями. На сохранившемся свѣжемъ лицѣ только нѣсколько морщинъ выдавали его годы. Онъ давно уже не заботился о своей внѣшности, и борода его, которой уже давно не касались ножницы, отросла длинная, жесткая, безпорядочная. Честно и грустно смотрѣли круглые, свѣтло-каріе глаза.

— Что опять случилось, Муся? — почти робко спросилъ онъ.

Съ какой гордой нѣжностью смотрѣлъ онъ на свою дочь, на эту сказочную, бѣлоснѣжную царевну съ золоты-

ми волосами. И его сердце болѣзненно сжималось, потому что она такъ походила на женщину, — единственную, которую онъ любилъ въ своей жизни. И какъ любилъ! Только у жены его не было этихъ золотыхъ волосъ. Напротивъ, какъ черныя, блестящія змѣи сползали ея косы съ античной головки.

— Что же случилось, Муся? — повторилъ онъ свой вопросъ.

Молодая дѣвушка заговорила взволнованно и настойчиво:

— Ты долженъ ее обуздать, папа! И моего терпѣнія уже не хватаетъ. Слишкомъ дерзко и вызывающе держится послѣднее время твоя Анна Егоровна. Объясни ей, что я уже не тотъ ребенокъ, не то безсловесное маленькое существо, которое она съ такимъ наслажденіемъ безнаказанно терзала годы. Добромъ это не кончится, папа. Теперь она изобрѣла новую пытку, она старается бить меня по самой больной струнѣ, она оскорбляетъ мою мать.

Баронъ вздрогнулъ и крупная голова его тоскливо, какъ виноватая, опустилась на грудь. Молодая дѣвушка нѣжно склонилась къ этой сѣдѣющей головѣ.

— Я знаю, моя бѣдная мама причинила тебѣ много горя, но я все-таки ее люблю. Мое сиротливое дѣтство съ вѣчными попреками и притѣсненіями создало прекрасную, сладостную мечту. Эта мечта — моя мать. Когда я заливалась горькими, безпомощными слезами, мнѣ стоило только вспомнить мою маму... и сразу мнѣ становилось легче. Въ фантастическихъ грезахъ тонули мои мысли, и маленькое, наболѣвшее сердце успокаивалось и отдыхало. А теперь мою золотую грезу оскорбляютъ недостойныя уста! Обуздай ее, папа, а если это невозможно... то отпусти меня.

Онъ снова вздрогнулъ и порывисто поднялъ голову. Грустные, честные глаза съ такой тоской глядѣли на нее.

— Неужели ты можешь бросить меня, Муся?

Слезы подступали къ ея горлу, она не могла ему отвѣтить.

— Муся, — заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — вся твоя жизнь еще впереди, и я глубоко вѣрю, что тебя ждетъ счастье. Небо должно быть справедливымъ. И я

когда-то былъ счастливъ, но... разбился хрупкій бокалъ... и больно рѣжутъ сердце острые осколки. Теперь темно и холодно. Одинъ только лучъ свѣта въ этой темнотѣ... это ты, Муся. И неужели ты можешь уйти, оставить меня, погасить этотъ послѣдній свѣтъ моей догорающей жизни? Неужели на смертномъ одрѣ моемъ будетъ только темно и холодно?

Двѣ крупныя слезы медленно отдѣлились отъ глазъ и покатились по его щекамъ. Какъ виновная, молодая дѣвушка склонилась и покрыла поцѣлуями его холодныя, дрожавшія руки. Глубоко тронутая, она хотѣла сказать ему тысячу словъ утѣшенія, но... но ручку запертой двери уже теребили сердитыя руки Анны Егоровны; визгливымъ голосомъ требовала она, чтобы ей немедленно отворили дверь.

Въ кабинетѣ картина рѣзко измѣнилась. Молодая дѣвушка вскочила и нахмурилась. Ея отецъ смахнулъ предательскія слезинки и покорно сказалъ:

— Не волнуйся, Нюра, я сейчасъ открою!

Едва щелкнулъ замокъ, Анна Егоровна ворвалась, какъ разъяренная фурія.

— Жалуешься? Еще бы? Я ее оскорбила, оскорбила святыню, ея маменьку. Ха-ха-ха! Если-бы она аккуратно исполняла свои обязанности, то избавила бы себя отъ моего гнѣва и отъ моихъ справедливыхъ замѣчаній. Вмѣсто того, чтобы учить нашихъ дѣвочекъ, она бѣгаетъ по саду, она обобрала всю малину и, кажется, чувствуетъ себя хозяйкой въ моемъ домѣ и потомъ еще угощаетъ меня взглядами презрѣнія. Ты долженъ обуздать свою дочь, иначе мнѣ придется покинуть этотъ домъ. Я лучше со своими крошками пойду съ протянутой рукой, чѣмъ позволю дѣвчонкѣ наступить себѣ на голову.

Баронъ обѣими руками взялся за голову. Каждая злобная фраза этой женщины, какъ ударомъ хлыста, терзала его сердце. Онъ поблѣднѣлъ и глаза его словно глубже ушли въ орбиты.

— Тише, Нюра, подожди, надо говорить спокойно. Муся сейчасъ пойдетъ заниматься съ дѣвочками, а ты останешься со мной и мы поговоримъ.

— Теперь уже поздно заниматься, все утро пропало.

И зачѣмъ ей уходить? Пусть она выслушаетъ все то, что я тебѣ скажу и что ты посмѣешь мнѣ возразить. Я никого не боюсь и не стыжусь своихъ словъ. Я — права!

Онъ заговорилъ примирительно разбитымъ, больнымъ голосомъ:

— Конечно, Мусѣ слѣдовало во-время начать занятія, и завтра она будетъ аккуратна, но и ты не совсѣмъ права. Зачѣмъ ты задѣваешь Мусину мать? Вѣдь это прошлое, давно умершее, и оно никогда не воскреснетъ, а для дѣвочки...

— Ахъ! — прервала его Анна Егоровна. — Вотъ оно что! Оказывается, прекрасная баронесса и твоя святыня. Всю свою жизнь ты втайнѣ лелѣешь ея образъ! А я была только экономкой, кухаркой, тряпкой, ха-ха-ха! Дождалась! Я тебѣ пожертвовала всей своей жизнью, молодостью, честью. Страдаютъ наши дѣти, незаконныя, бѣдняжки. Можетъ быть, даже по твоей просьбѣ она не давала развода?

— Нюра, ради Бога...

— Молчи! Должна же, наконецъ, я тебѣ высказать всю правду и сама я должна знать правду. Пора тебѣ стать, наконецъ, мужемъ и отцомъ. Ты до сихъ поръ подъ башмакомъ у своей баронессы, терпѣливое, безсловесное животное!

— Какъ вамъ не стыдно! — вспыхнула Муся. — Вы грубая, неблагодарная. Развѣ вы стоите любви этого человѣка?

— Муся, ради Бога...

— Я не стою? Я не достойна? А кто же достоинъ? Прекрасная баронесса, ваша маменька? Я вашему отцу отдала свою жизнь и свою честь. Я не знала другой любви. Я не знала ласкъ другого мужчины, я только ему одному принадлежала, и потому я его настоящая жена, а не ваша маменька, ходившая по рукамъ.

— Замолчите! — внѣ себя крикнулъ баронъ и, схвативъ дочь за руку, онъ толкнулъ ее къ двери.

— Муся, уйди, уйди, моя дѣтка...

— А... ты боишься, чтобъ до невинныхъ ушей твоей прелестной дочки не дошла правда о поведеніи ея матери? Ты соорудилъ плотину и годами сдерживалъ бѣшеный по-

токъ, но плотина прорвалась и твоя слабая рука не удержитъ теперь бѣшеной силы. Часъ мести насталъ. Пусть дѣвчонка знаетъ правду и пусть презираетъ свою собственную мать. Прекрасная баронесса потонетъ въ той крови, которую она высосала изъ моего сердца!

Муся стояла блѣдная, какъ смерть, дрожащая.

— Она говоритъ правду? — задыхаясь, повернулась молодая дѣвушка къ отцу.

Онъ открылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но языкъ ему не повиновался. Онъ протянулъ къ ней руки, но руки эти безпомощно опустились. Въ его свѣтлыхъ глазахъ отразилась нечеловѣческая мука... и тихій стонъ сорвался съ его посинѣвшихъ губъ. Онъ покачнулся, руки его конвульсивно сжали замиравшее сердце. Его губы открывались, но воздуха не хватало, и, теряя сознаніе, всей своей грузной фигурой онъ опустился на коверъ.

IV

НА ВСТРѢЧУ НЕИЗВѢСТНОМУ

Быстро мчался поѣздъ, шипя и свистя, вглядываясь громадными огненными глазами въ темноту осенней ночи. Мчался онъ изъ тихой и ласковой провинціи къ далекому сѣверу, къ туманному, холодному Петербургу.

Въ одномъ изъ вагоновъ второго класса, переполненномъ усталой, дремавшей публикой, въ глубокомъ траурѣ ѣхала Муся фонъ-Саксъ. Забившись въ уголокъ, одинокая и безпомощная, она вся погрузилась въ воспоминанія прошлаго. Страшный кошмаръ, такъ круто измѣнившій ея жизнь! И теперь, теряя мужество, она мчится въ невѣдомыя страны, къ новой жизни. Весь ея багажъ тутъ, вмѣстѣ съ нею. Маленькая корзиночка съ бѣльемъ и съ платьемъ. А въ кожаной дорожной сумочкѣ „черезъ плечо“ все ея наслѣдство: пятьсотъ рублей, старыя письма и фотографіи ея родителей.

Въ пути она уже несчетное число разъ перечитывала эти старыя письма, которыя покойный ея отецъ хранилъ всю жизнь какъ святыню. И какія хорошія это были

письма. Полныя любви и нѣжности. Значитъ, было время, когда ея мать любила ея отца... И зачѣмъ это время такъ скоро прошло!

Бѣдный папочка! Его сердце не выдержало муки, оно навѣки успокоилось.

Въ ушахъ молодой дѣвушки и теперь еще звучали жестокія слова Анны Егоровны, безпощадно наносившія послѣдніе удары измученному человѣку.

На вопросъ своей дочери: „Она говоритъ правду?“ онъ не смогъ отвѣтить и уже не отвѣтитъ никогда. Какая мука отразилась тогда въ его свѣтлыхъ глазахъ, какой стонъ сорвался съ его посинѣвшихъ губъ, тихій стонъ, безнадежный!

Забывая все на свѣтѣ, Муся бросилась тогда къ нему. Она приподнимала его отяжелѣвшую голову, она покрывала поцѣлуями его мертвенно-блѣдное лицо, и самыя ласковыя слова дочерней любви срывались съ ея устъ. Словно она хотѣла вдохнуть въ него свою молодую жизнь. А потомъ, въ полномъ отчаяніи, она приникла ухомъ къ его сердцу. Оно уже не билось, это бѣдное сердце.

И все, что было потомъ, промелькнуло, какъ страшное, мучительное сновидѣніе.

Визгливыя рыданія Анны Егоровны, громкій плачъ двухъ черноголовыхъ дѣвочекъ, ея собственныя мучительныя слезы... И холодный, спокойный трупъ отца на столѣ среди цвѣтовъ, и скромныя похороны, и стукъ земли, которою засыпали безвременную могилу.

Очнулась отъ страшнаго сна Муся только тогда, когда черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ отца въ ея маленькую комнатку вошла Анна Егоровна. Блѣдная, съ опухшими отъ слезъ красными глазами, въ глубокомъ траурѣ, она все еще дышала своей вѣчной злобой.

— Разрѣшите войти, баронесса? — язвительно спросила она.

Муся встрепенулась.

— Конечно, Анна Егоровна, — она предложила стулъ своему врагу.

— Видите-ли, мнѣ надо съ вами поговорить серьезно, баронесса, — съ той же ироніей продолжала Анна Его-

ровна, и ненависть отразилась въ ея блестящихъ черныхъ глазахъ, устремленныхъ на молодую дѣвушку.

— Вашъ покойный отецъ мало отраднаго далъ мнѣ при жизни и мало хорошаго далъ послѣ смерти. Здоровье надломлено, положеніе болѣе чѣмъ двусмысленное, молодость прожита, двое малолѣтнихъ дѣтей и самыя ограниченныя средства. Все свое имущество, движимое и недвижимое, онъ завѣщалъ мнѣ и моимъ дѣтямъ. На ваше имя оставлено всего пятьсотъ рублей и какой-то пакетъ съ письмами. Деньги эти небольшія, но на первое время все-таки васъ поддержатъ.

Анна Егоровна передала Мусѣ деньги и пакетъ и вопросительно глядѣла на нее, поджавъ губы.

— Вы меня поняли, баронесса? Лишній ротъ теперь былъ бы для меня обременителенъ.

— Я поняла, — холодно отвѣтила Муся. — И напрасно вы волновались, я все-равно не осталась бы въ вашемъ домѣ.

— Да, баронесса, вамъ у меня дѣлать нечего.

Анна Егоровна злобно поднялась.

— Не буду вамъ мѣшать... Читайте письма... и укладывайтесь.

Горделиво закинувъ голову, она вышла изъ комнаты.

Муся распечатала пакетъ.

Письмо отца... и еще старыя, пожелтѣвшія письма.

„Дорогая моя... тебѣ, дитя моей единственной любви...“ Да, въ этомъ письмѣ всѣ тайны бѣднаго папы. Онъ полюбилъ ея мать и всю жизнь любилъ ее до послѣдняго дыханія. Столько въ этихъ строкахъ было глубокаго чувства, смертельной тоски и христіанскаго смиренія. А ей, своей Мусѣ, онъ завѣщалъ быть вѣчно такою, какою она была — любящей, нѣжной, трудолюбивой и стойкой. Просилъ не забывать его и молиться о немъ.

Слезы лились по щекамъ молодой дѣвушки, когда она читала эти строки. Онъ былъ „однолюбцемъ“, ничто не могло вырвать первую и послѣднюю любовь изъ его сердца.

Дрожащими руками молодая дѣвушка схватилась за фотографіи своей матери. Она ея не помнила, а до сихъ поръ отецъ ревниво охранялъ старыя фотографіи, не показывая ихъ никому на свѣтѣ. Передъ жадными глазами

Муси предстала великолѣпная баронесса фонъ-Саксъ во всемъ блескѣ молодости и красоты. Правильное лицо, жгучіе глаза, черныя змѣящіяся волны волосъ, стройная фигура съ тонкой таліей и роскошной грудью. И эта дивная, пламенная красавица — мать Муси!

Но вотъ дрожащіе пальчики молодой дѣвушки коснулись пожелтѣвшихъ страницъ. Сколько нѣжности, граціи, утонченнаго кокетства сквозило въ этихъ черныхъ строкахъ. Только женщина съ душой прекрасной и нѣжной могла такъ писать!

А вотъ и о ней, о Мусѣ, нѣсколько словъ:

„Наша маленькая крошка, наша златокудрая дѣвочка".

И какія-то новыя слезы, слезы счастья и умиленія хлынули изъ глазъ молодой дѣвушки.

Много разъ перечитывала она дорогія письма, наконецъ спрятала ихъ на своей груди и не разставалась съ ними ни на одно мгновеніе. Ей все казалось, что любопытные, жадные глаза Анны Егоровны стараются проникнуть въ загробную тайну человѣка, которому она отравила жизнь. Муся считала Анну Егоровну виновницей преждевременной смерти отца и не могла побѣдить въ своемъ сердцѣ ненависть къ этой маленькой грязной женщинѣ. На слѣдующій день, когда Муся колѣнопреклоненная рыдала у свѣжей могилы отца, онъ уже былъ для нея какимъ-то другимъ, новымъ. Какъ жалѣла она, что раньше онъ не посвятилъ ее въ трогательныя тайны своего сердца. Можетъ быть, она сумѣла бы его утѣшить, можетъ быть, она нашла бы способы примирить его съ матерью.

Ея отецъ, этотъ вѣчно-печальный, кроткій труженикъ, теперь предсталъ передъ Мусей въ новомъ романтическомъ освѣщеніи. Онъ предсталъ передъ нею рыцаремъ вѣчной любви къ красавицѣ, любви до могилы.

— Прощай, прощай, дорогая могилка, — шептала Муся, украшая подножіе креста цвѣтами. — Можетъ быть, не скоро я вернусь сюда. Но душа твоя, мой отецъ, прекрасный рыцарь вѣчной любви, твоя душа всегда будетъ со мною и твои совѣты всегда будутъ со мной. Я буду такой, какъ ты хочешь.

Съ трудомъ оторвалась Муся отъ дорогой могилы и,

вернувшись домой, стала складывать свои вещи въ корзиночку.

Домой! Какой ироніей теперь звучало это слово. У бѣдняжки не было дома, и она не знала, гдѣ его найдетъ. Маленькая дачка, въ которой Муся провела дѣтство и юность, теперь принадлежала Аннѣ Егоровнѣ.

Оставалось всего часа полтора до отхода поѣзда, и молодая дѣвушка спустилась въ садъ. Ей хотѣлось проститься со старыми деревьями, съ кустами малины и смородины, съ клумбами цвѣтовъ, со старой бесѣдкой, въ которой она провела столько хорошихъ часовъ вмѣстѣ съ покойнымъ отцомъ.

Какъ онъ измѣнился въ эти нѣсколько недѣль, ея любимый садикъ! Поздняя осень уже готовилась уступить свое мѣсто зимѣ. Аллеи сада были покрыты сухими пожелтѣвшими листьями и чернѣли оголенные стволы деревьевъ. И клумбы чернѣли, уже покрытыя рогожей. Только около бесѣдки весело поглядывали вѣчно-зеленыя пихты.

Молодая дѣвушка печально вздохнула. Маленькая простенькая дачка, лишенная изумрудной зелени, казалась теперь такой сиротливой и бѣдной. Невесело тутъ будетъ Аннѣ Егоровнѣ. Вѣроятно, ей придется провести тутъ всю зиму, такъ какъ не хватитъ денегъ для найма помѣщенія въ городѣ.

Ахъ, съ этой маленькой дачкой, съ этимъ садикомъ Мусѣ такъ тяжко было разставаться. Вѣдь, все здѣсь было сооружено трудами ея покойнаго отца. Вспоминалось дѣтство, и куда-то на задній планъ отошло все горькое и тяжелое и ожила только нѣжная ласка вѣчно близкаго человѣка. Двѣ послѣднія крупныя слезинки, какъ капли брилліантовой росы, скатились по нѣжнымъ щекамъ молодой дѣвушки.

„Прощайте, прощайте навсегда!“

Часъ отъѣзда приближался, и надо было еще проститься съ Анной Егоровной и съ сестрами Вавой и Диной. Изъ сада Муся прошла прямо въ дѣтскую. Обѣ дѣвочки походили на Анну Егоровну, смуглыя, черноволосыя, съ блестящими недобрыми глазами. Мать научила ихъ ненавидѣть Мусю, и ненависти своей онѣ не скрывали.

— Что тебѣ нужно? — огрызнулась Дина.

— Зачѣмъ ты пришла? — топнула ножкой Вава.

— Я пришла проститься съ вами, — кротко отвѣтила молодая дѣвушка. — Я сейчасъ уѣзжаю, и мы уже больше никогда не увидимся.

— И хорошо дѣлаешь, что уѣзжаешь, — усмѣхнулась Дина.

Вава поднялась и протянула ей руку.

— Прощай, — равнодушно сказала она.

Мусино сердце больно сжалось. Столько заботилась она объ этихъ двухъ маленькихъ существахъ, и даже въ минуту прощанья дѣти выказывали ей только одну ненависть, но она не могла на нихъ сердиться, она знала, „кто" вдохнулъ въ нихъ злобное чувство. Надо было еще проститься съ Анной Егоровной. Муся застала маленькую женщину въ столовой у окна за починкой бѣлья.

— Собрались уже? — равнодушно спросила Анна Егоровна, окидывая быстрымъ взглядомъ дорожный костюмъ молодой дѣвушки.

— Да, я сейчасъ уѣзжаю. Прощайте, Анна Егоровна.

Опустивъ работу на колѣни, Анна Егоровна протянула Мусѣ руку.

— Счастливаго пути.

Равнодушный небрежный тонъ не располагалъ къ бесѣдѣ. Поникнувъ головой, молодая дѣвушка вышла изъ маленькаго домика, построеннаго ея отцомъ, въ которомъ она провела почти всю свою жизнь.

Быстро мчится поѣздъ, свистя и шипя, и громадными огненными глазами словно вглядывается въ разсвѣтъ осенняго утра. Мчится онъ къ далекому сѣверу, къ туманному, холодному Петербургу.

Въ вагонѣ II-го класса публика просыпается, потягивается, разминаетъ усталые члены, переговаривается и шумъ проснувшейся жизни отрываетъ Мусю отъ ея думъ. Еще одинъ день проходитъ въ пути и еще одна ночь. И вотъ Муся въ Петербургѣ.

Весь день сидитъ она въ номерѣ маленькой гостиницы, словно боится выйти на улицу. Надъ столицей тяжело повисло сѣрое, свинцовое небо. Грязно, сыро. Мо-

роситъ мелкій дождь. Какъ сумрачные великаны, высятся многоэтажные дома. На улицахъ движеніе и шумъ.

Муся въ отчаяніи. Куда ей идти? Что ей дѣлать? Она подсчитала свои деньги, сообразовалась съ расходами и видитъ, какъ не надолго хватитъ ей ея „капитала".

Надо искать работы. Но гдѣ искать? Какой работы?

И Муся теряется и прячется въ уголокъ полинявшаго дивана, и слезы готовы брызнуть изъ ея глазъ.

Такъ проходятъ дни за днями. Мучительно одиночество въ этомъ большомъ городѣ съ этими печальными мыслями. А, между тѣмъ, здѣсь живетъ ея мать. Сладкая мечта ея дѣтскихъ лѣтъ, единственная вѣчная любовь ея отца, любовь до могилы!

„Куда вы поѣдете, можетъ быть, къ маменькѣ?" — нѣтъ-нѣтъ да и прозвучитъ въ ушахъ молодой дѣвушки язвительный вопросъ Анны Егоровны.

И Муся робко себя спрашиваетъ: „А почему бы и нѣтъ?"

И сердце сладко бьется въ ея груди.

Адресъ баронессы фонъ-Саксъ уже въ рукахъ ея дочери. Пойти самой или послать письмо?

И вотъ Муся строчитъ посланіе, полное робкой и нѣжной любви, съ мольбой протягиваетъ она свои руки, ждетъ участія и защиты.

Жребій брошенъ. Письмо опущено въ почтовый ящикъ и надо ждать отвѣта. Какъ тревожно, какъ болѣзненно то замираетъ, то громко стучитъ ея сердце.

TÊTE-A-TÊTE

V

Сюзанна Мельвиль, выскользнувъ изъ „полусалона" баронессы фонъ-Саксъ, черезъ нѣсколько мгновеній очутилась на улицѣ. Среди группы экипажей, дежурившихъ у подъѣзда, она сейчасъ же замѣтила сѣровато-голубой автомобиль графа Грегорова. Изъ окна автомобиля, очевидно, наблюдали за подъѣздомъ, такъ какъ онъ сейчасъ

же двинулся навстрѣчу Сюзаннѣ, поровнявшись съ ней, остановился, дверца распахнулась и графъ Грегоровъ помогъ ей войти.

— Итакъ, мы вдвоемъ, — разсмѣялась она, опускаясь на мягкое сидѣнье, покрытое свѣтло-желтой замшей.

— Думаю, вамъ не трудно было ускользнуть изъ этой компаніи, — усмѣхнулся онъ. — Гости уже давно начали „чокаться" бокалами и чувствовали себя довольно непринужденно. Въ этомъ легкомъ „туманѣ" вашъ легкомысленный поступокъ никого не могъ шокировать, если что-нибудь кого-нибудь можетъ шокировать въ этомъ гостепріимномъ домѣ!

— Сколько въ васъ яду, милѣйшій графъ. Не понимаю, право, зачѣмъ вы посѣщаете домъ, который находите столь подозрительнымъ? Когда Кричевскій будетъ описывать пріемъ баронессы, вы, конечно, попадете въ печатный списокъ посѣтителей. Это васъ не будетъ шокировать?

Онъ повернулся къ ней и его зеленые глаза ярко зажглись.

— На всѣ эти мелочи я обращаю слишкомъ мало вниманія. Вы знаете, что я бываю у баронессы только потому, что васъ могу тамъ встрѣтить.

Ея холодное сердце вдругъ забилось непривычно быстро.

— Вотъ какъ! И это осмѣливается говорить человѣкъ, который провелъ ночь кутежа, а утро на груди какой-нибудь продажной француженки!

Автомобиль уже быстро катилъ по Каменноостровскому, приближаясь къ островамъ.

— Нѣтъ человѣка безъ недостатковъ, а во мнѣ ихъ слишкомъ много, — пожалъ плечами Грегоровъ и голосъ его, только что звучавшій страстью, снова сталъ холоденъ и насмѣшливъ. — Я уже пережилъ свои „сентиментальные дни" и былъ жестоко наказанъ. Холодный душъ вернулъ мнѣ правильное кровообращеніе. Пошлость заставила меня смотрѣть на жизнь такъ, какъ она того заслуживаетъ. Если-бъ я былъ бѣденъ, я добивался бы богатства, если-бъ я родился въ какой-нибудь ничтожной семьѣ, я старался бы пробить себѣ дорогу. Къ сожалѣ-

нію, я чертовски богатъ и происхожу изъ аристократической семьи. Жизнь меня поставила въ такія условія, что мнѣ положительно нечего желать. Въ дружбу не вѣрю, въ женскую любовь — само собой разумѣется. И стараюсь, чтобы мнѣ было весело, и бросаюсь въ „авантюры“, которыя щекочатъ мои нервы.

Она вызывающе посмотрѣла ему въ глаза.

— Теперь вы ищете свиданья со мной, ибо я въ вашихъ глазахъ „авантюра“, щекочущая нервы?

Онъ отвѣтилъ дѣланно небрежно.

— Вы прелестная женщина. И можно пойти на нѣкоторыя жертвы для обладанія вами. Вы опьяняете меня и не даетесь мнѣ. А, между тѣмъ, я знаю, что вы не добродѣтельны.

Она звонко расхохоталась.

— Не думаете ли вы, что я буду разыгрывать предъ вами роль весталки? Впрочемъ, что называть добродѣтелью? Когда я любила, я отдавалась. Заставьте меня полюбить васъ, и тогда...

— А вотъ я о васъ совсѣмъ иного мнѣнія, — дерзко возразилъ онъ. — Я знаю, что у васъ было много любовниковъ. Не могли же вы всѣхъ ихъ любить?

Она покраснѣла и гордо закинула свою красивую головку.

— У меня были любовники, но совсѣмъ не въ такомъ количествѣ, какъ мнѣ приписываетъ ихъ злая молва. Или вы думаете, что я всегда была смѣлой и сильной женщиной? Я не аристократка, я дитя бѣднаго народа. Съ восьми лѣтъ я уже зарабатывала свой хлѣбъ въ шляпной мастерской. Красивая дѣвчонка, — 14 лѣтъ я попала въ руки скучающаго барина. Баринъ передалъ меня своему пріятелю, пріятель — другому пріятелю. Одинъ изъ этихъ „пріятелей“ на мнѣ женился. Но я его не любила, потому что онъ меня слишкомъ любилъ. Я убѣжала съ актеромъ. Онъ былъ толстый, некрасивый, грубый, и онъ меня больно билъ и ругалъ самыми ужасными словами, но я ему покорялась, какъ раба. Отъ актера меня сманилъ антрепренеръ. Полуобнаженная, я распѣвала съ эстрады сальныя шансонетки. Съ эстрады меня похитилъ богатый баринъ и повезъ путешествовать. Когда я уви-

дѣла Парижъ, у меня закружилась голова отъ восторга. Мы долго съ нимъ мыкались по Франціи, Италіи, Испаніи. Въ Монте-Карло онъ проигрался, скрылся и оставилъ меня на произволъ судьбы. Я быстро прожила свои бриліанты и мнѣ грозила голодная смерть въ этой незнакомой мнѣ странѣ. Какъ безпомощная, прибитая, голодная собака, бродила я по улицамъ, предлагая первому встрѣчному свою молодость и красоту. Передо мной разстилалось лазурное море, яркіе лучи солнца заливали меня, богатая изумрудная зелень, цвѣты, пальмы и бананы, — все это ласкало взоръ. Шумная жизнь, роскошные дворцы богачей, шикарные „собственники“, богатые туалеты дамъ и брилліанты, — все это контрастомъ дразнило меня, голодную нищую. Кто можетъ осудить меня за паденіе? Это были самые позорные дни моей жизни. Когда я вернулась въ Россію, я стала уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ, смѣлымъ, предпріимчивымъ, наглымъ, если хотите, работоспособнымъ, энергичнымъ и, видите, я встала на ноги. Меня знаютъ, обо мнѣ говорятъ, обо мнѣ пишутъ. Мнѣ теперь не нужно пресмыкаться изъ-за куска хлѣба и я отдаюсь мужчинѣ только тогда, когда онъ мнѣ нравится, когда „я“ этого хочу. Я дорожу своей свободой не меньше любого стараго холостяка. Повторяю, между робкой и жалкой Сюзанной прежнихъ лѣтъ и Сюзанной, которую вы видите передъ собой, нѣтъ ничего общаго. Между моимъ прошлымъ и моимъ настоящимъ — глубокая пропасть. Какъ видите, я откровенна и совсѣмъ не желаю казаться въ вашихъ глазахъ лучше, чѣмъ я есть.

Гордымъ движеніемъ откинулась она на спинку экипажа.

Автомобиль уже мчался по Елагину острову и свѣжій воздухъ, опьяняя, врывался въ открытыя окна.

Смѣлый и вызывающій разсказъ молодой женщины произвелъ глубокое впечатлѣніе на ея собесѣдника. Огонь, горѣвшій въ его сердцѣ, вспыхнулъ новымъ пламенемъ. Ему страстно хотѣлось это красивое, смѣлое созданіе, эту одинокую женщину, борющуюся съ жизненной бурей въ утлой ладьѣ, привлечь къ своей груди, приласкать и успокоить. Въ немъ пробуждалась ненависть ко всѣмъ

этимъ мужчинамъ, которые наслаждались ея молодымъ тѣломъ, наслаждались „до потѣхи“.

Онъ овладѣлъ ея рукой и, разстегнувъ перчатку, прижалъ къ своимъ губамъ.

Сюзанна Мельвиль полузакрыла глаза. Сколько разъ пламенныя мужскія губы касались ея руки, но никогда еще этотъ сладкій трепетъ не пробѣгалъ по ея тѣлу. Или графъ Грегоровъ обладалъ волшебной силой, которая способна была покорить и разогрѣть ея холодное сердце?!

Эта мысль, вдругъ мелькнувшая, ее испугала. Прозвучалъ звонкій, натянутый смѣхъ...

...Графъ Грегоровъ вспыхнулъ до корней волосъ и выпустилъ ея руку.

— Вы стали такой жестокой, что васъ можетъ только смѣшить сердечное участіе! — сорвались съ его губъ слова, полныя досады.

— Я не ищу участія и не выношу жалости! Или вы признаете права на гордость только у „титулованныхъ“? Я же совсѣмъ иного мнѣнія. Ваша кровь — голубая кровь вырожденія. А во мнѣ здоровая кровь плебейки и соединенная кровь многихъ націй. — Я смѣсь француженки, еврейки и польки. Невольно мнѣ въ голову приходитъ такое сравненіе: кисейная барышня, окончившая институтъ, въ концѣ концовъ въ жизнь выходитъ невѣждой и до смѣшного наивной, что не мѣшаетъ ей быть развращенной. А я не была ни въ какомъ институтѣ, до восьми лѣтъ я ходила въ народную школу, — вотъ и всѣ мои „дипломы“. Но жизнь образовала и воспитала мой природный умъ. Какая-то невольная жажда знанія увлекала меня. Я массу читала, много видѣла на сценѣ, многому училась въ самой жизни. Я пробыла два года во Франціи и отлично владѣю французскимъ языкомъ. Я владѣю еще итальянскимъ, польскимъ и немного нѣмецкимъ, а теперь изучаю англійскій. И съ какой-нибудь барыней, окончившей институтъ, я буду разговаривать, какъ съ глупымъ ребенкомъ. Я люблю въ себѣ эту жажду знаній. Нѣтъ отрасли, которая меня не интересовала бы. На первомъ планѣ, конечно, всѣ искусства, но мнѣ не чужды политика, торговля, коммерція. Простите, что я такъ

разговорилась о своей особѣ и даже не спрашиваю, интересуютъ ли васъ всѣ эти подробности?

— Напротивъ, я слушаю васъ съ глубокимъ интересомъ. Каждая новая встрѣча съ вами даетъ мнѣ новое. Въ васъ я вижу особенную женщину, Сюзанна Леонтьевна, и... опасную.

Со смѣхомъ она кокетливо повернула свою головку.

— Трусъ! Вамъ не опасны только женщины, которыя могутъ служить временной забавой.

Она гнѣвно сдвинула свои тонкія темно-золотистыя брови.

— А я, графъ, уже довольно потѣшала вашего брата. Теперь уже ничьей забавой я не буду. За мою страсть, за мое тѣло я возьму душу, а, можетъ быть, и жизнь. Вы угадали — я опасная. Не играйте съ огнемъ. Если вы хотите только шутить и наслаждаться, то проходите мимо.

Ея глаза, устремленные на графа Грегорова, теперь казались небесно-голубыми и ярко горѣли. Невольно она залюбовалась его блѣднымъ, красивымъ, взволнованнымъ лицомъ.

— Я не пройду мимо, не отступлю, я не трусъ, Сюзанна Леонтьевна! Одинъ только разъ въ жизни жаждалъ я обладанія женщиной такъ, какъ жажду обладанія вами. И вы будете моей, Сюзанна Леонтьевна, чего бы мнѣ это ни стоило!

Она смѣло выдержала его взглядъ.

— „Стоимость“ уже опредѣлена, — отвѣтила она полушутя, полусерьезно. — Я возьму вашу душу и вашу жизнь.

Въ свою очередь онъ усмѣхнулся.

— Душа уже въ вашемъ распоряженіи, если только она существуетъ, а жизнь... жизнью я не дорожу, Сюзанна Леонтьевна.

Автомобиль уже возвращался по Каменноостровскому въ городъ.

— Намъ надо рѣшить прозаическій вопросъ: гдѣ мы будемъ обѣдать?

— Ахъ, мнѣ все равно!

— Тогда поѣдемте къ „Медвѣдю“.

— Мы въ первый разъ обѣдаемъ съ вами tête-à-tête,— проговорила Сюзанна Мельвиль, снимая шляпу передъ зеркаломъ, когда они очутились въ маленькомъ уютномъ кабинетѣ ресторана.

— Во всякомъ случаѣ tête-à-tête для васъ неопасный! — пошутилъ графъ Грегоровъ и, заказавъ обѣдъ, онъ спросилъ Сюзанну: — А какую марку вы предпочитаете?

— У меня нѣтъ особенной марки... только посуше... не люблю сладкой водицы... И прямо начинайте съ шампанскаго безъ этихъ красныхъ, бѣлыхъ винъ и мадеръ.

— Слушаю-съ.

Черезъ четверть часа парочка уже сидѣла за небольшимъ круглымъ столомъ, убраннымъ розами и уставленнымъ закусками. Сюзанна ѣла умѣренно, но пила, какъ хорошій гренадеръ. Обыкновенно шампанское мало дѣйствовало на нее, но сегодня почему-то голова ея кружилась. Или ее опьянило долгое катанье на свѣжемъ воздухѣ? Или присутствіе этого человѣка такъ странно на нее дѣйствовало?!

— О, графъ, я вижу, что, послѣ моего признанія, вы смотрите на меня совсѣмъ иными глазами. Будьте же откровенны!

Тонкая улыбка промелькнула по его губамъ.

— Я не смѣю быть откровеннымъ.

— Я разрѣшаю вамъ это.

— И не будете сердиться?

— Приписывайте мнѣ всевозможные недостатки и пороки, только не глупость. Итакъ, какими глазами вы теперь смотрите на меня?

Съ ея разрѣшенія онъ закурилъ папиросу.

— Въ первый разъ, когда я васъ увидѣлъ на сценѣ въ какомъ-то „раздѣвательномъ“ фарсѣ, — медленно заговорилъ онъ, — я подумалъ: „хорошенькая женщина, но ничего не говоритъ моимъ нервамъ“ и я забылъ васъ. Вашъ театръ показался мнѣ скучнымъ и пошлымъ, и я не заглядывалъ въ него. Второй разъ мы встрѣтились на ужинѣ у Кюба. Помните, какая была разношерстная компанія? Въ тотъ вечеръ вы были удивительно хороши, кокетливы, остроумны и... и захватили меня. На сценѣ

вы гораздо хуже, чѣмъ въ жизни! Мнѣ услужливо разсказывали о вашемъ прошломъ... и я себѣ не дѣлалъ иллюзій. Въ сущности мои иллюзіи уже давно разбиты. Не вами, конечно. Но послѣднее время во мнѣ развилась какая-то апатія, самыя красивыя женщины не производили на меня впечатлѣнія... или это были впечатлѣнія одного вечера, одного часа, нѣсколькихъ минутъ.

— Ого!

— Вѣдь, вы позволили мнѣ быть откровеннымъ, и я широко пользуюсь своимъ правомъ. Мою апатію разбили вы... И теперь, послѣ вашего признанія, меня влечетъ къ вамъ еще сильнѣе. Если-бы я выслушалъ все это изъ устъ моей жены, матери, сестры, невѣсты... я способенъ былъ бы убить. Снобизмъ глубоко вкоренился въ мою душу... Но вы... вы женщина свободная, смѣлая, гордая даже своимъ прошлымъ паденіемъ... вы притягиваете меня къ себѣ.

— На одинъ вечеръ?

— Не знаю... можетъ быть, на цѣлые годы... Это скорѣй зависитъ отъ васъ, чѣмъ отъ меня. Пока кровь будетъ закипать въ моихъ жилахъ при одномъ вашемъ взглядѣ... при одномъ прикосновеніи.

Прекрасные глаза Сюзанны потемнѣли отъ страсти и не отрывались отъ искрившихся зеленыхъ глазъ.

— Какъ жаль, что мы не встрѣтились съ вами тогда, когда иллюзіи еще не были разбиты въ вашемъ сердцѣ. Вы забыли бы мое прошлое и научились бы уважать мое настоящее.

И послѣ короткаго молчанія она со вздохомъ проронила:

— Хотѣла бы я видѣть ту женщину, которая сыграла такую большую роль въ вашей жизни.

Темныя брови Грегорова сурово сдвинулись и на блѣдныхъ щекахъ вдругъ вспыхнули два яркихъ пятна.

— Сегодня въ первый и послѣдній разъ говоримъ мы объ этой женщинѣ! — рѣзко проговорилъ онъ. — Графиня Грегорова не была достойна ни моей любви, ни моего довѣрія. Къ счастью, теперь она носитъ другое имя.

Чуткая Сюзанна сейчасъ же поняла, что этой раны не слѣдуетъ касаться, и быстро перевела разговоръ. По-

томъ она неожиданно поднялась съ недопитымъ бокаломъ въ рукѣ, взглянувъ на золотые часики, въ видѣ браслетки обвивавшіе ея руку.

— Больше ни минутки! Сегодня я назначила у себя на квартирѣ чтеніе новой пьесы и уже запоздала, а между тѣмъ я всею душою стою за аккуратность. Допиваю бокалъ за ваше здоровье!

Она осушила бокалъ и смотрѣла на него вызывающими глазами. Ея губы были еще влажны, омоченныя шампанскимъ.

— Одинъ поцѣлуй... — прошепталъ Грегоровъ, вдругъ привлекая ее къ себѣ.

— Только одинъ, — дразнила она, то приближаясь устами къ его устамъ, то отклоняя головку.

— Даю вамъ слово, только одинъ.

Тогда, съ тихимъ смѣхомъ, она вдругъ обвила его шею обѣими руками и ея губы, губы опытной и страстной кокетки, прильнули къ его пламеннымъ губамъ. Они смотрѣли другъ другу въ глаза и жадно пили этотъ первый поцѣлуй, и зрачки ихъ расширились и обѣ пары глазъ казались почти черными, и сладкій трепетъ пробѣгалъ по ихъ тѣламъ.

Но вдругъ она выскользнула, какъ змѣйка, и съ звонкимъ хохотомъ подбѣжала къ зеркалу. Этимъ смѣхомъ хотѣла она скрыть невольный порывъ страсти, такъ властно захватившій ее.

— Шляпу... манто... мерси... — нервно говорила она.— Не вздумайте меня провожать.

— Но почему же?

— Не хочу.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю.

И уже у самыхъ дверей она бравурно тряхнула головкой.

— Да, съ вами можно потерять голову, чортъ возьми!

КВАЗИМОДО

VI

Быстрыми, легкими шагами Сюзанна Мельвиль вышла изъ ресторана.

Ея голова кружилась отъ вина и страсти. Ей надо было привести себя въ порядокъ, а прогулка пѣшкомъ была лучшимъ лѣкарствомъ.

„Кажется, игра начинаетъ на меня дѣйствовать больше, чѣмъ слѣдовало бы, — подумала она. — Этотъ человѣкъ, какой-то особенный, не даромъ слыветъ за чудака. Но я должна быть побѣдительницей. Надо же, наконецъ, выбраться на настоящую дорогу“.

Почувствовавъ усталость, она крикнула извозчика и приказала ему ѣхать домой на Офицерскую. У дверей квартиры большого дома въ третьемъ этажѣ она позвонила. И дверь такъ быстро отворилась, какъ будто кто-то уже ждалъ ея возвращенія.

— Наконецъ-то! — раздался сердитый тоненькій голосъ.

— Ахъ, это ты, Лазарь? Сколько разъ я тебѣ говорила, чтобы ты не отворялъ!

— Теперь уже половина двѣнадцатаго, я зналъ, что это ты.

— Освѣти же скорѣй переднюю, я ничего не вижу.

Въ темнотѣ щелкнула кнопка и вспыхнула электрическая лампочка.

Передъ красавицей Сюзанной стояло странное, уродливое существо. Это былъ маленькій человѣчекъ на тоненькихъ ножкахъ, горбатенькій, съ длинной, худой шеей и большой головой. Голова была покрыта черными, какъ смоль, густыми мелкими колечками волосъ. Круглые „муравьиные“ глаза на выкатѣ, длинный, мясистый носъ и большой ротъ съ чувственными губами. Одѣтъ онъ былъ въ затрепанный костюмчикъ синяго сукна. Костлявыя, суетливыя руки стащили съ плечъ Сюзанны роскошное манто и бережно повѣсили его на вѣшалку.

— Лиза! — сердито крикнула Сюзанна.

Прибѣжала маленькая нарядная горничная съ плутовскими глазками.

— Сколько разъ я говорила вамъ, Лиза, чтобы вы приходили на звонокъ.

— Я хотѣла идти, но Лазарь Моисеевичъ...

— Вы меня должны слушать, я хозяйка въ этомъ домѣ!

— Не надо волноваться, Сюзанночка, изъ-за такихъ пустяковъ. Лиза, возьмите шляпу и манто барыни и скорѣй поставьте самоваръ. Ты будешь пить чай въ столовой, Сюзанночка?

— Я пойду прямо въ свою спальню! — сердито отвѣтила Сюзанна. — Завтра у меня чуть-свѣтъ репетиція, надо просмотрѣть еще новую роль и я должна выспаться. Надѣюсь, ты мнѣ сегодня не будешь надоѣдать, Лазарь.

— А развѣ я тебѣ когда-нибудь надоѣдаю? — и его красноватыя вѣки быстро замигали.

— Нѣтъ, нѣтъ, — рѣшительно заявила Сюзанна, — ты меня сегодня не втянешь въ разговоръ. Пойдемъ, Лиза, помоги мнѣ раздѣться.

Спальня Сюзанны напоминала красивую бонбоньерку. „Земляничный" цвѣтъ тутъ сочетался съ снѣжно-бѣлымъ. Шелкъ, кружева, бархатный коверъ и у самой постели роскошная шкура бѣлаго медвѣдя.

Съ помощью горничной, Сюзанна быстро раздѣлась, расчесала волосы и запрятала ихъ въ блѣдно-голубую шелковую сѣтку. Тонкая ночная рубашка, длинная, до полу, богато разубранная кружевами и лентами, смѣнила черный туалетъ. Сюзанна юркнула подъ одѣяло и уютно расположилась на большой, мягкой постели.

— Переставь лампу на ночной столикъ и дай мнѣ новую роль. Теперь принеси чашечку чая и можешь идти.

Высоко на подушкѣ покоилась бѣлокурая головка Сюзанны. Повернувшись къ свѣту, она громко прочитывала новую роль. Въ домѣ царила такая глубокая тишина, что Сюзанна могла слышать біеніе собственнаго сердца.

Но вотъ въ комнатѣ рядомъ вдругъ послышались нѣжные звуки музыки. Чьи-то талантливыя, вдохновенныя руки прикасались къ клавишамъ, и клавиши пѣли нѣж-

ную пѣсню любви. Но вотъ раздались бурные звуки страсти... угроза и мольба, и жажда наслажденій, и клятвы, и муки ревности...

Сюзанна невольно заслушалась. Она отбросила тетрадку и лежала неподвижная на своихъ подушкахъ, закинувъ руки и тяжело дыша. Громадный талантъ маленькаго квазимодо всегда покорялъ ее, а сегодня, вѣдь, въ ея душѣ звучали первые аккорды любви и страсти.

Сладкія грезы ее охватили. Въ мечтахъ передъ нею стоялъ изящный графъ Грегоровъ, съ ярко-зелеными глазами, свѣтящимися желаніемъ. Пламенныя губы касались ея руки, и тихій голосъ говорилъ слова любви.

Высоко на бѣлыхъ подушкахъ покоилась бѣлокурая головка Сюзанны, ея вѣки опустились въ сладкой истомѣ и нѣжная улыбка блуждала по губкамъ.

И вдругъ она вздрогнула и невольно открыла глаза. Сладостную улыбку на ея лицѣ смѣнили гнѣвъ и отвращеніе. У самой ея кровати стоялъ Лазарь. Его выпуклые глаза съ жаднымъ восторгомъ упивались ея красотой.

Гнѣвная, она приподнялась на кровати.

— Какъ ты смѣлъ сюда войти, Лазарь?

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и опустился въ кресло. Его маленькая, смѣшная фигурка потонула въ этомъ большомъ креслѣ.

— Гдѣ ты была сегодня, Сюзанночка? — тихо спросилъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ.

— Какое тебѣ дѣло? — вспылила она.

Что-то вродѣ злобной, ядовитой усмѣшки промелькнуло по его ярко-алымъ губамъ.

— Какое мнѣ дѣло?! Вѣдь ты не любишь, когда тебѣ напоминаютъ прошлое, Сюзанночка?

Она зажала себѣ уши руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не о прошломъ! Тяжелыя цѣпи наложило на меня оно. О, если-бы ты зналъ, съ какимъ наслажденіемъ я растоптала бы и твою власть надъ моею жизнью, и тебя самого, квазимодо! — сорвались съ ея устъ страстныя слова.

Смертельная блѣдность покрыла его лицо, страданіе отразилось въ глазахъ.

— Неужели ты такъ меня ненавидишь, Сюзанночка?

А когда ты пользовалась моими услугами и теперь, когда ты пользуешься ими, ты тоже меня ненавидишь? Или ты думаешь сокъ выжатъ изъ лимона и надо выбросить его въ окно? Нѣтъ, не такъ легко разорвать цѣпи, которыя насъ связали. Тутъ только одно средство, рѣшительное, но вѣрное: убей меня, я съ радостью умру отъ твоей руки. И я буду знать, что послѣ моей смерти ты пойдешь на каторгу и уже не будешь принадлежать этимъ красивымъ, блестящимъ и сильнымъ мужчинамъ, которые теперь отвлекаютъ тебя отъ меня.

— Ты говоришь глупости. Уйди, оставь меня.

— Если ты мнѣ скажешь, гдѣ была.

— Зачѣмъ тебѣ это знать?

— Ты поклялась, Сюзанна, всегда все мнѣ говорить.. и до сихъ поръ ты держала свою клятву. Можетъ быть, потому, что всѣмъ этимъ мужчинамъ ты отдавала только свое тѣло. А теперь... Ты что-то скрываешь отъ меня, что-то важное. Что-то въ выраженіи твоихъ глазъ меня пугаетъ...

— Какъ все это глупо и невыносимо! Изволь, я тебѣ скажу, гдѣ я была. Сначала у баронессы фонъ-Саксъ, потомъ каталась по островамъ съ графомъ Грегоровымъ, потомъ обѣдала съ нимъ у „Медвѣдя“.

— Когда же я увижу, наконецъ, этого призрачнаго для меня графа Грегорова? Или онъ только проводитъ съ тобой время, какъ съ куртизанкой, и даже не подумаетъ пріѣхать къ тебѣ съ визитомъ?

Сюзанна вспыхнула.

— Графъ Грегоровъ меня уважаетъ... и напрасно ты думаешь, что я держу себя съ нимъ, какъ куртизанка. У меня на него широкіе виды... пора, наконецъ, устроить жизнь, какъ слѣдуетъ, — не вѣчно же я буду нравиться мужчинамъ. Пора быть благоразумной... И я буду принадлежать графу Грегорову только какъ его законная жена...

— Что? Что ты сказала? — вскочилъ Лазарь.

— Ты не такъ глупъ и навѣрно хорошо меня понялъ.

— Законная жена? Это невозможно, Сюзанна! Ты, кажется, совсѣмъ не думаешь обо мнѣ...

— При чемъ же ты? — нервно пожала она плеча·

ми. — Моимъ любовникомъ ты уже больше никогда не будешь, ты только мой другъ, съ которымъ меня связываютъ цѣпи прошлаго... Ты и останешься моимъ другомъ. И тебѣ, конечно, легче будетъ мириться съ однимъ законнымъ обладателемъ моей особы, чѣмъ съ нѣсколькими любовниками... Бродячая, позорная жизнь меня утомила... Мнѣ хочется покоя, обезпеченности, уваженія. Графиня Грегорова... При одной мысли, что я могу быть ею, я вся замираю отъ счастья... И ты долженъ мнѣ помогать въ достиженіи моего блестящаго плана...

Выпуклые глаза Лазаря пронизывали Сюзанну.

— Мнѣ не нравятся огоньки въ твоихъ глазахъ... Мнѣ не нравится самый звукъ твоего голоса. Берегись, Сюзанна... Твоего сердца я никому не уступлю... Видишь, ты даже покраснѣла! Сюзанна, Сюзанна, берегись!

Она опустила рѣсницы, какъ бы избѣгая его пронизывающихъ глазъ, ея пальчики нервно теребили кружево рубашки.

— Ты, кажется, намѣренъ въ этихъ безплодныхъ разговорахъ провести цѣлую ночь? А я хочу спать... понимаешь? Или тебѣ непремѣнно нужно вывести меня изъ терпѣнія?

— Не сердись, Сюзанночка. Я уйду, я скоро уйду. Только не гони меня, я самъ уйду.

И, схватившись обѣими руками за свои курчавые волосы, онъ простоналъ:

— Ахъ, неужели я такъ тебѣ противенъ? Неужели забыты и невозвратимы тѣ часы блаженства, когда я прижималъ тебя къ своей груди?!

Она приподнялась, порывистымъ движеніемъ сбросила голубую сѣтку съ бѣлокурыхъ косъ.

— Въ моей жизни было много тяжелыхъ, позорныхъ минутъ, — съ разстановкой проговорила она, — но никогда не падала я такъ низко въ собственныхъ глазахъ, какъ въ тѣ мгновенья, когда я тебѣ принадлежала, жалкій, хитрый квазимодо! При одномъ воспоминаніи вся кровь бросается мнѣ въ голову отъ стыда, отвращенія и отчаянія... И каждый разъ, когда я читаю желаніе въ твоихъ глазахъ, я тебя начинаю смертельно ненавидѣть!..

И каждый разъ, когда ты переступаешь порогъ моей спальни, я готова выбросить тебя за дверь.

Онъ закрылъ лицо руками и его большая курчавая голова задрожала отъ рыданій.

— Ну, вотъ... новая комедія, — съ досадой проговорила Сюзанна, опускаясь на подушки. — Вижу, что мнѣ всю ночь не придется уснуть.

Рыданія смолкли и большая голова Лазаря медленно поднялась.

— У тебя нѣтъ сердца, — глухо проговорилъ онъ. — Если бы ты не была такой пустой, безнравственной и жадной, ты оцѣнила бы мое чувство... Развѣ такъ любили тебя тѣ, другіе? Сколько ихъ было и гдѣ они всѣ?.. Гдѣ они?.. Твоя красота, твой умъ развѣ удержали ихъ возлѣ тебя?.. Чѣмъ они жертвовали для тебя? Ихъ нѣтъ, никого нѣтъ, и ты давно уже не существовала бы, если бы не я... Моя любовь не знаетъ границъ... Всѣ жертвы вплоть до преступленья... Все для тебя... Но развѣ ты ищешь преданное сердце?.. Тебѣ нужны высокій ростъ, физическая красота, титулы, богатство. Но все это не принесетъ тебѣ счастья. И твой графъ Грегоровъ, насладившись твоею любовью, броситъ тебя, какъ грязную перчатку... И опять я, только я одинъ буду возлѣ тебя... Я все тебѣ простилъ и все прощу... Но сердца твоего я никому не уступлю. Когда я играю на скрипкѣ или на роялѣ, ты невольно восхищаешься моимъ сердцемъ... Въ этихъ звукахъ, нѣжныхъ, страстныхъ, могучихъ, выливается моя душа... и душа моя вся въ твоей власти. А ты хочешь растоптать единственное свое сокровище. Теперь ты мечтаешь о графѣ Грегоровѣ, какъ о законномъ мужѣ... Къ чему тебѣ бракъ?.. Онъ не сотретъ твоего прошлаго, а только потащитъ къ этому позорному прошлому и твоего будущаго мужа. И потомъ... все это жалкія надежды, неосуществимые, воздушные замки... Графъ Грегоровъ никогда на тебѣ не женится.

— Вотъ какъ? — прищурила Сюзанна свои великолѣпные глаза, потемнѣвшіе отъ гнѣва. — Ты считаешь меня глупой и неинтересной? Напрасно ты надѣешься на это. Клянусь тебѣ, что графъ Грегоровъ будетъ моимъ

мужемъ... Если даже это мнѣ стоило бы жизни! Я все поставлю на карту... Примирись съ неизбѣжнымъ.

— А я?

— Ты?.. Ты будешь тѣмъ же, чѣмъ ты теперь... жалкимъ рабомъ женщины, въ которой ты возбуждаешь только отвращеніе и презрѣніе... Цѣпи прошлаго связываютъ мнѣ руки и ты насилуешь мою волю и... А еще хвалишь свою какую-то особенно утонченную и прекрасную душу! Ха, ха, ха.

— Сюзанна!

— Постой!.. Но если ты пожелаешь оставить меня — ты не раскаешься... Я щедро вознагражу твои прошлыя услуги и обезпечу твое существованіе.

Онъ горько разсмѣялся.

— Развѣ мнѣ нужны деньги? Ты знаешь мой талантъ! Если бы ты не завладѣла моей душой, я взялъ бы свою скрипку и она меня прокормила бы. Можетъ быть, она создала бы мнѣ почетную славу и богатство... Но ты меня приковала къ себѣ... и безъ тебя у меня нѣтъ жизни... Я тебя люблю... О, какъ я тебя люблю!.. Несмотря на оскорбленія, на муки ревности, несмотря на всѣ твои недостатки и пороки... я все-таки тебя люблю. Можетъ быть, когда-нибудь на закатѣ твоихъ дней ты познаешь такое же чувство... И это будетъ страшнымъ наказаніемъ за меня, за мои муки... Возмездіемъ это будетъ.

Кровавыя волны заливали его щеки, лобъ, виски до самыхъ корней волосъ... Ярко горѣли его глаза и пламенемъ вѣяло его дыханіе... И сердце въ груди Сюзанны сжалось тоскливымъ предчувствіемъ, словно было что-то пророческое въ словахъ Лазаря.

— Болѣе страшнаго наказанія, какъ твоя постоянная близость, уже не можетъ быть, — все-таки упрямо отвѣтила она.

Нѣсколько мгновеній онъ молчалъ, какъ бы стараясь побѣдить бурю, клокотавшую въ груди. Яркія, кровавыя волны отхлынули къ сердцу и лицо его поблѣднѣло, взоръ потухъ.

— Спокойной ночи, Сюзанночка, — смиренно проговорилъ онъ, благоговѣйно касаясь губами края ея одѣяла. — Спокойной ночи, моя жизнь.

И онъ тихо поползъ къ дверямъ на своихъ кривыхъ, тоненькихъ ножкахъ и скоро его кудрявая голова скрылась за дверью.

Вздохъ облегченія вырвался изъ груди Сюзанны. Она погасила электричество и закрыла глаза... Но ей не спалось... Совсѣмъ не о Лазарѣ, его любви и угрозахъ думала она... совсѣмъ не объ этомъ.

Во мракѣ ночи, среди глубокой тишины, ея сердце тревожно билось... Ея уста еще горѣли, обожженныя первымъ поцѣлуемъ графа Грегорова... Она еще чувствовала взглядъ его зеленыхъ глазъ, полный сочувствія и восхищенія. Это — настоящій мужчина!.. Съ нимъ можно найти то счастье, котораго еще не было въ ея жизни.

— Я буду графиней Грегоровой! — безъ конца повторяла Сюзанна.

VII

ПИСЬМО

Баронесса Долли Евграфовна фонъ-Саксъ полулежала въ будуарѣ на качалкѣ, обложенная пуховыми подушками, и тихо покачивалась. Маленькій томикъ французскаго романа, небрежно брошенный на колѣни, соскользнулъ на полъ. Марфа Ивановна, стоявшая тутъ же, въ своей обычной позѣ, со сложенными на груди руками, медленно наклонилась и подняла томикъ.

— И это вамъ надоѣло, баронесса, — съ грустной усмѣшкой проговорила она. — Все вамъ надоѣло, и вижу, что вы скучаете.

— Ты права, старуха, — вздохнула Долли Евграфовна. — Жизнь ползетъ и скрипитъ такъ же равномѣрно и монотонно, какъ колесо телѣги. Надо придумать что-нибудь новенькое. Надо встряхнуться. Надо принять мѣры, чтобы петербургская тина меня не засосала.

— За границу бы съѣздили.

— Ты угадываешь мои мысли, старуха. Все чаще и чаще я вспоминаю свою очаровательную виллу въ Монте-Карло. Прелестный лазурный берегъ. Роскошное казино, полное жизни. Да, надо будетъ съѣздить, старуха.

— Съ Максимомъ Сергѣевичемъ?

— На этотъ разъ ты не угадала. Я вѣдь поѣду не надолго, на двѣ-три недѣльки. Мнѣ нужно встряхнуться. И никого изъ „нихъ" не видѣть, никого. Если-бы Максъ былъ другимъ человѣкомъ, я бы взяла его съ собой. Но въ немъ нѣтъ никакой чуткости, это обрубокъ. Онъ одинаково равнодушенъ и къ божественнымъ красотамъ природы, и къ утонченной цивилизаціи.

Баронесса вдругъ разсмѣялась.

— Знаешь, какая мнѣ пришла мысль, старуха. Я возьму тебя съ собой. Воображаю, какъ ты будешь ахать! Ты вѣдь и понятія не имѣешь о всѣхъ этихъ заграничныхъ чудесахъ. О, мы не будемъ скучать, и двѣ-три недѣли пролетятъ какъ два-три дня.

— Новое дѣло! — усмѣхнулась Марфа Ивановна.

— А ты недовольна?

— Какъ же мнѣ быть недовольной? Во-первыхъ, я съ вами, во-вторыхъ, увижу разныя диковинки; все-таки передъ смертью будетъ что вспомнить.

Баронесса оживилась.

— Да, да, конечно, въ Монте-Карло! Въ субботу дамъ прощальный обѣдъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, а потомъ и помчимся съ тобой. Максимъ Сергѣевичъ, конечно, не посмѣетъ протестовать.

— Да онъ у васъ и пикнуть-то не смѣетъ.

— Досадно! Если-бъ при его физическихъ данныхъ онъ былъ бы другимъ человѣкомъ, я еще могла бы мечтать о счастьѣ. Но нѣтъ, старуха, тысячу разъ нѣтъ.

— Вамъ письмо, барыня, — раздался за дверью голосъ Нюши.

Марфа Ивановна подошла къ двери, приняла письмо изъ рукъ горничной и снова закрыла дверь.

— По городской почтѣ, — сказала она, подавая письмо баронессѣ.

— Ну, конечно, какое-нибудь извѣщеніе о благотворительномъ засѣданіи. Распечатай, старуха.

Костлявыми, трясущимися пальцами Марфа Ивановна медленно распечатала конвертъ и подала баронессѣ сложенное письмо. Отступивъ на шагъ, въ своей любимой

позѣ, со скрещенными на груди руками, она слѣдила за чтеніемъ письма.

— Ахъ, Боже мой, что это? — какимъ-то страннымъ тономъ растерянно проговорила баронесса.

Она перевернула страницу и посмотрѣла на подпись: „Ваша дочь Марія“.

— Это Муся! Понимаешь-ли ты, старуха, это письмо мнѣ пишетъ Муся!

И Марфа Ивановна заволновалась, приблизившись къ баронессѣ, и наклонилась надъ письмомъ. Прерывавшимся слабымъ голосомъ баронесса прочла вслухъ:

„Дорогая мама! Какъ страшно, какъ жутко и въ то же время радостно писать вамъ эти строки. Я васъ не знаю и вы меня, можетъ быть, уже забыли. А, можетъ быть, и нѣтъ, можетъ быть, вы меня любите такъ же, какъ и я васъ люблю. Одинокая, растерянная, я обращаюсь къ вамъ, къ вашему сердцу. Недавно я пережила большое горе. Я похоронила моего отца. Теперь я совсѣмъ одна въ этомъ большомъ городѣ, и къ вамъ, моя мама, я съ мольбой протягиваю руки. Я жду участія и защиты. Я хотѣла къ вамъ придти, но побоялась. Можетъ быть, вы уже не та, какою были прежде. Но я хочу вѣрить, что вы все та же. Съ дѣтскихъ лѣтъ, съ того дня, какъ вы меня оставили, я всегда думала о васъ, вы были моей мечтой, моимъ утѣшеніемъ, моимъ торжествомъ. Боже мой, протяните мнѣ руку, и я со слезами счастья и любовью прижмусь къ вашему сердцу. Я жду вашего отвѣта, дорогая мама. Ваша дочь Марія“.

По мѣрѣ того, какъ баронесса читала, голосъ ея становился все слабѣе и все чаще прерывался. „Ваша дочь Марія“. Рука, державшая письмо, безсильно опустилась на колѣни, и жгучія слезы брызнули изъ глазъ. И по морщинистымъ желтымъ щекамъ Марфы Ивановны тоже катились крупныя слезы, но она ихъ смахнула и опустилась къ ногамъ баронессы, цѣлуя ея руки.

— Вы плачете, баронесса. Какъ это хорошо! Значитъ, сердце ваше проснулось, значитъ, вы любите бѣдную дѣвочку. И оно должно было проснуться, сердце матери. Прикажите, я сейчасъ же поѣду за ней и привезу ее. Вы прижмете ее къ сердцу, и долгая разлука забу-

дется, и снова вы будете близки другъ другу, и никто васъ не разлучитъ. А баронъ-то скончался, бѣдняга, царство ему небесное.

И баронесса невольно перекрестилась вслѣдъ за Марфой Ивановной.

— Такъ, прикажете, я привезу Мусеньку?

— И я поѣду съ тобой, старуха. Пошли мнѣ Нюшу, я пріодѣнусь немного и прикажи подать автомобиль.

Баронесса тщательно одѣвалась. Ей хотѣлось предстать передъ дочерью моложавой и элегантной.

Въ эти минуты, когда материнское чувство такъ властно овладѣвало ею, она не думала, что взрослая дочь будетъ ее старить и въ глазахъ многочисленнаго общества, и въ глазахъ молодого любовника. Теперь она думала только о Мусѣ. Для Муси она надѣвала этотъ элегантный темно-синій туалетъ, красиво облегавшій ея фигуру и скрадывавшій полноту. Для Муси она особенно тщательно красивыми волнами положила свои каштановые волосы. Для Муси надѣла она соболью шапочку, которая удивительно ей шла. Завернувшись въ манто, отдѣланное соболями, она вмѣстѣ съ Марфой Ивановной помчалась въ моторѣ по адресу, данному Мусей.

— Какъ ты думаешь... какъ ты представляешь себѣ Мусю?

— Трудно и представить, баронесса. Вѣдь мы ее увидимъ черезъ пять минутъ.

— Или она высокая и стройная, какъ я... или широкоплечая, коренастая, какъ ея отецъ. Волосы у нея были отцовскіе, рыжеватые, и вились кольчиками. А глаза? Я не помню ея глазъ, старуха, я забыла ихъ. Я помню только эти волосы... золотисто-рыжіе въ кольцахъ. Ахъ, Боже мой... а теперь она совсѣмъ уже большая. Вѣдь ей двадцать два года, старуха. Ахъ, Боже мой, Боже мой, какъ бьется сердце! Почему я такъ волнуюсь? Скажи мнѣ, почему я такъ волнуюсь?

Но Марфа Ивановна не успѣла отвѣтить, автомобиль остановился у подъѣзда невзрачной гостиницы. Затрепанный швейцаръ открылъ дверцу, и баронесса фонъ-Саксъ скользнула въ подъѣздъ.

— Скажите, пожалуйста, въ двадцать шестомъ номерѣ. у васъ тутъ остановилась молодая дѣвушка?

— Да, какъ же, баронесса фонъ-Саксъ! — заявилъ швейцаръ.

— Да, да, баронесса фонъ-Саксъ. Она дома сейчасъ?

— Дома. Онѣ очень рѣдко выходятъ. Прикажете доложить?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы только проводите насъ до дверей ея номера, она знаетъ, она ждетъ, — волновалась баронесса.

Золотая монета опустилась въ руку швейцара, и онъ въ одно мгновеніе сдѣлался удивительно предупредительнымъ. У маленькой двери въ полутемномъ коридорѣ онъ остановился.

— Вотъ это и будетъ двадцать шестой номеръ, ваше сіятельство. Прикажете постучать?

Баронесса схватилась за сердце. Оно замерло въ груди отъ волненія, и дыханіе ей перехватило. Она не могла произнести ни слова и только кивкомъ головы дала свое согласіе. На стукъ изъ двадцать шестого номера послышался нѣжный, музыкальный голосъ:

— Кто тамъ? Войдите.

Швейцаръ растворилъ дверь, и баронесса фонъ-Саксъ вошла въ маленькую комнатку.

Передъ ней стояла молодая дѣвушка — сказочная царевна. Червонное золото волосъ такъ красиво сочеталось съ темнымъ бархатомъ глазъ и съ нѣжнымъ, словно фарфоровымъ, цвѣтомъ лица. И было что-то до боли прекрасное и знакомое въ этой стройной, гибкой фигурѣ, въ тонкихъ бровяхъ, въ маленькихъ пурпуровыхъ губкахъ, въ прямомъ носикѣ съ чуть замѣтной горбинкой.

А молодая дѣвушка, прижавъ руки къ сердцу, думала о сходствѣ этой женщины съ божественной красавицей, которою она любовалась на старой фотографіи съ божественной красавицей — ея матерью.

А Марфа Ивановна стояла въ сторонкѣ и пожирала ее глазами.

— Это Мусенька, Марія Николаевна! Какая красавица, какъ она васъ напоминаетъ въ молодости.

Молодая дѣвушка вдругъ порывисто двинулась, простирая руки.

— Мама... мамочка!

— Дѣтка моя!

И два чувства, властныя чувства любви материнской и дочерней, бросили ихъ въ объятія другъ другу, и онѣ замерли, беззвучно рыдая.

— Боже, какая ты прекрасная! — шептала баронесса, утирая слезы, когда прошли первыя минуты волненія. — И почему ты прямо не пріѣхала ко мнѣ? Почему ты мнѣ не писала? Или тебя сумѣли настроить противъ меня, увѣрили, что я злая?

— Только не папа! — съ жаромъ протестовала молодая дѣвушка, прижимаясь губами къ рукамъ баронессы.

Долли Евграфовна усмѣхнулась.

— Конечно, не папа, и я знаю, кто именно. Однако, обо всемъ этомъ мы побесѣдуемъ дома. Марфа Ивановна, помогите Мусѣ собрать ея вещи, и ѣдемте поскорѣе. Здѣсь такъ ужасно въ этой конурѣ.

Молодая дѣвушка быстро обернулась. Она только что замѣтила безмолвную свидѣтельницу ея свиданія съ матерью.

— Марфа Ивановна? Кто это? — съ удивленіемъ спросила она.

— Ваша старая слуга, Марія Николаевна, — дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила старуха. — Я была при васъ, когда вы родились, и ушла изъ вашего дома вмѣстѣ съ вашей маменькой. Вамъ было тогда лѣтъ пять, шесть, не больше. Конечно, вы меня не помните, Марія Николаевна.

Муся порывисто протянула руку Марфѣ Ивановнѣ, и старуха прижала эту нѣжную руку къ своимъ губамъ. Молодая дѣвушка вторично завоевала ея преданное сердце.

Проворными руками Марфы Ивановны въ нѣсколько минутъ были собраны Мусины пожитки. Муся надѣла свою провинціальную шляпочку и осеннее пальто.

— Боже мой, ты простудишься въ этомъ пальто!

И баронесса сбросила соболя со своихъ плечъ и окутала ими молодую дѣвушку.

— Какая ты красавица! — съ невольнымъ восхищеніемъ проговорила она.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса баронесса фонъ-Саксъ уже сидѣла въ будуарѣ на кушеткѣ рядомъ съ дочерью, ласково обнимая ее. Золотистая пышная головка Муси счастливо покоилась на материнской груди.

— Ты все, все мнѣ разскажешь, моя дорогая дѣтка.

— Все, мамочка... Нерадостно было мое дѣтство вдали отъ тебя, не согрѣтое твоей лаской. И все-таки ты была моимъ утѣшеніемъ, только ты одна... Я тебя не помнила, конечно, но мечта моя рисовала твой образъ... Когда, обиженная, я горько плакала, ты склонялась надъ моимъ изголовьемъ... Стройная, свѣтлая, вся въ бѣломъ, съ ласковой улыбкой, съ золотыми крыльями за плечами. И я думала, что ты прилетаешь ко мнѣ на этихъ крыльяхъ, прилетаешь, чтобы меня утѣшить и приголубить. И я забывала свое горе, слезы на моемъ лицѣ смѣнялись улыбкой.

— Дорогая дѣтка, — прошептала растроганная баронесса.

Да, въ эти часы, когда ея обиженный ребенокъ съ любовью простиралъ къ ней руки, она вѣдь даже и не вспоминала о немъ. Можетъ быть, въ это время она наряжалась, чтобы понравиться любовнику. Можетъ быть, ея уста въ то время соединялись съ другими устами въ преступномъ поцѣлуѣ. Она не стоила обожанія своей Муси.

Золотистая головка еще нѣжнѣе прижалась къ груди матери.

— А папа... бѣдный, дорогой папа... какъ онъ тебя любилъ! Какъ жаль, что я слишкомъ поздно узнала тайну его сердца... Уже тогда, когда онъ лежалъ въ могилѣ! Можетъ быть, мнѣ удалось бы васъ сблизить, помирить... и, можетъ быть, мы были бы теперь вмѣстѣ всѣ трое...

— Мое мѣсто уже было занято другою женщиной, — покачала головой баронесса.

— О, мама, если-бы ты знала, что это за женщина — вспыхнула молодая дѣвушка. — Злая, грязная, неряшливая, неразвитая и противная... Она исковеркала всю жизнь бѣднаго папы и загнала его въ могилу.

— Тамъ даже, кажется, дѣти?

— Да, двѣ дѣвочки и обѣ... въ свою мать, двѣ копіи

съ плохого оригинала... Ты можешь понять, какъ меня ненавидѣла эта женщина, и какъ она отравила мое дѣтство.

— Но развѣ отецъ не заступался за тебя?

— Бѣдный папа, онъ такъ страдалъ... Я старалась его не тревожить слезами и жалобами. Пожалуй, ему доставалось больше, чѣмъ мнѣ... и онъ всегда отмалчивался... только глаза у него были такіе грустные, грустные... и улыбка... такая жалкая. Бѣдный папа... онъ покорился своей участи... а душа его всегда была съ тобой.

— Почему ты такъ въ этомъ увѣрена?

Муся раскрыла редикюльчикъ и подала матери прощальное письмо отца. Долли Евграфовна пробѣжала эти строки, полныя глубокаго чувства, смертельной тоски и христіанскаго смиренія. И она глубоко задумалась, поникнувъ головой. Можетъ быть, оттолкнувъ это преданное сердце, она потеряла истинное счастье. Она смахнула навернувшіяся слезинки.

— Поздно сожалѣть, дорогая дѣтка... Теперь ужъ то, что утрачено, — невозвратимо... Дорогой усопшій пусть спитъ спокойно въ своей могилѣ... Мы можемъ только молиться о немъ, а душа его теперь счастлива, потому что „дитя его любви“ теперь въ моихъ объятіяхъ и подъ моей защитой...

Муся молча, горячо прижалась губами къ материнской рукѣ, какъ будто этимъ поцѣлуемъ она отдавала себя, безпомощную, дорогой покровительницѣ. Долли Евграфовна приподняла головку дочери и покрыла нѣжными поцѣлуями ея лицо.

— Теперь, крошка, надо тебя устраивать. Квартира у меня громадная, и у тебя будетъ отличная комната. Потомъ мы уже подумаемъ, какъ устроить и чѣмъ наполнить твою жизнь.

На звонокъ баронессы прибѣжали сразу и Марфа Ивановна, и горничная Нюша.

— Гдѣ мы помѣстимъ Мусеньку, старуха?

— Я ужъ почти все устроила, баронесса. Въ розовой гостиной будетъ спальня Маріи Николаевны, а рядомъ въ

сиреневой гостиной ея будуаръ. Тамъ очень удобно — вдали отъ васъ и... и близко къ ванной комнатѣ.

— Отлично. Проводите барышню въ ея комнаты, помогите ей устроиться, и по телефону вызовите мою портниху Марью Яковлевну. Пусть она захватитъ съ собой нѣсколько моделей. Можетъ быть, сразу что-нибудь подберемъ для Мусеньки.

Когда Муся ушла, баронесса повернулась къ Марфѣ Ивановнѣ.

— Что ты скажешь, старуха?

— Слава Богу, что Муся съ вами. Вотъ вамъ новая цѣль жизни. Ваша тоска разсѣется и безъ Монте-Карло.

— Она прелестна, не правда ли?

— Красавица!

Баронесса медленно прошлась по комнатѣ и остановилась передъ зеркаломъ.

— Рядомъ съ нею я, пожалуй, буду казаться старухой? — задумчиво спросила она.

— О, нѣтъ, баронесса! — поспѣшно отвѣтила Марфа Ивановна. — Мусенька еще ребенокъ, а вы... вы — королева.

— Ахъ, мнѣ все равно. Напрасно ты такъ испугалась, старуха! И безъ Мусеньки черезъ нѣсколько лѣтъ, все равно, придется проститься со званіемъ „интересной женщины". Дѣло не во мнѣ. Мусю надо прилично одѣть, дополнить ея образованіе, развить въ ней „свѣтскую жилку". Несмотря на всю ея прелесть, отъ нея пахнетъ провинціей. Хотя мой салонъ и не блещетъ „кристальной чистотой", но такая дѣвушка, какъ Муся, сумѣетъ въ немъ выудить мужа.

— А какъ вы думаете насчетъ Максима Сергѣевича? Вы скажете ей правду?

Баронесса вспыхнула.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ... И ты, смотри, старуха, чтобы этой правды не узнала моя дочь... Пусть видитъ она въ Максимѣ Сергѣевичѣ обычнаго знакомаго.

VIII

ВОЛШЕБНЫЙ СОНЪ

Муся въ сопровожденіи Нюши прошла въ „свои“ комнаты. Проходить ей пришлось по цѣлой анфиладѣ роскошныхъ, нарядныхъ, никогда не виданныхъ еще комнатъ, и она невольно останавливалась, пораженная и восхищенная... Ея простой, провинціальный вкусъ терялся въ этомъ блескѣ.

— Какъ красиво... Господи, какъ хорошо, — срывались съ устъ дѣвушки невольныя слова.

Громадныя зеркала отражали ея стройную фигуру въ грубомъ, простомъ платьицѣ и она думала:

„Я — какъ въ сказкѣ, какъ Сандрильона въ роскошномъ дворцѣ!“

— Вотъ тутъ будетъ вашъ будуаръ, барышня, — сказала бойкая Нюша, забавляясь растерянностью и восторгомъ молодой госпожи.

— Господи, какъ хорошо, — повторяла Муся, оглядывая сиреневую гостиную.

На сиреневомъ бобрикѣ выдѣлялись бѣлая эмалевая, обитая гобеленами, мебель и шкуры бѣлыхъ медвѣдей. Со стѣнъ, обитыхъ сиреневымъ шелкомъ, глядѣли гобелены въ бѣлыхъ тонкихъ рамахъ.

Но Нюша не давала барышнѣ долго „заглядываться“, она распахнула сосѣднюю дверь и Муся очутилась въ розовой гостиной, своей будущей спальнѣ. Дѣйствительно, комната была розовая. И стѣны, и двери, и потолокъ, и мебель, отдѣланная перламутромъ, и громадный коверъ — все было розовое. По приказанію Марфы Ивановны, въ эту комнату уже втащили кровать, туалетъ и умывальникъ.

— Это на время, — сказала Нюша. — Сюда все это не подходитъ, барышня... Баронесса своему мебельщику скажетъ по телефону и, можетъ, уже къ вечеру сюда принесутъ „настоящія“ вещи... А это пока, чтобы барышнѣ было сразу удобно... Не хочетъ ли барышня умыться или поправить прическу?

— Я уже умывалась и причесывалась... Я вѣдь не съ дороги, а изъ гостиницы.

— Прошу прощенія, — щебетала Нюша. — А вотъ и барышнины вещи... Можетъ быть, барышня прикажетъ мнѣ ихъ разобрать... Пока Марфа Ивановна освободила этотъ розовый шкафикъ для барышниныхъ вещей.

Съ помощью Нюши, Муся развязала и разобрала свою корзинку, разложила бѣлье, платье и вещи на полочки розоваго шкафика. За этимъ занятіемъ застала ее Долли Евграфовна.

— Ну, что, дѣтка, устраиваешься?

Муся отвѣтила горячимъ поцѣлуемъ.

— Спасибо, мамочка... Тутъ такъ хорошо, что просто голова кружится... Совсѣмъ какъ въ сказкѣ, бѣдная Замарашка попала во дворецъ.

— Ну, до дворца еще очень далеко, — разсмѣялась баронесса.

— Неужели бываетъ еще лучше?

— Еще бы!.. Найдутся такія обстановки, рядомъ съ которыми моя покажется нищенской... Смотря съ чѣмъ сравнивать!.. Но что это, Муся, зачѣмъ ты раскладываешь въ этомъ шкафу платья и бѣлье?.. Неужели ты думаешь, что я позволю тебѣ носить все это?.. Нюша, раздайте бѣднымъ эти лоскутки.

— Нѣтъ, мамочка, позволь мнѣ ихъ оставить у себя какъ память... Ничего другого у меня уже нѣтъ, что бы напоминало мнѣ жизнь въ домикѣ бѣднаго папы.

— Какъ знаешь, — пожала плечами баронесса.

— Дарья Яковлевна пріѣхала, — заявила, входя, Марфа Ивановна.

— Прекрасно... Позовите ее сюда.

Сначала мастерицы внесли огромныя картонки, а потомъ появилась и сама Дарья Яковлевна, толстая особа преклонныхъ лѣтъ, въ роскошномъ черномъ туалетѣ, надушенная и слегка подмазанная.

— Здравствуйте, баронесса. Видите, на вашъ зовъ я прилетѣла, какъ на аэропланѣ. Захватила все, что у меня было хорошаго для молоденькой дѣвушки.

Баронесса отвѣтила величественнымъ кивкомъ головы на почтительный поклонъ Дарьи Яковлевны.

— Моя дочь, — указала она на Мусю.

Дарья Яковлевна уже давно исподлобья разглядывала молодую дѣвушку, пораженная ея красотой и сходствомъ съ баронессой фонъ-Саксъ.

— Ваша дочка, баронесса?! Отъ всей души завидую вамъ! Барышня ослѣпительно хороша! Простите мою невольную фамильярность, но слова сами сорвались съ языка... И во мнѣ просыпается художница своего дѣла... Когда молодая баронесса появится въ туалетѣ, вышедшемъ изъ рукъ Дарьи Яковлевны, вы увидите, что это будетъ! Я заранѣе захлебываюсь отъ восторга!

— Это дѣло будущаго — чуть-чуть поморщилась Долли Евграфовна, — а теперь надо подобрать что-нибудь готовое для моей провинціалки.

— Будьте любезны, баронесса, — обратилась Дарья Яковлевна къ Мусѣ, — надѣньте корсетикъ.

— У меня нѣтъ корсета, — смутилась молодая дѣвушка.

Дарья Яковлевна еще разъ внимательно оглядѣла ея стройную фигуру.

— Да вамъ и не нуженъ корсетъ... У меня имѣется хорошая штучка для васъ.

— Надя, — обратилась она къ мастерицѣ, — скажи по телефону, чтобы привезли новые пояса, вязаные изъ шелка... Черезъ пять минутъ поясокъ будетъ здѣсь.

Въ ожиданіи пояска Дарья Яковлевна раскрывала картонку и раскладывала по кресламъ привезенные туалеты. Передъ глазами Муси мелькало цѣлое море кружевъ, шелка, лентъ, бархата, вышивокъ, пуговокъ, пряжекъ и прочихъ „дамскихъ соблазновъ", которыми трудно было не восхищаться. Черезъ пять минутъ привезли поясокъ, и Дарья Яковлевна съ баронессой занялись туалетами Муси.

— Ужасное у тебя бѣлье, — проговорила баронесса.— Марфа Ивановна, закажите по телефону бѣлье для Муси и пошлите за парикмахеромъ... Скажите, чтобы непремѣнно пришелъ Alexandre.

Баронесса занялась дочерью, какъ интересной куклой.

Наконецъ общими усиліями Мусю привели въ порядокъ.

— Барышня способна свести съ ума весь Петербургъ! — восхищалась Дарья Яковлевна.

— Недаромъ она моя дочь, — самодовольно усмѣхнулась баронесса. — У меня не могло быть иной дочери... Теперь ты можешь поглядѣться въ зеркало, Муся.

Молодая дѣвушка, смущенная непривычной для нея суетой, покорно подошла къ зеркалу. Она сама себя не узнала. Стройная, поэтично причесанная молодая дѣвушка, въ изящномъ туалетѣ, отразившаяся въ зеркалѣ, казалась ей и чужой, и прелестной.

— Меня совсѣмъ передѣлали, — робко улыбнулась она.

— Это еще цвѣточки, — громко захохотала Дарья Яковлевна. — Теперь, когда я васъ знаю, я для васъ создамъ что-нибудь такое, что вы всѣхъ затмите!

— И займитесь этимъ, — прервала ее баронесса. — Я хочу отпраздновать пріѣздъ моей дочери большимъ баломъ, и какъ можно скорѣе.

— Въ три дня все будетъ готово!

— Три дня для двухъ туалетовъ. Мнѣ, вѣдь, тоже нужно будетъ что-нибудь новенькое.

— Само собой разумѣется.

— Пойдемте въ мои комнаты. До обѣда еще остается около часа, и мы обсудимъ мой будущій туалетъ.

— Кстати я захватила съ собой и журналы.

Въ сопровожденіи портнихи баронесса прошла въ будуаръ. Дарья Яковлевна давно и хорошо знала баронессу, по ея лицу она угадывала ея настроеніе... Кажется, она „переборщила“, расточая похвалы взрослой дочкѣ... И какъ ловко баронесса до сихъ поръ скрывала сокровище?! Дарья Яковлевна рѣшила „поправить дѣло“.

— Вашу красоту, баронесса, я такъ хорошо изучила, что намъ не трудно состряпать что-нибудь особенное.

— Теперь, — покраснѣла баронесса, — рядомъ со взрослой дочерью мнѣ придется быть скромнѣе въ выборѣ.

— Какіе пустяки! — почти закричала Дарья Яковлевна. — Вы должны такъ выглядѣть, чтобы барышню приняли за вашу младшую сестру!... Прелестный бутонъ и пышная царственная роза! Вы сами знаете, какъ вы хо-

роши, и побѣды были и будутъ въ вашей жизни. Я думаю, что барышню вы скоро выдадете замужъ, и все опять пойдетъ по старому. Такой товаръ не залеживается... Простите, я говорю грубымъ языкомъ профессіоналки.

— Можетъ быть, вы хотите меня утѣшить! — подходя къ зеркалу, пробормотала баронесса.

— Развѣ я когда-нибудь фальшивила? При дневномъ свѣтѣ, понятно, преимущество будетъ на сторонѣ барышни, но вамъ надо показаться рядомъ съ нею обществу въ первый разъ обязательно ночью, при блескѣ электричества, и тогда пышная, царственная роза будетъ торжествовать побѣду красоты.

Баронесса вздохнула... Сейчасъ она впервые подумала о Максимѣ Сергѣевичѣ. Вѣдь, онъ долженъ пріѣхать къ обѣду черезъ какой-нибудь часъ, а въ суетѣ баронесса даже не успѣла его предупредить „о событіи". Когда онъ былъ къ завтраку, то баронесса сама еще ничего не знала. Ему надо подсказать, что онъ долженъ держаться въ присутствіи Муси какъ простой знакомый... Дѣвочка не должна даже подозрѣвать правду. Когда удастся выдать ее замужъ, тогда можно ей „открыть глаза".

— Такъ что же мы придумаемъ къ балу? — разсѣянно спросила она Дарью Яковлевну.

— Дайте мнѣ подумать... Я не хочу, чтобы вашъ туалетъ терялъ рядомъ съ туалетомъ барышни. Ее я сдѣлаю воздушною, какъ мечта, а васъ — царственно-эффектною... На два совершенно разныхъ вкуса... Вы понимаете мою мысль?

— Понимаю и благодарю.

Баронесса позвонила.

— Подайте мнѣ малиновый туалетъ съ горностаемъ — приказала она Нюшѣ. — Надо торопиться, чтобы успѣть одѣться къ обѣду.

И, съ помощью Дарьи Яковлевны и Нюши, баронесса принялась за свой туалетъ.

Между тѣмъ, Муся съ любопытствомъ слѣдила за мастерицами, какъ онѣ убирали платья въ картонки... Въ молодой дѣвушкѣ впервые проснулась женщина, заинтересовавшаяся „тряпками". До сихъ поръ она смотрѣла на одежду, какъ на необходимость, и стремилась только, при

выборѣ бѣлья и платья, чтобы было попрочнѣе и подешевле... Она равнодушно проходила мимо провинціальныхъ модныхъ магазиновъ, нисколько не интересуясь кружевами, вышивками и прочей „дребеденью“. Но художественныя вещи Дарьи Яковлевны пробудили въ ней новое чувство. Она съ удовольствіемъ примѣряла „тряпки“ и робко любовалась собою въ зеркалѣ... И теперь она съ любопытствомъ слѣдила за укладкой изящныхъ туалетовъ, невольно сожалѣя, что сейчасъ ихъ унесутъ отсюда.

Когда же мастерицы ушли, унося картонки, Муся невольно подбѣжала къ зеркалу и снова любовалась собой въ новой прическѣ, въ новомъ туалетѣ и думала, улыбаясь:

— Это совсѣмъ не я... Какая-то другая... новая... и, правда, пожалуй, красивая.

Но тутъ же, поймавъ себя на тщеславной мысли, она покраснѣла и закрыла лицо руками. Сердце ея сжалось тоскою и невольныя слезы просились на глаза.

— Какая я гадкая... Я уже готова веселиться и наслаждаться новой жизнью... И старое уже забыто... Бѣдный папа!.. А еще недавно, когда я проливала слезы у его могилы, мнѣ казалось, что уже ничто, ничто меня не утѣшитъ... А теперь... трауръ сброшенъ... и я думаю только о весельѣ и новой жизни, о волшебной сказкѣ. Бѣдный, бѣдный папа!..

Грустныя мысли молодой дѣвушки были прерваны внезапнымъ появленіемъ Нюши.

— Скоро обѣдъ, барышня. Пройдите въ гостиную, а я здѣсь приберу... Принесли другую кровать и туалетъ, и умывальникъ, и шкафъ. Все такое красивое, все розовое. Мы здѣсь будемъ таскать, переставлять, устраивать, а вы пройдите въ другія комнаты, я васъ провожу.

Муся покорно слѣдовала за Нюшей въ знакомую уже намъ, читатель, гостиную „электрикъ“.

— Вотъ журналы, — указывала Нюша, — тутъ много картинокъ. Почитайте пока.

Нюша скрылась, а Муся робко взялась за журналы, заинтересовалась и углубилась въ чтеніе.

Она подняла свою „червонную“ головку только тогда, когда въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то осторожные шаги.

Шаги все приближались, шелковая портьера раздвинулась и на порогѣ показался высокій, стройный, молодой богатырь. Онъ вздрогнулъ всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ, такъ что слегка закачались кольца кудрей на его крупной головѣ... Въ большихъ голубыхъ глазахъ отразились удивленіе, любопытство и невольный восторгъ. Не волшебная ли принцесса Греза незамѣтно вошла въ эту его любимую гостиную!

Яркій румянецъ смущенія залилъ нѣжныя щечки молодой дѣвушки... Она не знала, какъ поступить... Вѣжливо поздороваться или не обращать вниманія на этого „посторонняго". И, пока она не рѣшалась, онъ первый заговорилъ:

— Простите, я, кажется, вамъ помѣшалъ?

— О, нисколько.

И опять наступило неловкое молчаніе.

У принцессы Грезы былъ такой нѣжный голосъ, онъ сразу западалъ въ душу.

— Вы позволите мнѣ присѣсть? — снова робко заговорилъ красивый богатырь.

— Ахъ, пожалуйста.

И снова нѣжныя щечки молодой дѣвушки залились яркимъ румянцемъ... Муся пересматривала журналы, а красивый богатырь смотрѣлъ на нее, не отрываясь, восхищенными, наивными голубыми глазами.

— Кто онъ? — думала Муся. — Какой красивый, славный!

— Кто она? — думалъ молодой богатырь. — Волшебная мечта? Фея?.. Я никогда на видѣлъ такой прелестной дѣвушки. Какъ нѣжно ея лицо... Какъ ярко блеститъ золото ея волосъ... Почему я не смѣю заговорить? Почему я не представился ей? Я веду себя, какъ глупый мальчикъ... Что подумаетъ она обо мнѣ? И откуда она взялась? Кто она?

Портьера порывисто всколыхнулась, пропуская величавую фигуру баронессы фонъ-Саксъ. Эффектная въ своемъ малиновомъ туалетѣ, отдѣланномъ горностаемъ, съ искусно подкрашеннымъ лицомъ, съ горящими на обнаженной шеѣ бриллiантами, — она остановилась у порога, пожирая глазами „импровизированную" парочку. Она

поймала восхищенный взглядъ Максима Сергѣевича и его крайнее смущеніе, когда онъ ее замѣтилъ. Но бархатные невинные глаза Муси любовно глядѣли на нее.

— Какая ты красивая! Совсѣмъ сказочная королева.

Баронесса невольно улыбнулась.

— Вы уже познакомились?

— О, нѣтъ! — и Муся покраснѣла.

— Ахъ ты, провинціалка. Скоро ли ты у меня войдешь въ роль хозяйки? Такъ позвольте же мнѣ васъ представить другъ другу. Максимъ Сергѣевичъ Липарскій, мой хорошій знакомый. Баронесса Марія Николаевна фонъ-Саксъ — моя дочь.

Если-бы гроза разразилась въ изящной гостиной надъ головой Максима Сергѣевича, онъ не былъ бы такъ пораженъ, какъ сейчасъ этимъ сообщеніемъ. Принцесса Греза съ нѣжнымъ голосомъ, западающимъ въ душу — дочь его любовницы! Онъ не умѣлъ владѣть собой и всѣ его думы отразились на лицѣ. Острый взглядъ баронессы, какъ стрѣла, пронизалъ его насквозь, и онъ отступилъ въ смущеніи и страхѣ.

Молодая дѣвушка не замѣтила взгляда, которымъ обмѣнялись любовники. Въ невинной головкѣ мелькали только чистыя мысли. Она протянула руку Липарскому, а онъ еле коснулся этой довѣрчиво протянутой руки. Новыя чувства волновали его и въ первый разъ за всѣ эти 6 лѣтъ ему стало стыдно.

Нѣмая, но краснорѣчивая сцена длилась всего нѣсколько мгновеній. Баронесса овладѣла собой и улыбаясь обняла дочь.

— Пойдемте, обѣдъ уже на столѣ.

Обѣдъ прошелъ почти въ молчаніи. Присутствовавшіе обмѣнивались самыми обыденными фразами, а послѣ обѣда баронесса проводила дочь въ ея комнаты.

— Расположись, какъ слѣдуетъ, и отдохни, дорогая крошка, — ласково проговорила она, цѣлуя Мусю. — Теперь уже все въ твоихъ комнатахъ привели въ порядокъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Муся уже сидѣла на своей розовой постели, опустивъ руки. Она вспоминала все то, что случилось съ ней за этотъ день, и ей казалось, что жизнь ея начинаетъ походить на волшебный сонъ.

IX

ДРУЗЬЯ

Расплатившись по счету, графъ Грегоровъ медленно брелъ по узкимъ длиннымъ коридорамъ ресторана къ выходной двери.

Куда направиться? Онъ отказался отъ всѣхъ приглашеній на этотъ вечеръ, такъ какъ разсчитывалъ провести его съ Сюзанной. Но молодая женщина только подразнила своимъ присутствіемъ, заинтересовала его, разожгла и упорхнула.

„Не сдѣлаться ли мнѣ хоть на одинъ вечеръ добродѣтельнымъ? — подумалъ Грегоровъ. — Во всякомъ случаѣ, ѣду домой и тамъ рѣшу этотъ сложный вопросъ".

Сѣровато-голубой автомобиль быстро домчалъ графа до Французской набережной и остановился у подъѣзда грандіознаго дома, собственнаго дома графа Грегорова, въ немъ хозяинъ занималъ весь бельэтажъ. Старый камердинеръ Захаръ, помогая его сіятельству снять верхнее платье, поглядывалъ на него съ нескрываемымъ удивленіемъ своими подслѣповатыми глазами. Графъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и усмѣхнулся.

— Нежданный гость, Захаръ, не правда-ли? Въ эти часы ты не привыкъ видѣть меня дома. Но не безпокойся, старина, можетъ быть, я переодѣнусь и поѣду дальше.

— Такъ точно, ваше сіятельство, — осклабился Захаръ. — Прикажете подать фракъ?

— Ты очень ужъ торопишься, старина. Дай-ка мнѣ вздохнуть немного. Я пройду въ кабинетъ, и ты мнѣ принесешь туда стаканъ чая.

Захаръ торопливо пошелъ впередъ, предупредительно распахивая двери. Пропустивъ барина, онъ снова бѣжалъ впередъ, чтобы распахнуть слѣдующую дверь.

Обстановка квартиры Грегорова была именно тою обстановкою, рядомъ съ которой вычурная модная мебель баронессы фонъ-Саксъ могла показаться „жалкой". Здѣсь все было солидно и дышало стильной стариной и настоящей роскошью отжившихъ баръ. Каждая вещь была рѣдкостью, представляла цѣнность. — Старинный буль, мар-

кетри, корельская береза, венгерскій ясень. Каждый гарнитуръ былъ уникой, созданной трудолюбивыми руками крѣпостныхъ по рисункамъ заморскихъ художниковъ.

А картины, гобелены, старинный фарфоръ, бронза? Всему этому не было цѣны. Взглядъ послѣдняго потомка равнодушно скользилъ по знакомымъ предметамъ, съ ними онъ сроднился съ колыбели.

Самой мрачной комнатой былъ кабинетъ Грегорова, въ строгомъ готическомъ стилѣ. Въ этомъ кабинетѣ графъ и расположился, замѣнивъ смокингъ теплымъ халатомъ. Зная привычки своего барина, Захаръ придвинулъ огромное кресло къ топившемуся камину и подставилъ скамеечку подъ ноги.

„Куда же пойти?" — думалъ графъ, протянувшись въ креслѣ и полузакрывъ глаза.

И онъ перебиралъ всѣ „злачныя" мѣста веселящагося Петербурга. Никуда его не тянуло. Изъ всѣхъ своихъ сотоварищей по кутежамъ, Грегоровъ интереснымъ человѣкомъ и истиннымъ другомъ считалъ только графа Алексиса Маркова. И сейчасъ его мысль остановилась на Алексисѣ. Не протелефонировать ли ему? Его вѣдь не такъ трудно застать дома, такъ какъ онъ готовится въ академію генеральнаго штаба. Онъ себѣ на умѣ. Богачъ и аристократъ, онъ не гнушается науки и жаждетъ блестящей карьеры.

Лѣнивая истома охватила Грегорова, и онъ едва нашелъ въ себѣ силы протянуть руку къ звонку.

— Протелефонируй, Захаръ, графу Маркову, — приказалъ онъ лакею. — Скажи, что я одинъ, скучаю и прошу его заѣхать ко мнѣ.

— Хоть бы одну ночь выспались, — проворчалъ Захаръ, направляясь къ телефону.

—Не ворчи, старина. Сегодня, по всей вѣроятности, я останусь дома. Ты приготовишь намъ легкую закусочку, и мы тутъ часокъ, другой поболтаемъ у камина.

Вскорѣ Захаръ явился съ отвѣтомъ: графъ Марковъ сейчасъ выѣзжаетъ. Въ ожиданіи друга Грегоровъ думалъ о Сюзаннѣ.

О любви не можетъ быть и рѣчи, хотя эта женщина

притягиваетъ его. Но если это не настоящая любовь, то все-же какая-то „разновидность“ любви.

— Пожалуй, это все, что можетъ дать теперь мое отжившее сердце, — прошепталъ Грегоровъ.

Странная женщина эта Сюзанна, чудачка! Гордится своимъ прошлымъ позоромъ, не скрываетъ его и въ то же время держитъ себя какъ аристократка. И все-таки въ ней что-то есть, что затягиваетъ. Или, можетъ быть, это только до перваго „интимнаго свиданія“. А потомъ пропадетъ малѣйшій интересъ, какъ это часто повторяется послѣднее время въ его жизни.

— Ну, ты... новый Обломовъ... опять въ халатѣ? — вмѣстѣ съ громкимъ веселымъ голосомъ раздался звонъ шпоръ и появился графъ Марковъ.

— Дорогой Алексисъ, бери себѣ второе кресло и присаживайся къ камину.

— Можешь быть, ты прикажешь, чтобы мнѣ подали и второй халатъ? — расхохотался графъ Алексисъ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ русскій богатырь, высокій, здоровый, цвѣтущій. Ничего не было особеннаго въ его симпатичномъ лицѣ, — это было открытое, свѣжее, юное лицо, освѣщенное парой небольшихъ карихъ глазъ, умныхъ и плутоватыхъ, и украшенное маленькими бѣлокурыми усиками. Онъ звонко поцѣловалъ друга въ щеку.

— Все хандришь, Мишутка?

— Теперь ужъ не такъ... Маленькій огонь блеснулъ во муракѣ...

— Держу пари, какая-нибудь новая юбка.

— И не проиграешь... Судьба столкнула меня съ удивительно интересной женщиной.

— И еще не было интимнаго свиданія.

— Еще не было.

— Ну, такъ она останется интересной, пока этого не случится! Знаю я тебя, — громко и весело расхохотался Алексисъ.

Грегоровъ поморщился.

— Тебя сердитъ мой смѣхъ?

— Къ сожалѣнію, сегодня я не могу реагировать на твое жизнерадостное настроеніе.

— Такъ будемъ вмѣстѣ разводить меланхолію. Я вѣдь

отличный товарищъ! Захаръ, ты можешь мнѣ поставить второе кресло у камина. Только разрѣши мнѣ, Мишутка, остаться при своемъ одѣяніи, я не воспользуюсь услугами второго халата.

— Перестань благировать! Захаръ, подай закуску и вино... и можешь оставить насъ въ покоѣ.

Алексисъ съ аппетитомъ уничтожалъ тартелетки, запивая ихъ шампанскимъ.

— Ну, разсказывай... Какая новая муха тебя укусила?

— Преинтересное существо. Красива, умна и изящна... держится какъ свѣтская дама. А между тѣмъ... была портнихой, кафешантанной пѣвицей, особой, неразборчивой въ романахъ... Теперь она выбилась на дорогу...

— Что значитъ „выбилась на дорогу“? — усмѣхнулся Алексисъ.

— Она артистка, независима, одинока.

— Ея имя секретъ?

— Сюзанна Мельвиль.

— Вотъ оно кто! Сюзанна Мельвиль! Ахъ, ты, простофиля, простофиля! Учили тебя бабы, да, видно, мало... видно, вѣкъ тебя не выучишь! Сюзанна Мельвиль... Да кто ея не знаетъ? Хищница! Смотри, если она завела съ тобой всю эту канитель, то недаромъ... видно, у нея широкіе планы...

— А ты развѣ съ нею знакомъ? — рѣзко спросилъ Грегоровъ.

— Какъ тебѣ сказать? И да, и нѣтъ. Ею увлекался одинъ мой пріятель... Романъ длился довольно долго, съ перерывами. Теперь они разстались. Сюзанна много сдѣлала зла моему другу. Онъ ставилъ бланки на ея векселя и чуть было не погубилъ своей карьеры... Какъ-то разъ, въ дни ихъ любви, я былъ на ея бенефисѣ по его приглашенію. Въ антрактѣ онъ потащилъ меня къ ней въ уборную выпить бокалъ шампанскаго. Я по первому взгляду разгадалъ въ ней хищницу и, несмотря на всѣ ея улыбки и авансы, остался холоденъ, какъ ледъ. Она звала меня на завтракъ, — я уклонился, въ другой разъ на обѣдъ, — я тоже уклонился. Она поняла, что меня нельзя „переломить“,

и отстала. Правда, она красивая женщина, но... но я не люблю хищницъ.

— Хищница, да хищница... Зарядилъ это слово и больше ничего не хочешь знать! — загорячился Грегоровъ.

— Юпитеръ, ты сердишься? — добродушно улыбнулся Алексисъ. — А сердиться глупо... Не ссориться же намъ изъ-за этой особы... Поговоримъ о другомъ.

— Сегодня я весь подъ обаяніемъ Сюзанны и могу говорить только о ней... Такъ отзываться о женщинѣ одинокой и беззащитной... по меньшей мѣрѣ... нехорошо... Тѣмъ болѣе, что ты едва знаешь Сюзанну и основываешься на сплетняхъ...

— Извини меня, голубчикъ, своего друга Пасковича, карманы котораго она чистила, я далеко не считаю сплетникомъ... Весь этотъ романъ проходилъ на моихъ глазахъ. Бѣдняга Пасковичъ, котораго Сюзанна Мельвиль умѣла доводить до бѣлаго каленія, чуть не плакалъ у меня на груди. Каждый разрывъ съ нею дорого ему стоилъ, а потомъ она ловко затягивала его снова въ свои сѣти... Когда изсякли его капиталы, она настаивала на его женитьбѣ на богатой невѣстѣ. Каково!

— И онъ, кажется, послѣдовалъ ея совѣту — иронически проронилъ Грегоровъ. — По крайней мѣрѣ, ходятъ упорные слухи о его помолвкѣ съ дочерью сенатора Мурина.

— Тутъ ужъ просто совпаденіе. Mademoiselle Мурина ему безконечно нравится, это очень милая и выдержанная дѣвушка.

— И съ хорошимъ приданымъ.

— Да, совершенно вѣрно, но другъ мой женился бы на ней и безъ всякаго приданаго, потому что онъ ее любитъ... Дѣло не въ немъ, а въ тебѣ... Боюсь, какъ бы и ты не попался...

— Ты опоздалъ со своимъ предупрежденіемъ... Исторія завлекла меня, и я не брошу, пока не доведу до конца.

— Опасная игра, голубчикъ, и мнѣ искренно тебя жаль. Странный ты человѣкъ, учитъ тебя жизнь, учитъ, а все не можетъ выучить.

Зеленые глаза Грегорова загорѣлись. Тонкій намекъ друга задѣлъ его.

— Я понимаю, о чемъ ты говоришь. Только напрасно такъ осторожно. Рана уже зажила. На это я теперь смотрю совсѣмъ равнодушно.

И онъ небрежнымъ движеніемъ руки указалъ на поясной портретъ красавицы, одиноко висѣвшій на стѣнѣ.

— Ольгу трудно было забыть, — ей я отдалъ чистое, довѣрчивое, молодое сердце. И если я ее сумѣлъ разлюбить, то ужъ мнѣ не страшна другая женщина.

Оба друга поневолѣ смотрѣли на портретъ графини Грегоровой. Красивая надменная блондинка въ бальномъ бирюзовомъ туалетѣ, гордо улыбаясь, бросала презрительный взглядъ, какъ вызовъ цѣлому міру.

— Развѣ ты забылъ, сколько тебѣ пришлось выстрадать изъ-за нея? — тихо спросилъ Алексисъ.

— Даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, я чувствую, какъ волосы поднимаются на моей головѣ. — Ольга! Кто бы могъ ждать отъ нея? Гордая, холодная, надменная Ундина. Юношей я увлекся ея загадочной красотой. Я не смѣлъ ей говорить о любви, я только смотрѣлъ на нее съ обожаніемъ, но такъ какъ я былъ вполнѣ „приличный“ женихъ, то я рискнулъ просить ея руки. Предложеніе мое было принято. Съ какимъ трепетомъ я ждалъ перваго свиданья наединѣ со своей невѣстой. Я помню, это было въ началѣ лѣта, я пріѣхалъ на дачу, въ Павловскъ. Меня попросили на веранду, выходившую въ садъ. Солнце радостно сіяло, нарядная зелень и цвѣты ласкали взоръ. И душа моя расцвѣтала, какъ пышная роза, въ солнечномъ сіяніи первой любви. Дверь тихо отворилась — и я увидѣлъ Ольгу всю въ бѣломъ, воздушную и прекрасную Ундину. Трепещущій, я шелъ къ ней съ протянутыми руками.

— Ольга, Ольга... пробормоталъ я дрожавшимъ голосомъ. — Какъ я васъ люблю, и какъ я счастливъ.

Она протянула мнѣ руку, тонкую, бѣлую и холодную, какъ мраморъ... и своимъ чарующимъ контральто произнесла:

— Я тоже васъ люблю, Michel...

Какъ я былъ счастливъ въ тѣ мгновенья!.. И потомъ, когда послѣ вѣнца мы, наконецъ, остались одни... что это было за блаженство! Волшебные лучи моей страсти ра-

стопили ледъ, вдохнули жизнь въ холодную Ундину, и она склонилась въ мои объятія, прижалась горячими губами къ моимъ губамъ. Ты знаешь, я прожилъ съ Ольгой пять лѣтъ, и чувство мое было такъ же сильно, какъ въ первый день брака. Нѣтъ, пожалуй, еще сильнѣе. Среди общества она оставалась холодной, прекрасной Ундиной, окруженной поклоненіемъ. Но въ моихъ объятіяхъ таялъ ледъ... загорались и темнѣли ея глаза, жгли ея поцѣлуи, трепетно колыхалась роскошная грудь. Могъ ли я думать?..

— Зачѣмъ ты бередишь старыя раны? Графиня Ольга теперь уже жена другого, и вѣчная пропасть васъ раздѣляетъ.

— Нѣтъ, ты не знаешь, что насъ раздѣляетъ. Угасло чувство... вотъ въ чемъ причина. Если-бы я ее любилъ такъ, какъ прежде, я бы вырвалъ ее изъ рукъ негодяя. Но чувства уже нѣтъ.

— Кажется, графиня Ольга не нашла счастья въ новомъ бракѣ?..

— Никакого. Только дьявольская гордость удерживаетъ ее у новаго семейнаго очага. Господинъ Ренинъ, ея второй супругъ, не погнушался моими деньгами. Теперь онъ занимается разными аферами и съ помощью Ольги старается проникнуть въ „большой свѣтъ", куда его, конечно не пускаютъ. Ольга должна презирать своего второго мужа, а тамъ, гдѣ презрѣніе, не можетъ быть любви.

— И ты отомщенъ!...

— И я отомщенъ... но все-таки жизнь моя разбита.

— Тебѣ надо заняться какимъ-нибудь дѣломъ, которое могло бы тебя поглотить. Кутежи, женщины, попойки... все это недурно, я съ тобой согласенъ, но должна быть и „суть жизни". Ты видишь, и я не прочь покутить и поволочиться за хорошенькими женщинами, но... у меня есть дѣло, которое стоитъ на первомъ планѣ.

— Ты — карьеристъ, а меня это не прельщаетъ.

— Вполнѣ съ тобой согласенъ. Но у тебя иныя перспективы. Когда- то ты увлекался философіей... это разъ. Цѣлый непочатый уголъ. Кромѣ того, ты вѣдь любишь музыку и одаренъ недюжиннымъ талантомъ. Занятіе легкое, пріятное и можетъ тебя увлечь. Ты вѣдь даже не-

множко композиторъ. Столько ты пережилъ... почему бы тебѣ не выразить всей драмы твоей души въ красивыхъ одухотворенныхъ звукахъ?...

— Не для меня это, дорогой менторъ. Къ труду я не привыкъ, люблю все хватать съ налету, и потому ничего серьезнаго изъ меня не выйдетъ. Не пытайся меня передѣлывать. Теперь въ мою голову засѣла Сюзанна Мельвиль, и ничто другое уже меня не интересуетъ.

Графъ Алексисъ поднялся.

— Не люблю толочь воду въ ступѣ... да и пора мнѣ. Голова отдохнула, и можно позаняться.

— Ты на меня не сердишься, Алексисъ?

— Вотъ глупости. Мнѣ тебя жаль... опять ты лѣзешь въ яму. Я долженъ былъ тебя предупредить. А потомъ уже самъ на себя сердись. Прощай, голубчикъ.

— Когда же мы увидимся, Алексисъ?

— Завтра, послѣзавтра... Когда ты захочешь. Я всегда тебя радъ видѣть. Протелефонируй, позови.

Пріятели разстались. Грегорова все-таки смутило предостереженіе Алексиса. Слишкомъ порядочный человѣкъ былъ его другъ, чтобы лгать; и дыму безъ огня не бываетъ. И, если-бы не сегодняшнее смѣлое признаніе Сюзанны Мельвиль, этому знакомству былъ бы уже положенъ конецъ.

Но Сюзанна подкупила Грегорова своимъ гордымъ вызовомъ, своимъ смѣлымъ признаніемъ. Если-бы она вообще лгала, она скрыла-бы свое прошлое и въ прошломъ старалась бы себя выказать невиннымъ ягненкомъ. А, между тѣмъ, она такъ правдиво и просто объяснила причины своего паденія... и потомъ свое торжество. Это незаурядная женщина.

Все-таки графъ Грегоровъ старался въ продолженіе нѣсколькихъ дней избѣгать Сюзанну Мельвиль. Съ каждымъ днемъ это становилось ему все труднѣе. Наконецъ онъ рѣшилъ поѣхать къ ней съ визитомъ.

— Эхъ, будь, что будетъ!...

Когда онъ уже спускался по лѣстницѣ, ему подали печатное приглашеніе баронессы фонъ-Саксъ на Вторникъ „на чашку чая".

— И тамъ тоже мнѣ придется столкнуться съ Сюзанной, — невольно подумалъ онъ.

X

ПЕРЕЛОМЪ

Изъ комнаты Муси баронесса прошла въ будуаръ, гдѣ ее ужъ ждалъ робкій и смущенный Максимъ Сергѣевичъ.

— Какъ тебѣ нравится моя дочь? — быстро спросила баронесса.

— Она... очень... — заикаясь, отвѣтилъ онъ.

— Нравится? Ну, и прекрасно... Досадую, что мнѣ не удалось тебя предупредить о ея пріѣздѣ... Тебѣ нѣсколько разъ телефонировали, но тебя не было дома.

— Я былъ...

— Мнѣ безразлично, гдѣ ты былъ. Вѣдь, если ты захочешь, ты всегда можешь мнѣ солгать, и трудно тебя провѣрить. Такъ я предпочитаю совсѣмъ не думать о томъ, гдѣ ты проводишь свое свободное время. Однако, я уклонилась отъ цѣли своей бесѣды... Муся не должна и подозрѣвать о нашихъ отношеніяхъ... Ты понялъ?

— Понялъ, — тихо отвѣтилъ онъ, понуривъ голову.

— Ты не долженъ меня ставить въ неловкое положеніе, когда мнѣ придется выбирать между тобой и дочерью. Для тебя это не будетъ выгодно. Я люблю Мусю. Почти всю свою жизнь я отдала личному чувству, теперь въ моемъ сердцѣ проснулось материнское... Ты понялъ меня?

— Да, понялъ, — еще тише отвѣтилъ онъ.

— Потомъ... и это очень важно... ты долженъ возможно рѣже встрѣчаться съ Мусей. Если ты будешь мозолить ей глаза, она можетъ догадаться о нашихъ отношеніяхъ, несмотря на всю свою провинціальную наивность. Я и такъ боюсь, какъ-бы злые языки не вздумали ее „просвѣтить“. Итакъ, ты меня понялъ?

— Да...

Баронесса опустилась на кушетку съ чувствомъ человѣка, удачно закончившаго трудную „миссію“.

— Я думаю, все это ненадолго, — уже болѣе спокойно проговорила она. — Муся такъ прелестна, такъ не похожа на петербургскихъ... Думаю, что за женихами дѣло не станетъ... Муся выйдетъ замужъ, и тогда все пойдетъ по старому.

Полузакрывъ глаза, она продолжала съ горькой улыбкой:

— Мое адское самолюбіе такъ много и такъ сильно страдало, въ Мусѣ оно найдетъ удовлетвореніе... Моя дочь должна сдѣлать блестящую партію... Тогда я плюну въ лицо смѣшанному обществу, которое меня окружаетъ и за которое я цѣпляюсь по необходимости... Какъ мать Муси — я тогда войду въ тотъ кругъ, изъ котораго меня вышибли обстоятельства жизни. Эту мою вѣчно сочащуюся рану залѣчитъ мое дорогое дитя.

И, совсѣмъ закрывая глаза, Долли Евграфовна тихо добавила:

— Я такъ устала сегодня, переволновалась... Ты можешь идти, Максъ... и пошли мнѣ Марфу Ивановну.

Максимъ Сергѣевичъ поцѣловалъ потянувшуюся къ нему руку.

— Когда я могу завтра васъ навѣстить, Долли?

— Какъ всегда... Я прикажу и Марфа Ивановна тебя встрѣтитъ и проводитъ ко мнѣ... Только будь аккуратенъ... Надѣюсь, что не просплю завтра, потому что сейчасъ же лягу спать... До завтра, Максъ.

Липарскій вышелъ на улицу. Моросилъ холодный петербургскій дождь. Крупными быстрыми шагами онъ направился къ своему дому, на Фурштадтскую.

Долли Евграфовна сама подыскала ему квартирку и сама ее обставила съ полнымъ комфортомъ... Квартирка въ четыре комнаты помѣщалась въ большомъ угловомъ домѣ и показалась Долли Евграфовнѣ особенно цѣнной, благодаря отдѣльному подъѣзду.

Лакея Петра и кухарку Анисью Долли Евграфовна тоже сама подыскала своему возлюбленному... Максимъ Сергѣевичъ не боялся „опеки", такъ какъ ни о какихъ „романическихъ приключеніяхъ" и не думалъ... Послѣ всѣхъ испытаній жизни и невзгодъ Липарскій такъ былъ радъ, что удалось пристроиться и отдохнуть... Онъ не только не помышлялъ объ измѣнахъ, но самъ боялся, чтобы другой, болѣе ловкій, не замѣнилъ его.

Дверь Липарскаго отворилъ лакей Петръ, чистенькій и франтоватый.

— Что-то рано изволили вернуться, Максимъ Сергѣевичъ? — фамильярно замѣтилъ онъ.

— Баронесса устала, голубчикъ, — добродушно отвѣтилъ Липарскій, — она рѣшила выспаться. Сегодня у нея столько было суеты... И тамъ большая новость, Петя, — пріѣхала дочка баронессы.

Обычно безжизненные голубые глаза Липарскаго вспыхнули новымъ, незнакомымъ огнемъ.

— А вы сейчасъ и домой? Эхъ, какой вы, Максимъ Сергѣевичъ!... Я бы воспользовался и погулялъ... Молодой вѣдь вы человѣкъ, а все сиднемъ-сидите, къ одной юбкѣ прилипли. Вчужѣ досадно.

— Да некуда идти, Петя.

— Сказали! Мало ли театровъ, да ресторановъ!... деньги у васъ всегда водятся... Эхъ, развѣ вы живете, Максимъ Сергѣевичъ? Показалъ бы я прыть, кабы былъ на вашемъ мѣстѣ, да, видно, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Прикажете чайку?... Или, можетъ, сразу спать ляжете?

— Спать еще рано, Петя... Я такъ просто посижу у камелька. Затоплено въ моемъ кабинетѣ?

— Затоплено, Максимъ Сергѣевичъ, и сейчасъ еще подброшу.

— Отъ чая я тоже не откажусь.

Фамильярный Петръ разоблачилъ барина, подалъ ему халатъ, усадилъ въ кресло, подбросилъ уголья въ каминъ и подалъ чай.

— А дочка баронессина... большая уже? — съ любопытствомъ спросилъ онъ.

— Да, большая, — нехотя отвѣтилъ Липарскій.

— Красивая?

— Красивая.

— А какъ она изъ себя выглядитъ?

— Право, не разглядѣлъ, Петя! — краснѣя, проговорилъ Липарскій. — И пошелъ бы ты себѣ на кухню... Неохота разговаривать... Я подремлю...

— Слушаю-съ.

Петръ направился къ телефону, помѣщавшемуся, по распоряженію баронессы, въ маленькомъ коридорчикѣ около кухни.

— Тамъ и тебѣ будетъ спокойнѣе, и Петру всегда слышенъ телефонъ, — объясняла баронесса свое распоряженіе.

Петръ спросилъ номеръ баронессы фонъ-Саксъ и попросилъ соединить его съ ея будуаромъ.

— Честь имѣю доложить: это я, Петръ, баронесса. Максимъ Сергѣевичъ вернулись, дремлютъ у камелька въ халатикѣ. Я подалъ имъ чаю, а мнѣ велѣли на кухню идти... Слушаю-съ, баронесса.

Исполнивъ свою „миссію“, Петръ направился въ кухню.

Липарскій нѣжился въ креслѣ у топившагося камина, но далекъ былъ отъ дремоты. Какое-то смутное, странное чувство... какъ будто что-то новое случилось въ его жизни, какъ будто эта жизнь, которая послѣднія пять лѣтъ тянулась ровной, спокойной, прямой линіей, вдругъ переломилась и свернула въ сторону.

И яркой картиной проходила въ его воображеніи сегодняшняя необычная встрѣча. Какъ всегда, онъ пришелъ сегодня къ обѣду и прямо направился въ свою любимую комнату „электрикъ“. Раздвинувъ портьеры, онъ спокойно переступилъ порогъ и вдругъ... его глазамъ представилось небесное видѣніе. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и замеръ на порогѣ.

Въ воздушномъ туалетѣ, какъ въ голубоватомъ облакѣ, ему явилась стройная принцесса Греза. Свѣтъ падалъ на ея склоненную голову и ярко горѣло червонное золото ея волосъ.

Она услышала шаги и подняла головку. Румянецъ залилъ ея нѣжныя щечки. Въ бархатныхъ глазахъ, чистыхъ и глубокихъ, отразилось смущеніе. Нѣсколько мгновеній онъ молча любовался ея красотой, сіяющей, какъ солнечный лучъ, прозрачной, какъ хрустальная струйка горнаго ручья.

И обаяніе ея чистоты, какъ ароматный фиміамъ, обволакивало юношу. Онъ забылъ, кто онъ и гдѣ... Могучая искра вдругъ запала въ его сердце и зажгла свѣтильникъ, никогда еще не знавшій любовнаго пламени.

— Что дѣлать? — думалъ Липарскій. — Вѣдь, все должно остаться попрежнему... Я — возлюбленный ея матери, и даже самая мысль о ней преступна. Почему она такъ хороша?

Въ дочери баронессы были именно тѣ чары, волшебныя чары чистоты, обаянію которыхъ Липарскій не могъ противиться. Вѣчно униженный, ничтожный, ползающій, онъ долженъ былъ быть покоренъ именно этой чистотой. Съ дѣтскихъ лѣтъ жизнь притупила тонкія чувства, усыпила волшебныя струны, но рука чародѣйки коснулась струнъ, и тихая, сладкая мелодія потрясла его душу.

„Что будетъ завтра?" въ смущеніи думалъ онъ.

Ему казалось, что завтра должно произойти что-то особенное. А, между тѣмъ, завтра, вѣроятно, пройдетъ почти такъ же, какъ прошло вчера. Онъ позвонитъ ровно въ половинѣ перваго у дверей баронессы. Его встрѣтитъ Марфа Ивановна и проводитъ въ будуаръ. И будетъ онъ завтракать вдвоемъ съ баронессой, и будетъ цѣловать ея руки, и будетъ говорить о своей вѣчной благодарности и о своей вѣчной любви. Только прежде слова эти легко и почти искренно срывались съ устъ, а теперь они упадутъ, какъ тяжелыя свинцовыя капли.

Гроза уже разразилась, когда Долли, представляя ему волшебную Грезу, сказала:

— Баронесса Марія Николаевна фонъ-Саксъ — моя дочь.

И въ тотъ мигъ еще одно новое чувство взволновало его душу, острое чувство, красное, какъ пламя, — чувство стыда. Ему казалось, что онъ читаетъ укоръ и презрѣніе въ бархатныхъ глазахъ. И въ ушахъ его звучалъ голосъ, западавшій въ его душу:

„Вотъ кто ты! Ты жалкій сибаритъ, ничтожество, живущее на средства моей матери. Ты продаешь свои ласки отцвѣтающей женщинѣ!"

Но вѣдь и раньше все было такъ, какъ теперь. Вѣдь онъ понималъ, что онъ дѣлалъ, и съ удовольствіемъ думалъ:

„Какъ я хорошо устроился".

И сколько прекрасныхъ женщинъ встрѣчалось на его пути, хотя бы въ томъ же салонѣ баронессы фонъ-Саксъ, и не для одной изъ нихъ не было тайной его положеніе въ домѣ баронессы, но онъ не только не стыдился, онъ, пожалуй, гордился этимъ своимъ положеніемъ.

Что же теперь? Словно повязка, которая покрывала его глаза, теперь упала.

„Что же дѣлать?“

Мысли его, всегда практичныя и послушныя, теперь ему не повиновались. Одно только было ему ясно: надо избѣгать молодую баронессу. И въ ушахъ Максима Сергѣевича звенѣли наставленія Долли Евграфовны:

— Ты долженъ возможно рѣже встрѣчаться съ Мусей и не говорить съ ней. Если ты будешь мозолить глаза, — она узнаетъ о нашихъ отношеніяхъ. Я боюсь, какъ бы злые языки не вздумали ее „просвѣтить“.

Жестокая истина! При одной мысли, что кто-нибудь откроетъ глаза молодой баронессѣ, Максимъ Сергѣевичъ холодѣлъ и дрожалъ въ своемъ креслѣ.

Вспоминались ему и другія слова Долли Евграфовны:

— Муся такъ прелестна, — за женихами дѣло не станетъ. И когда она выйдетъ замужъ, у насъ все пойдетъ по старому.

„Все пойдетъ по старому!“ Липарскій вздрогнулъ. Въ сумракѣ жизни на мигъ блеснулъ яркій лучъ, пробудилъ, согрѣлъ и освѣтилъ душу... а потомъ его не будетъ. Опять надо будетъ вернуться къ сумраку жизни, и въ душѣ останется сознаніе, что яркій солнечный лучъ существуетъ, что онъ пробудилъ, свѣтитъ и согрѣваетъ другого.

Максимъ Сергѣевичъ закрылъ лицо руками. Да, онъ себя считалъ счастливцемъ, потому что выбрался изъ нищеты, потому что квартира у него была теплая, удобная, вкусный обѣдъ и слуги, исполнявшіе его капризы. Голодному, нищему, забитому судьбой это казалось высшимъ земнымъ счастьемъ.

Но теперь онъ понялъ, что на свѣтѣ живутъ и иные счастливцы: свободные, гордые мужчины, зарабатывающіе свой хлѣбъ. И въ ихъ гордой, трудовой жизни является прекрасная Греза, она пробуждаетъ сердце. И они протягиваютъ твердую руку своему счастью и ведутъ за собой. И въ честный домъ они вводятъ молодую, любимую женщину, наполняя его свѣтомъ счастья. Когда проходитъ молодость, свое счастье и свою гордость они видятъ въ своихъ дѣтяхъ.

А онъ? Молодость и силы онъ отдаетъ пожилой жен-

щинѣ, и если она даже умретъ раньше, чѣмъ онъ, обезпечивъ его... то что онъ могъ бы принести молодой женѣ? Все, что бы онъ могъ ей дать — все было бы пріобрѣтено на позорныя деньги. И онъ не могъ бы ей сказать, какъ говорятъ другіе любимымъ женщинамъ:

— Тебѣ я отдаю свою жизнь и свою душу, смѣло обопрись на мою руку, гордая моей любовью.

Въ тихо скрипнувшей двери показалось любопытное лицо Петра.

Съ тонкой улыбочкой поглядывалъ онъ на барина, сидѣвшаго въ новой для него позѣ, въ позѣ отчаянія, съ закрытымъ руками лицомъ.

— Первый часъ, Максимъ Сергѣевичъ, я постельку уже приготовилъ, — вкрадчиво проговорилъ лакей.

Липарскій опустилъ руки.

— Тутъ такъ тепло и покойно... я задремалъ.

— И въ спальнѣ у насъ тепло, да еще какъ удобно.

Липарскій нехотя поднялся и прошелъ въ свою спальню. Новыми глазами смотрѣлъ онъ на роскошную комнату, напоминавшую спальню модной кокотки... Онъ самъ не зналъ, почему его раздражали кружевныя занавѣски съ голубыми бантами, голубой коверъ во всю комнату, отдѣланный серебромъ туалетъ и кружевной пологъ надъ посеребреной кроватью. И раздражало его присутствіе Петра и его фамильярные разспросы, и таинственная, хитрая улыбочка.

Ему захотѣлось скорѣе раздѣться и юркнуть въ постель и потушить свѣтъ. Ему казалось, что во мракѣ ночи будетъ легче со всѣми этими „новыми“ мыслями.

Но Петръ хорошо зналъ обычныя привычки своего барина... Онъ уже приготовилъ холодное обтираніе, мохнатую простыню, приборъ для полировки ногтей, повязку для усовъ... Пришлось покориться, и всѣ „любимыя ежедневныя занятія“ казались сегодня пыткой Максиму Сергѣевичу... А тутъ еще несносные разговоры Петра.

Наконецъ испытанія кончены и Максимъ Сергѣевичъ очутился въ своей постели. Но сонъ бѣжалъ его глазъ и думы тѣснились въ его головѣ. Въ ночной темнотѣ видѣлся ему свѣтлый образъ принцессы Грезы. Только подъ утро онъ, наконецъ, заснулъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ на слѣдующій день Максимъ Сергѣевичъ входилъ въ квартиру баронессы фонъ-Саксъ. Въ передней его встрѣтила Марфа Ивановна и прямо провела въ будуаръ Долли Евграфовны. Тамъ уже былъ накрытъ маленькій столъ на двоихъ.

Баронесса вышла оживленная въ черномъ кружевномъ пеньюарѣ, подхваченномъ ярко-оранжевыми лентами.

— Сейчасъ мы позавтракаемъ, Максъ, и я тебѣ дамъ цѣлую кучу порученій... Надо готовиться ко Вторнику. — Гостей назвала цѣлую бездну... — Надо, чтобы все было шикарно... Я хочу ослѣпить Мусю, мою милую провинціалку. И я знаю, что общество будетъ ею ослѣплено.

Послѣ завтрака Максимъ Сергѣевичъ уѣхалъ, нагруженный порученіями... Всѣ дни до Вторника шла суета, и баронесса въ хлопотахъ мало думала о возлюбленномъ... Съ Мусей Липарскому ни разу не пришлось встрѣтиться, и теперь онъ зналъ, что до Вторника ея не увидитъ. Зато во Вторникъ!..

Эта мысль его обжигала.

Пойти, или нѣтъ? Можетъ быть, лучше сказаться больнымъ? отдалить эту опасную встрѣчу?...

Не все ли равно, во Вторникъ или въ иной день... вѣдь, встрѣтиться придется. Лучше пойти...

Рѣшившись, Максимъ Сергѣевичъ съ лихорадочнымъ волненіемъ готовился ко Вторнику... Впервые онъ думалъ о своемъ костюмѣ... Заказалъ себѣ новый мундиръ у лучшаго портного и ѣздилъ на примѣрку какъ на „важное дѣло“. Совѣтовался съ парикмахеромъ, выбирая модные духи. Заказалъ перчатки „по рукѣ“.

Наконецъ во Вторникъ, уже совершенно одѣтый, онъ стоялъ передъ зеркаломъ и вопрошалъ:

— Ну, что? Какъ?

И похвалы, которыя ему расточались портнымъ, Петромъ, парикмахеромъ, были ему особенно пріятны.

Къ десяти часамъ подали автомобиль и Липарскій, волнуясь, мчался къ дому баронессы фонъ-Саксъ.

У ярко освѣщеннаго подъѣзда уже стояла вереница экипажей.

Максимъ Сергѣевичъ поднимался по лѣстницѣ, устланной коврами, и сердце его замирало.

XI

ПѢСНЯ ЛЮБВИ

— Сюзанна Леонтьевна принимаетъ? — спросилъ графъ Грегоровъ, протягивая горничной визитную карточку.

— Сію минуту...

Горничная скрылась, но снова появилась черезъ нѣсколько мгновеній.

— Пожалуйте.

Она провела Грегорова въ гостиную. Спущенныя шторы и лампочка подъ краснымъ колпакомъ придавали ей видъ „интимности". Въ ожиданіи хозяйки дома Грегоровъ медленно прогуливался.

Дверь тихо скрипнула и просунулась большая голова, покрытая черными, какъ смоль, густыми мелкими колечками волосъ. Чертъ лица Грегоровъ не разглядѣлъ — вниманіе его привлекли круглые глаза навыкатѣ, ярко блестѣвшіе, какъ два горящихъ угля. Глаза эти пожирали Грегорова, и такъ силенъ былъ ихъ взглядъ, полный ненависти, что невольная дрожь пробѣжала по спинѣ графа. Мгновеніе, и странная голова скрылась, и дверь захлопнулась, тихо скрипнувъ.

„Таинственный домъ," — подумалъ Грегоровъ. Дверь снова растворилась, пропуская Сюзанну Мельвиль.

— Вы застаете меня врасплохъ, и потому простите, что я заставила васъ ждать, — изысканно-любезно проговорила она, протягивая графу обнаженную руку.

На ней былъ кружевной пеньюаръ съ греческими разрѣзными рукавами, а бѣлокурые волосы, раздѣленные на проборъ посрединѣ, мягкими волнами падали на плечи, нѣжно касаясь ея блѣдно-розовыхъ щечекъ. Ярко сіяли ея глаза подъ полуопущенными вѣками.

Грегоровъ, очарованный, завладѣлъ ея рукой и покрылъ ее поцѣлуями.

— Что за фамильярность, — тихо разсмѣялась Сюзанна.

— Я уже соскучился безъ васъ...

— Отлично! Въ такомъ случаѣ мнѣ не придется осо-

бенно васъ „занимать“, уже одно мое присутствіе сумѣетъ васъ развлечь... Садитесь на этотъ диванчикъ. Это мое любимое мѣсто, но я охотно уступаю его вамъ.

— Приму эту „жертву“, если вы сядете рядомъ со мной.

— Не будетъ ли слишкомъ интимно?

— Зато очаровательно...

Она широко раскрыла глаза, какъ бы въ удивленіи.

— У васъ сегодня какой-то новый тонъ?

— Тонъ влюбленнаго...

— Влюбленнаго?

—Да, сегодня я уже не сомнѣваюсь, что влюбленъ.

Ея сердце сладко забилось... но она скрыла свое волненіе и отвѣтила со смѣхомъ:

— Вы меня опередили, графъ... Я еще не влюблена.

— Врядъ ли вы можете вообще быть влюбленной.

— Это ужъ слишкомъ строгій приговоръ.

— Однако... Я все еще надѣюсь, что мы помѣстимся вдвоемъ на вашемъ любимомъ диванчикѣ.

— Попробуемъ.

Ея смѣхъ прозвучалъ какъ холодный плескъ воды, какъ хохотъ русалки.

Они плечами коснулись другъ друга и трепетно вздрогнули оба.

Дверь скрипнула, и снова показалась та же странная, большая курчавая голова, съ горящими, какъ угли, глазами.

— Прикажете подать чаю, Сюзанна Леонтьевна? — раздался тоненькій, сердитый голосъ.

Сюзанна вскочила, побѣжала къ двери и проговорила взбѣшеннымъ тономъ:

— Я приказываю оставить меня въ покоѣ... Иначе я принуждена буду закрыть дверь на ключъ... или сейчасъ же уѣду вмѣстѣ съ графомъ. Своею назойливостью ты заставишь меня дѣлать глупости!

— Я такъ страдаю, Сюзанночка! — тихо простоналъ онъ.

— Убирайся! — прошипѣла Сюзанна, закрывая дверь.

— Что это за странное существо? — съ любопыт-

ствомъ спросилъ графъ, когда Сюзанна снова вернулась къ нему.

— Это квазимодо... — смѣясь отвѣтила Сюзанна. — Онъ бѣднякъ, и я держу его при себѣ, потому что онъ оказалъ мнѣ много услугъ и потому, что онъ большой талантъ... Бѣдный уродецъ любитъ меня, и ревнуетъ до безумія.

— Странно...

— Ничего нѣтъ страннаго... Въ груди этого уродца бьется такое же сердце, какъ въ вашей, графъ... сердце, способное любить. Впрочемъ, врядъ ли ваше сердце способно было бы на такую самоотверженную любовь... И потомъ... вѣдь самое существованіе квазимодо зависитъ отъ меня... Куда бы онъ пошелъ, если-бы я отказала ему въ кускѣ хлѣба и въ пристанищѣ?

— Вы сами говорите, что у него какой-то огромный талантъ... развѣ этотъ талантъ не могъ бы его прокормить?

— Не думаю... Его уродство вездѣ ему помѣха... Онъ — музыкантъ, но развѣ можно сдѣлать карьеру съ подобной внѣшностью? Воображаю, какой получился бы эффектъ, если бы онъ вошелъ на концертную эстраду?... Вся публика разбѣжалась бы... И потомъ его талантъ. Это самородокъ, неотшлифованный. Настоящіе знатоки въ его техникѣ найдутъ массу пробѣловъ.

— Интересно было бы послушать его игру.

— Теперь онъ обозленъ, ревнуетъ, и врядъ ли удастся его уговорить сыграть... Впрочемъ, попытаюсь. Его импровизаціи изумительны.

— Попытайтесь, Сюзанна Леонтьевна. Это интересно.

Сюзанна нашла Лазаря у дверей гостиной — блѣднаго, дрожащаго, насторожившагося.

— Что ты здѣсь сдѣлаешь, скажи на милость?

Онъ молчалъ... Можетъ быть, онъ не могъ ей отвѣтить... губы его дрожали.

— Ахъ, Лазарь, не доведетъ насъ до добра твое поведеніе... Оно невыносимо. Я сейчасъ же уѣду съ графомъ.

— Сюзанночка! не уѣзжай... Я тебя прошу, Сюзанна. Не уѣзжай!

— Если ты перестанешь глупить.

— Я уйду на кухню. Я тебѣ не буду мѣшать.

— О... Такъ я тебѣ и повѣрила!

— Клянусь тебѣ, Сюзанна.

— Нѣтъ, Лазарь, тебя нужно провѣрять. Если ты хочешь, чтобы я осталась — садись къ роялю и импровизируй. Понялъ?

Его глаза злобно вспыхнули.

— Чтобы подъ звуки моей музыки, подъ муки моей души... ты выслушивала бы любовныя признанія графчика?!

— Съ тобой не сговоришься, Лазарь... Я уѣзжаю...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я буду играть! Ты хочешь, и я буду играть... Но подъ звуки моей музыки вы не будете говорить о любви? Моя душа плачетъ кровавыми слезами, и клавиши будутъ стонать вмѣстѣ съ нею... Я буду играть, играть до смерти, но ни ты, ни твой графчикъ не поблагодарите меня за пѣсню смертельной муки...

— Ладно, ладно. Только садись и играй. По крайней мѣрѣ я буду знать, что ты не торчишь у дверей.

Лазарь отвѣтилъ только однимъ взглядомъ, — взглядомъ, полнымъ муки, — и тихо поползъ на тоненькихъ кривыхъ ножкахъ къ салону.

Сюзанна вернулась къ Грегорову и снова сѣла рядомъ съ нимъ, плечомъ касаясь его плеча.

— Уговорили?

— Конечно!

— Вы каждаго сумѣете уговорить, какъ бы безумно ни было ваше требованіе, — прошепталъ графъ, чувствуя, что голова его кружится отъ ея близости.

— Еще бы. Вамъ это кажется, потому что вѣдь вы влюбленный, — насмѣшливо разсмѣялась она.

Смѣхъ ея смолкъ, потому что раздались звуки... тихіе звуки, похожіе на человѣческіе... Мучительный стонъ...

— Квазимодо играетъ, — прошептала Сюзанна.

И они отстранились другъ отъ друга, оба блѣдные, оба во власти волшебной музыки. А тихіе звуки все разростались въ мощную мелодію. Муки ревности, сердечная боль, мощный гнѣвъ... все это переплеталось... И опять звуки становились все тише и тише... жалобно

стонали они, выпрашивая, какъ милости, состраданія. О каплѣ состраданія жалобно молили они...

Сюзанна и Грегоровъ слушали молча, откинувшись, полузакрывъ глаза.

Но импровизаторъ не выдержалъ своей программы. Слишкомъ сильная и яркая любовь горѣла въ его сердцѣ. Яркая и нѣжная. И пѣсня любви зазвучала подъ вдохновенными пальцами. Сначала тихая и нѣжная, самоотверженная, потомъ полная безумной страсти...

Вѣки Сюзанны тихо поднялись, и ея потемнѣвшіе глаза встрѣтились съ яркими глазами Грегорова. Его рука уже искала ея руки, его губы, объятыя пламенемъ, приближались къ ея губамъ.

И она не смѣялась, не противилась. Замирая, ждала она поцѣлуя. И долго, долго ихъ губы не отрывались, словно замерли въ пламенномъ прикосновеніи.

— Я люблю тебя, — прошепталъ Грегоровъ.

— А я... я хочу тебя любить, — такъ же шопотомъ отвѣтила она.

— Когда же мы увидимся?

— Когда хочешь.

— Сегодня, у меня...

— Я приду...

— Я буду тебя ждать... Я буду дома весь вечеръ. Ты придешь... когда захочешь... Я буду тебя ждать.

Грегоровъ поднялся. Овладѣвъ собой, Сюзанна позвонила.

— Проводите графа, — сказала она вошедшей горничной.

Корректно поклонившись, Грегоровъ оставилъ гостиную. Его провожали дивные звуки — пѣсня любви.

Сюзанна, закрывъ лицо руками, боролась съ охватившимъ ее чувствомъ.

— Что я дѣлаю? — шептала она. — Я сама себя убиваю... Я вырываю побѣду изъ своихъ рукъ. Въ первый разъ за послѣднія десять лѣтъ я измѣняю себѣ. Теперь я опасна Грегорову, и дорого обошлась бы ему побѣда надо мной. Но, кажется, я попалась въ тѣ сѣти, что разставила для него. Если я сегодня поѣду къ нему, — все погибло. Еще есть время, еще я могу опомниться, Но чув-

ствую, что не буду побѣдительницей. Желаніе сильнѣе меня. Я знаю, что пойду.

Пѣсня любви разомъ оборвалась. Дверь тихо скрипнула, и Лазарь осторожно вошелъ въ гостиную.

— Я былъ правъ, — сказалъ онъ, торжествуя, — моя музыка изгнала твоего поклонника. О, теперь, какъ только онъ покажется, я буду играть, много играть, и я знаю, что онъ опять уйдетъ. Это только у тебя, Сюзанна, такое жестокое сердце и ты спокойно и равнодушно слушаешь пѣсни моего горя.

Сюзанна могла бы ему сказать, что онъ ошибается, что еще нѣсколько дней тому назадъ ея душа не реагировала бы на его музыку, только не теперь. Она могла бы ему сказать, что волшебные звуки оказали ему плохую услугу. Вѣдь подъ пѣсню любви яркимъ пламенемъ загорѣлась искра, заброшенная въ ея сердце Грегоровымъ, искра, которую она такъ стремилась потушить. И, можетъ быть, ей это удалось бы. Можетъ быть, холодный расчетъ заглушилъ бы искру любви... Жребій брошенъ. Она пойдетъ...

— Сюзанна! — вдругъ вскрикнулъ Лазарь, вглядываясь въ ея лицо. — Что съ тобой?

— Глупый квазимодо, — отвѣтила она слабымъ голосомъ, — въ моемъ сердцѣ звучитъ твоя пѣсня любви. Ты вотъ думалъ, что оно такое жесткое, мое сердце, что оно ледяное... А оно смягчилось, растаяло. И твоя музыка сдѣлала это... Пеняй самъ на себя, Лазарь...

Тяжело дыша, онъ подползъ къ диванчику...

— Ты его любишь? — вырвалось изъ сдавленнаго волненіемъ горла.

Странная улыбка мелькнула по ея лицу.

— Не знаю...

— О, ты его любишь, я чувствую, что ты его любишь. И это именно тотъ, кого ты должна полюбить! Аристократъ съ отравленной голубой кровью! Но берегись, Сюзанна, въ этой любви твоя гибель... Тебѣ она принесетъ только страданія и уколы... И мнѣ эта твоя любовь, можетъ быть, будетъ стоить жизни, но она отомститъ тебѣ за меня...

Его страстный, зловѣщій шопотъ былъ похожъ на бредъ больного или безумнаго.

— Будь, что будетъ! — лихо тряхнула Сюзанна бѣлокурой головкой. — Живешь вѣдь только однажды!

— Давно ли ты стала такъ разсуждать? Ты лелѣяла планы. Ты хотѣла создать фундаментъ для будущаго. Теперь ты сама запуталась въ тѣ сѣти, которыя ты разставила для другого.

Сюзанна слушала его, закрывъ глаза, и странная полуулыбка не покидала ея устъ. Зловѣщій шопотъ горбуна ее баюкалъ.

— Положи мнѣ подушку подъ голову... и закрой мнѣ плэдомъ ноги... Я устала, мнѣ хочется отдохнуть... А ты... сыграй мнѣ... снова... пѣсню любви... Только тихо и нѣжно... чтобы я сладко, сладко... уснула.

Какъ покорный песъ, Лазарь выполнилъ ея волю. Подложилъ мягкую подушку подъ бѣлокурую головку, накрылъ плэдомъ стройныя ноги и поползъ къ роялю. Тихая, нѣжная музыка баюкала Сюзанну, она заснула.

Смолкли чарующіе звуки. Крадучись Лазарь снова пробрался въ гостиную. Онъ опустился на колѣни передъ спавшей Сюзанной и молитвенно сложилъ руки. Онъ весь дрожалъ, и его губы коснулись ея лба.

Болѣе часа стоялъ онъ такъ на колѣняхъ, любуясь своимъ кумиромъ, затаивъ дыханіе.

Но вотъ она открыла глаза, и нѣжная улыбка заиграла на ея устахъ. Она приняла его за другого.

— Сюзанночка...

Она вскочила.

— Ахъ, это ты, Лазарь? Который часъ?

— Восьмой, Сюзанночка.

Она быстро одѣлась и почти выбѣжала изъ своей квартиры.

— Ты куда? — стоналъ вслѣдъ ей Лазарь.

Отвѣта не было.

XII

КТО ПОБѢДИТЪ?

Когда Сюзанна подъѣхала къ роскошному дому графа Грегорова, шелъ всего девятый часъ вечера. Она знала, что графъ занимаетъ весь бель-этажъ, и поднявъ головку, заглянула въ окна. Они были ярко освѣщены, какъ-будто ждали званыхъ гостей. Швейцаръ, предупрежденный Грегоровымъ, выбѣжалъ на улицу встрѣтить Сюзанну.

„И это все можетъ быть моимъ, — думала Сюзанна,— если заберу графа въ руки".

Хотя она и не могла совладать съ собой, хотя она и пріѣхала къ графу, но сдѣлала она это съ твердымъ намѣреніемъ удерживать его... и только дразнить его страсть.

— Вѣдь отъ этого зависитъ счастье всей моей жизни, — убѣждала она себя. — Я должна покорить графа, и потому я должна быть неприступной. Онъ знаетъ мое прошлое, — это большая преграда. Но я сама должна была во всемъ признаться... Все равно, другіе все разсказали бы ему, и въ болѣе мрачныхъ краскахъ. Только надо выдержать...

— Графъ Грегоровъ дома? — спросила Сюзанна.

— Дома, дома... пожалуйте, — поспѣшно и угодливо отвѣтилъ ей швейцаръ.

Въ квартиру графа былъ данъ звонокъ, и пока Сюзанна поднималась на лифтѣ въ бель-этажъ, дверь уже была широко открыта передъ нею. Въ передней ее встрѣтилъ самъ графъ Грегоровъ. Онъ самъ помогъ ей снять манто, и, опираясь на его руку, по цѣлой анфиладѣ роскошныхъ комнатъ, Сюзанна прошла въ готическій кабинетъ.

Въ эти минуты въ ней сказалась дѣвчонка, когда-то бѣгавшая съ посылками изъ шляпной мастерской. Она была подавлена настоящей роскошью отжившихъ баръ, солидной и стильной стариной. И она не могла скрыть впечатлѣнія, которое на нее произвела старинная, не мишурная роскошь. Она, останавливаясь въ каждой ком-

натѣ, расширившимися отъ изумленія глазами разглядывала каждую вещь.

— Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо! — всплескивала она руками. — Да вѣдь это же дворецъ, музей! Почему вы никогда мнѣ объ этомъ не разсказывали, графъ?

Снисходительная улыбка мелькнула по его губамъ.

— Я такъ сжился съ этой стариной, мнѣ она кажется обыденной.

— Теперь я начинаю понимать, почему васъ такъ шокируетъ домъ баронессы фонъ-Саксъ, — пробормотала она. — При сравненіи съ вашей, ея обстановка кажется жалкимъ мебельнымъ магазиномъ.

— Да, въ моемъ домѣ можно найти интересныя вещи, — скромно сказалъ графъ, — и какъ-нибудь я вамъ покажу всѣ достопримѣчательности моей квартиры, но только не сегодня... Пройдемте въ мой кабинетъ. Въ немъ я провожу большую часть моей жизни.

— Ну, ужъ нѣтъ, ибо большую часть жизни вы проводите внѣ дома, — разсмѣялась Сюзанна и, остановившись на порогѣ готическаго кабинета, она всплеснула руками.

— Боже, какъ здѣсь величественно и мрачно, милый графъ. Вашъ кабинетъ можетъ задавить такое маленькое существо, какъ Сюзанна Мельвиль.

— Но не тогда, когда это прелестное существо находится подъ защитой моей любви.

И Грегоровъ предложилъ руку Сюзаннѣ и подвелъ ее къ креслу.

Тутъ уже все было заранѣе приготовлено къ визиту дорогой гостьи. Передъ кресломъ у камина стоялъ накрытый столикъ, усыпанный цвѣтами. Межъ цвѣтовъ ютились хрустальныя и серебряныя вазы съ дессертомъ и старинные кувшинчики съ ликерами и винами. Серебряный подносъ и очаровательный фарфоровый чайный сервизъ на двѣ персоны стояли у самаго кресла, подъ рукою Сюзанны.

— Сейчасъ намъ подадутъ крохотный самоварчикъ, и вы меня угостите чаемъ. Это будетъ самый вкусный чай, который только мнѣ приходилось пить.

И Грегоровъ, какъ влюбленный трубадуръ, опустился на скамью у ногъ Сюзанны.

Старый Захаръ, подавая серебряный самоварчикъ, втихомолку отплюнулся и проворчалъ, конечно, такъ, что его никто не слышалъ.

— Нечисть какая!.. Привезъ мамзель, посадилъ ее въ дѣдовское кресло, а самъ, какъ шутъ, валяется у ея ногъ. Ну, и баре пошли нонче. Покойный графъ Александръ своихъ дѣвокъ въ сани запрягалъ и тѣшился ими, а этотъ... Тьфу...

И Захаръ какъ можно скорѣе выполнилъ свои обязанности: поставилъ самоварчикъ, принесъ замороженное шампанское и поспѣшилъ ретироваться.

Граціозно перегнувшись, Сюзанна заваривала и наливала чай. Тонкая улыбка блуждала по ея губамъ. Она думала о тѣхъ дняхъ, когда въ громадной старинной столовой она будетъ угощать многочисленныхъ блестящихъ гостей. Въ тѣ волшебные дни она уже будетъ графиней Грегоровой.

Машинально подняла она глаза... и увидѣла портретъ женщины-красавицы, одиноко висѣвшій на стѣнѣ. Надменная блондинка, какъ бы сознавая могущество своихъ чаръ, гордо улыбалась, бросая Сюзаннѣ презрительный взглядъ. Молодая женщина вздрогнула.

— Кто это? — коротко спросила она.

— Моя бывшая жена.

Сюзанна еще съ большимъ вниманіемъ разглядывала красивую блондинку.

— Она очаровательна. Я понимаю, что трудно было съ нею разстаться, а еще труднѣе ее замѣнить! — съ разстановкой проговорила она.

— Вы не то говорите... Дѣло не въ ея очарованіи и не въ разлукѣ, а... въ томъ нравственномъ переломѣ, который она заставила меня пережить... Она разбила иллюзіи и заставила меня презирать семейный очагъ... Первое время я невыносимо страдалъ, потомъ привыкъ, успокоился, а теперь даже доволенъ холостою жизнью и никогда не промѣнялъ бы ея на цѣпи Гименея.

Сюзанна слегка прикусила губу и послѣ короткаго молчанія спросила:

— Почему же этотъ портретъ виситъ на такомъ почетномъ мѣстѣ, и всегда у васъ на виду?

— Прежде всего, потому, что я привыкъ держать свое слово. Когда-то, въ первые дни любви, когда этотъ портретъ мнѣ былъ подаренъ, я далъ слово, что, пока я живъ, онъ будетъ висѣть въ моемъ кабинетѣ... И видите, онъ виситъ, несмотря ни на что... И потомъ... напоминаніе о прошломъ мнѣ даже полезно... Оно меня, пожалуй, охраняетъ отъ заблужденій.

— Какъ же вы смѣли мнѣ сказать сегодня, что вы меня любите?

— Единственное мое достоинство, Сюзанна Леонтьевна, это то, что я никогда не лгу... И я не лгалъ, когда говорилъ вамъ сегодня, что люблю васъ... Все мое существо полно только вами. — Внѣ васъ нѣтъ никакихъ интересовъ... Когда вы со мной — я оживляюсь, безъ васъ тоскливо и пусто... Одно ваше прикосновеніе зажигаетъ мою кровь, и о вашихъ ласкахъ я мечтаю... Развѣ это не любовь?

Она опустила глаза.

— Мнѣ кажется, — тихо отвѣтила она, — любовь и уваженіе всегда идутъ рука объ руку... А вы уже не можете уважать женщину.

— Я сталъ инымъ, чѣмъ былъ прежде, Сюзанна Леонтьевна... Во мнѣ убиты сантиментальность и иллюзіи. Я уважаю васъ какъ сильнаго смѣлаго человѣка, борющагося съ жизненной бурей... И, напротивъ, если-бы я васъ узналъ раньше, когда былъ инымъ, я не могъ бы васъ полюбить. Ваше прошлое меня испугало бы... Пожалуй, въ моихъ глазахъ, на которыхъ тогда были надѣты розовыя очки, вы предстали бы какъ чудовище, и я съ ужасомъ отъ васъ отвернулся-бы... Теперь, когда иллюзіи уже нѣтъ, когда я убѣжденъ, что всѣ женщины способны на явную или тайную пошлость, теперь я могу только привѣтствовать и уважать вашу откровенность... И, если-бы вы стали разыгрывать угнетенную невинность, ваша красота никогда меня не побѣдила бы... Не знаю, поняли ли вы мою мысль, Сюзанна Леонтьевна?

— Конечно, поняла, что вы хотите сказать, но... не вполнѣ съ вами согласна и нахожу, что вы меня немного обижаете. Разъ вы сами „переродились“, то, значитъ, не исключаете этой возможности и въ другихъ... Я, кажет-

ся, тоже вамъ говорила, что между наивной и глупой жертвой мужского эгоизма и Сюзанной, которую вы видите передъ собой, нѣтъ ничего общаго... Я, какъ и вы, похоронила свое прошлое, а въ настоящемъ заслуживаю уваженія.

— И любви, — добавилъ онъ, наполняя бокалъ шампанскимъ. — За любовь!

Она подняла бокалъ съ очаровательной улыбкой.

— За любовь, которая идетъ объ руку съ уваженіемъ. Только такою любовью можно наслаждаться!.. Въ ней, только въ ней — настоящее счастье.

И, запрокинувъ бѣлокурую головку, Сюзанна осушила бокалъ.

— А я останусь вѣренъ себѣ, — упрямо возразилъ графъ. — Я пью за любовь, полную страсти, туманящую голову, зажигающую кровь!.. За такую любовь, ради которой забываются всѣ остальныя чувства... вмѣстѣ съ уваженіемъ и почтеніемъ.

И онъ тоже осушилъ бокалъ... Потомъ, какъ избалованный ребенокъ, онъ приникъ головой къ ея колѣнямъ.

— Знаете, чего сейчасъ не хватаетъ для полноты моего настроенія?

— Чего?

— Волшебной музыки вашего квазимодо. Тогда и вы забыли бы объ уваженіи и вмѣстѣ со мной повторяли бы: люблю, люблю, и больше ничего не помню, больше ничего не хочу!

— Видите, я была права, когда говорила вамъ о его талантѣ.

— Безусловно. Если-бы я былъ Крезомъ или Людовикомъ XIV, я приблизилъ бы его къ себѣ, и онъ игралъ бы только для меня, и только тогда, когда я захочу. И за свой деспотизмъ я платилъ бы ему золотомъ.

— Я думаю, онъ не такъ требователенъ, и вы теперь можете заручиться квазимодо какъ придворнымъ музыкантомъ.

— Я никогда не позволилъ бы себѣ, пользуясь бѣдностью, талантъ эксплоатировать. А, въ самомъ дѣлѣ, нельзя ли что-нибудь сдѣлать для этого бѣдняка? Если онъ такъ ужъ безобразенъ, то онъ могъ бы играть за шир-

мой. Это было бы оригинально, а наша публика падка на всякія новшества.

— Вы забываете только одну маленькую подробность, графъ, которую я довела до вашего свѣдѣнія.

— А именно?!

— Квазимодо безумно меня любитъ и предпочтетъ скромный уголъ около моей кухни всѣмъ благамъ на свѣтѣ.

— И вы гордитесь, что умѣете себя заставить такъ любить?

— Увы, я здѣсь неповинна! Бровью не пошевельнула для того, чтобы вызвать или усилить это чувство. И развѣ можно гордиться любовью квазимодо? Я бы гордилась, если-бы въ васъ сумѣла вселить хотя бы сотую долю такого чувства.

— Конечно, я не сталъ бы жить въ углу около вашей кухни, — улыбнулся графъ, — но, напримѣръ, очутиться вмѣстѣ съ вами въ Венеціи... или въ Монте-Карло... или въ Парижѣ... я былъ бы не прочь!..

Онъ быстро повернулся къ Сюзаннѣ и его взглядъ обжегъ ее. И опять трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

И вдругъ она обвила руками его шею и наклонилась къ нему такъ близко, что ея губы почти касались его губъ.

— Люби меня такъ, какъ меня любитъ квазимодо! — страстно прошептала она.

— Я люблю тебя и могъ бы любить теперь еще больше.

— Если-бъ?

— Если-бъ ты забыла холодныя разсужденія... если-бъ ради меня ты опять стала довѣрчивой и наивной.

Сюзанна вдругъ отстранилась отъ Грегорова, закрывая лицо руками.

— Что съ вами? — спросилъ онъ, встревоженный.

— Боже мой... какъ кружится голова, — прошептала Сюзанна, — я теряю силы, и мнѣ хорошо... Я слишкомъ тебя люблю... я не могу разсуждать, у меня нѣтъ силъ для борьбы.

— И ты не раскаешься, что довѣрилась мнѣ. Милая, красивая, умная... чего же мнѣ еще нужно?.. Тебѣ я съ радостью отдамъ свою свободу, свое сердце... и вся твоя жизнь будетъ походить на праздникъ. Я такъ хочу...

— Не надо обѣщаній... зачѣмъ заглядывать въ будущее? Этотъ мигъ упоительно хорошъ, и я отдаюсь... вся отдаюсь...

Она была искренна, и слова эти вырвались изъ ея сердца. Въ ней пробудилась женщина, настоящая женщина, способная жертвовать собой ради любимаго человѣка, ради блаженства нѣсколькихъ минутъ. Въ этой новой жизненной борьбѣ она была не побѣдительницей, нѣтъ, она была побѣжденной!..

Еще разъ мелькнули въ ея головѣ „практическія" мысли... но только мелькнули. Волна страсти ее захватила... бѣшеная волна. Природа, которую она сковывала расчетомъ цѣлые годы, — теперь, торжествующая, соединилась съ сердцемъ!.. Безпомощная, побѣжденная Сюзанна склонилась въ объятія Грегорова.

— Я люблю тебя... Я твоя... Ты побѣдитель... Торжествуй свою побѣду.

XIII

ЕЯ ДОЧЬ

Уже два дня въ домѣ баронессы фонъ-Саксъ готовились къ парадному балу и, наконецъ, всѣ приготовленія были закончены. Комнаты приняли парадный видъ, залитыя электричествомъ и засыпанныя цвѣтами.

Шелъ десятый часъ вечера, а Долли Евграфовна сидѣла еще въ бѣломъ пеньюарѣ у трюмо и торопила парикмахера.

— Какъ вы сегодня копаетесь, Александръ! Мнѣ еще нужно одѣться, а вамъ еще нужно причесать мою дочь. Или вы хотите, чтобы мои гости бродили одни безъ хозяйки?

Наконецъ сложная прическа была закончена, парикмахеръ отправился къ Мусѣ, а Дарья Яковлевна заняла его мѣсто около баронессы.

— Скажите, голубушка, какъ мое лицо сегодня? — По вашему совѣту я прилегла на часокъ, но уснуть не удалось. Почему-то сегодня мой вечеръ волнуетъ меня

такъ же сильно, какъ волновалъ мой первый дѣвическій балъ, словно рѣшается моя судьба.

— Вы отлично выглядите, баронесса, и общество поразится, увидѣвъ рядомъ съ вами взрослую дочь. Хотя Марія Николаевна въ томъ туалетѣ, который я для нея создала, будетъ походить на 16-лѣтнюю дѣвочку.

— Посмотримъ, будетъ ли мой туалетъ такъ эффектенъ, какъ это кажется теперь.

— О, я ручаюсь, что вы сегодня всѣхъ сведете съ ума.

Баронесса черезъ плечо кинула взглядъ на Дарью Яковлевну.

— Я бы только хотѣла удержать своего Макса. Но, кажется, я могу быть спокойной, кажется, нѣтъ такой пули, которая могла бы вывести моего Макса изъ равнодушія.

— Отъ добра добра не ищутъ, баронесса!

— Однако, не будемъ терять драгоцѣнное время и примемся за туалетъ. Вѣдь, вы еще должны одѣть Мусю.

Тонкая, чуть замѣтная улыбка промелькнула по губамъ Дарьи Яковлевны.

— Самое главное, чтобы вы были готовы къ пріему гостей, баронесса. Барышня можетъ и опоздать. Вѣдь, это важно, чтобы первымъ своимъ появленіемъ она произвела ошеломляющій эффектъ. Чѣмъ ярче заблеститъ она, тѣмъ скорѣе составитъ хорошую партію. Нашъ Петербургъ не любитъ ничего тихаго и скромнаго и постоянно ловится на удочку шумнаго блеска. Я хорошо его изучила за всѣ эти годы.

Такъ болтала модная портниха, Дарья Яковлевна, облачая баронессу фонъ-Саксъ въ царственный туалетъ, которымъ она гордилась, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ „созданій“.

Совершенно уже готовая баронесса съ нескрываемымъ восторгомъ оглядывала себя въ трюмо.

— Да, дѣйствительно, — радостно проговорила она,— вы, Марья Яковлевна, сдѣлали изъ баронессы фонъ-Саксъ — прекрасную королеву.

Темно-малиновый туалетъ, отдѣланный изумруднымъ бархатомъ и соболемъ, скрадывалъ всѣ недостатки полнѣвшей фигуры и оттѣнялъ жгучую красоту баронессы.

Брилліанты сверкали на ея шеѣ, въ ея ушахъ и, въ видѣ граціозной короны, на ея гордой пышной головкѣ. Тонкое черное кружево, какъ прозрачныя крылья демона, причудливо ниспадая со спины, обволакивало ея обнаженныя, обвитыя дорогими браслетами руки и при каждомъ ихъ движеніи поднималось воздушнымъ темнымъ облакомъ.

Баронесса нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, оглядывая себя со всѣхъ сторонъ. На лѣвомъ боку малиновый бархатъ словно случайно разрывался и чуть виднѣлась изящная ножка баронессы, прикрытая изумруднымъ газомъ.

— Замѣчательно. Великолѣпно!.. Я не знаю, какъ васъ и благодарить, Дарья Яковлевна. Это платье — шедевръ. Сама боюсь, что нѣжный туалетъ Муси будетъ совсѣмъ убитъ.

— О, не бойтесь, это будетъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ландышъ остается прелестнымъ даже тогда, когда въ букетѣ онъ сочетается съ пышной розой. Одинъ цвѣтокъ дополняетъ другой, и оба по своему восхитительны.

— Спасибо вамъ, тысячу разъ спасибо!

Величавой поступью баронесса вышла изъ будуара, и красивой змѣей волочился за нею царственный трэнъ. Съ тонкой усмѣшкой смотрѣла ей вслѣдъ Дарья Яковлевна. Она думала:

— Да, мнѣ удалось васъ сдѣлать, баронесса, моложавой, эффектной и царственной. И вы будете торжествовать побѣду, пока не появится на балу молодая баронесса. Съ нѣжной, блестящей и юной красотой вашей дочери трудно кому-нибудь соперничать.

И, закуривъ папиросу, Дарья Яковлевна добавила вслухъ:

— Да, эта дѣвочка должна сдѣлать хорошую карьеру, если ей не помѣшаетъ ея порядочность. Вѣдь, порядочность теперь большой недостатокъ среди людей голубой крови, и самыя лучшія партіи теперь дѣлаютъ модныя кокотки или легкомысленныя, шикарныя артистки.

На этомъ философствованія Дарьи Яковлевны закончились, и она отправилась въ комнаты молодой баронессы.

Между тѣмъ, съѣздъ гостей уже начался, и Долли Евграфовна, выслушивая комплименты, расточала любезныя улыбки.

Вотъ наконецъ къ ея рукѣ подошелъ тотъ, ради котораго она такъ заботилась о туалетѣ и о моложавости. Она оглянула его стройную богатырскую фигуру и осталась имъ довольна. И костюмъ съ иголочки, и прическа, и самое выраженіе его лица дѣлали его интереснѣе. Яркій и безпокойный огонекъ, мерцавшій въ его голубыхъ, обычно спокойныхъ, глазахъ, конечно, предназначался ей... ея эффектному королевскому виду.

И, протянувъ ему руку, ласково и задорно она проговорила:

— Ты мнѣ сегодня особенно нравишься, Максъ.

Онъ наклонился, чтобы робко поцѣловать ея руку, но она все-таки замѣтила яркую краску, вдругъ залившую его щеки.

— Какой ты смѣшной, Максъ. Смѣшной и милый...

Но къ хозяйкѣ дома подходили другіе гости, и Максимъ Сергѣевичъ поспѣшно ретировался. И онъ такъ быстро шагалъ по громадному залу, какъ-будто за нимъ гнались фуріи.

Салоны баронессы наполнялись шикарной, но разношерстной публикой, часть которой мы уже наблюдали на ея дневномъ „пріемѣ“. Семейныя пары перемѣшивались съ артистическимъ міромъ, но отъ артистовъ и артистокъ въ этомъ салонѣ требовались „имена“. Мужское общество было гораздо чище женскаго. Межъ нарядныхъ дамъ попадались вдовы — настоящія и „соломенныя“, искавшія флирта. Баронесса фонъ-Саксъ все-таки заискивала въ знакомствѣ съ семейными парами и подчеркивала, представляя такую „пару“ какой-нибудь артисткѣ:

— Госпожа X. и ея супругъ, господинъ X.

Теперь, съ появленіемъ незамужней дочери, эти семейныя пары становились особенно цѣнными въ салонѣ баронессы. Но мужскимъ обществомъ, бывавшимъ въ ея домѣ, баронесса фонъ-Саксъ могла похвастаться. Блестящее офицерство, дипломаты, милліонеры охотно посѣщали ея оживленный, разнообразный салонъ. Въ немъ не было набившей оскомину разнузданности кафешантановъ и мод-

ныхъ кабаковъ, но не было и скучной, томительной чопорности великосвѣтскихъ гостиныхъ. Создавалась атмосфера въ мѣру пикантная, непринужденная и веселая. Музыка и пѣніе ласкали слухъ, тонкій флиртъ ударялъ по нервамъ. И салонъ баронессы сдѣлался любимымъ салономъ бонвивановъ.

Максимъ Сергѣевичъ смѣшался съ толпой приглашенныхъ. Глаза его безъ устали кого-то искали и не находили.

Лились плавные звуки моднаго вальса, въ большомъ бѣломъ залѣ мелькали нарядныя пары танцующихъ. Максимъ Сергѣевичъ, наблюдая, усѣлся противъ широко раскрытыхъ дверей. Красивыя женщины, мелькая мимо него, задѣвали его кружевомъ или газомъ своихъ туалетовъ, и тонкій ароматъ духовъ, какъ легкій эфиръ, проносился мимо него. Но ни эти обнаженныя плечи, ни сверкающіе зубы, ни блескъ подведенныхъ глазокъ, ни чарующія улыбки — ничто не привлекало его вниманія. Той, которую онъ искалъ, не было среди толпы.

На нѣсколько мгновеній всеобщее вниманіе привлекло появленіе Сюзанны Мельвиль. Она была прелестна въ блѣднорозовомъ туалетѣ съ головой, увѣнчанной бѣлокурыми косами, съ оживленнымъ лицомъ, — на немъ чувство наложило печать новой жизни и невѣданнаго доселѣ счастья.

Едва она успѣла поздороваться съ хозяйкой дома, какъ къ ней подошелъ графъ Грегоровъ, вѣрный, влюбленный рыцарь, предлагая ей руку. И она шла черезъ весь залъ, горделиво покачивая головкой, и думала:

— Ахъ, если-бы я опиралась на его руку, какъ законная жена!

Между тѣмъ, Грегоровъ, склонившись къ ея плечу, нашептывалъ:

— Два дня я васъ не видѣлъ, и они мнѣ показались вѣчностью. Я весь былъ полонъ вами... Я жилъ минутами счастья, которыми вы меня подарили. Я люблю васъ, Сюзанна, и это жестоко на такой долгій срокъ лишать меня вашего общества.

Она могла бы ему отвѣтить, что ей самой была тяжела эта двухдневная разлука, но что она „выдерживала

характеръ“ для того, чтобы забрать его въ руки. Когда ему придется „вымаливать“, она въ свою очередь будетъ „требовать“.

— Мнѣ самой очень хотѣлось васъ видѣть, но... къ сожалѣнію... помимо „желаній“, у меня еще имѣются „обязанности“. Весь репертуаръ лежитъ на моихъ плечахъ... и я должна его вытягивать. Хорошихъ актрисъ, вѣдь, очень мало. Большіе драматическіе театры чувствуютъ въ нихъ недостатокъ... а ужъ нашъ фарсъ совсѣмъ бѣдствуетъ. Къ намъ лѣзутъ кокоточки, желающія показывать туалеты съ ярко освѣщенныхъ подмостковъ. А въ итогѣ мнѣ одной приходится тащить весь репертуаръ.

— Какъ бы я былъ счастливъ, если-бы вы бросили эту яму! Я ненавижу театръ. Это отвращеніе къ подмосткамъ и лицедѣямъ вселилось въ меня съ дѣтскихъ лѣтъ.

— Почему?

— Цѣлая трагедія, которую я когда-нибудь вамъ разскажу подробно. Мой отецъ ужъ слишкомъ любилъ театръ и много огорченій приносилъ этимъ моей матери. Онъ постоянно волочился за какой-нибудь актрисой, а такъ какъ ничего не умѣлъ дѣлать наполовину, то безумствовалъ. Помимо того, что всѣ эти увлеченія стоили громадныхъ денегъ и насъ разоряли, всегда было много шуму, толковъ и сплетенъ. Мать обожала отца и страдала. Я былъ свидѣтелемъ сценъ ревности... и былъ свидѣтелемъ ея горючихъ слезъ.

— И всѣ эти актрисы все-таки не пошатнули вашего состоянія?!

— Онѣ поглотили состояніе моего отца и приданое моей матери. Все, чѣмъ я теперь владѣю, я получилъ отъ двухъ дѣдушекъ.

— А вашъ отецъ?

— Онъ умеръ слишкомъ рано. Самъ себя уходилъ... Однако, я завелъ совсѣмъ неподходящій жалобный разговоръ. Не могу ли я васъ попросить на туръ вальса, Сюзанна Леонтьевна? Давно не танцовалъ и уже бросилъ это „занятіе“, но мнѣ такъ безумно хочется прикоснуться къ вашей таліи, къ вашей рукѣ, чувствовать ваше дыханіе... Итакъ, на одинъ туръ вальса, Сюзанна Леонтьевна.

— Съ удовольствіемъ.

И они красивой парой понеслись плавно покачиваясь, по паркету.

Хозяйка дома, окруженная кавалерами, появилась въ дверяхъ зала, наблюдая за танцующими. Но вотъ къ ней подошла Марфа Ивановна, важная въ своемъ коричневомъ шелковомъ платьѣ, и что-то шепнула ей на ухо...

Баронесса слегка вздрогнула и утвердительно кивнула головой. Потомъ она подошла къ дирижеру и просила его закончить вальсъ. Ласково кивнувъ головой Максиму Сергѣевичу, баронесса вышла изъ зала.

Она вернулась черезъ нѣсколько мгновеній, но уже не одна. Она шла, опираясь на руку прелестной молодой дѣвушки.

„Красы ея ни перомъ не описать, ни въ сказкѣ не разсказать“, — пропѣлъ бы, глядя на нее, старый гусляръ.

Туалетъ, созданный Дарьей Яковлевной, дѣйствительно былъ мечтой, тѣмъ нѣжнымъ облачкомъ, которое пристало только сказочной принцессѣ Грезѣ. Весь бѣлый, онъ былъ словно сотканъ изъ кружевъ, газа и шелка. Старинныя золотыя бусы, перевиваясь съ жемчугомъ, обнимали стройную шейку. Высокій жемчужный гребень тонулъ въ золотѣ волосъ.

— Какъ хороша! — слышался шопотъ. — Кто это? Сказочно хороша!

Увы, пышная роза завяла рядомъ съ нѣжнымъ благоухающимъ ландышемъ.

— Кто она? — спросилъ Грегоровъ Сюзанну, заинтерсованный внезапнымъ появленіемъ прекрасной юной незнакомки.

Щеки Сюзанны вспыхнули, а въ сердцѣ она вдругъ почувствовала какую-то новую странную боль.

— Я никогда ея не видѣла. А вамъ она, кажется, очень понравилась, графъ?

— Кому не понравится эта нѣжная, юная и въ то же время яркая красота?

Между тѣмъ, баронесса подходила къ своимъ самымъ почетнымъ гостямъ и знакомила ихъ съ молодой дѣвушкой.

— Баронесса Марія Николаевна, моя дочь.

И шопотъ изумленія несся по залу, гостинымъ, по всей анфиладѣ комнатъ, наполненныхъ приглашенными.

— Ея дочь... дочь баронессы фонъ-Саксъ!

Робко улыбаясь, молодая дѣвушка протягивала нѣжную, надушенную ручку...

— Ея дочь! Какъ она прелестна!.. Въ ней ожила прошлая красота баронессы фонъ-Саксъ!

И восторженныя похвалы долетали до ушей Максима Сергѣевича, словно приросшаго къ креслу и пожиравшаго глазами принцессу Грезу, первую мечту своей души.

XIV

ВЪ ВИХРѢ ВАЛЬСА

Этотъ первый Мусинъ балъ былъ похожъ на сіяющій сонъ. Даже такая разсудительная и скромная головка закружилась. Еще бы! Тысячи огней, цѣлый садъ живыхъ цвѣтовъ, умопомрачительные туалеты, элегантные кавалеры. Ну, какъ тутъ не закружиться разсудительной головкѣ!?

А тутъ еще восторженные взгляды, тонкій ядъ комплиментовъ, отрава перваго успѣха...

Сначала баронесса фонъ-Саксъ зорко наблюдала за дочерью, но потомъ рѣшила, что Мусю можно предоставить самой себѣ. Молодая дѣвушка держалась скромно, но ея природная грація и изящество производили чарующее впечатлѣніе. Восторгъ такъ ясно былъ написанъ на лицахъ, окружившихъ Марію Николаевну, что баронессѣ нечего было сомнѣваться въ успѣхѣ дочери.

Сначала Муся отказывалась отъ танцевъ, но потомъ, увлеченная всеобщимъ оживленіемъ, присоединилась къ танцующимъ. Лучшіе кавалеры ее осаждали и ея стройная фигура то тамъ, то тутъ скользила по обширному залу.

Въ общей мазуркѣ успѣхъ молодой баронессы достигъ апогея. Какъ-будто забыты были остальныя дамы. Всѣ кавалеры ее выбирали. То и дѣло ея тонкій кружевной платочекъ взлеталъ кверху и десятки рукъ его ловили, и „счастливецъ“, которому удавалось поймать платочекъ,

танцовалъ съ юной царицей бала, прикладывая платочекъ къ губамъ и вдыхая нѣжный ароматъ фіалокъ.

— Удивительный городъ нашъ Петербургъ, — сквозь зубы говорила раздосадованная Сюзанна, бросая взгляды на своего „вѣрнаго рыцаря“. — Достаточно самой заурядной новинки, и Петербургъ приходитъ въ телячій восторгъ. Наивныя жертвы этого восторга и не подозрѣваютъ, какъ скоро онъ минуетъ.

— Вы говорите о юной баронессѣ фонъ-Саксъ? — усмѣхнулся Грегоровъ.

— Конечно, о ней. Развѣ вы не видите, въ какомъ телячьемъ восторгѣ нашъ Петербургъ сегодня? — Новинка — это все!

И Сюзанна дѣланно разсмѣялась.

— Я думаю, что вы ошибаетесь, несмотря на всю вашу опытность и проницательность, — отвѣтилъ графъ Грегоровъ, котораго слегка покоробилъ неестественный смѣхъ Сюзанны. — Юная баронесса вступаетъ только на путь успѣха, и я убѣжденъ, что ее ждутъ волшебные лавры.

И, какъ бы въ подтвержденіе этого предположенія, за спиной Сюзанны Мельвиль послышался разговоръ.

— Какая очаровательная дѣвочка! — проговорилъ одинъ мужской голосъ.

— Въ полномъ смыслѣ слова красавица! Глазъ нельзя оторвать, — отвѣчалъ другой мужской голосъ. — И, вѣдь, это еще пока бутончикъ, что-то будетъ, когда она развернется въ пышную розу. Я понимаю нашу милѣйшую баронессу: съ помощью дочери она, конечно, пополнитъ пробѣлы своей жизни и возвысится. И можно себѣ представить, какую карьеру сдѣлаетъ дѣвочка, если при первомъ своемъ появленіи покорила столько сердецъ. Какъ жадно глядятъ на нее баронъ Тизенъ и милліонеръ Молотовъ. Двѣ отличныя партіи.

— Вы ошибаетесь, — возразилъ первый голосъ, — если думаете, что на дочери нашей милѣйшей баронессы кто-нибудь женится изъ этихъ господъ.

— Боже меня сохрани! — подхватилъ второй, — думать о законной женитьбѣ. Дочери подобныхъ матерей

не могутъ на это разсчитывать. Я намекаю на „покровительство".

— Тутъ я съ вами согласенъ, — юная баронесса можетъ разсчитывать на большую карьеру.

Голоса смолкли.

— Пошляки! — съ негодованіемъ проговорилъ графъ Грегоровъ, — они готовы осквернить все лучшее и замарать все чистое.

— Восхищаюсь вашимъ рыцарствомъ и желаю, чтобы хоть частицу этого рыцарства вы перенесли на меня! — ядовито вставила Сюзанна.

— Васъ я обожаю, Сюзанна, но это не мѣшаетъ мнѣ возмущаться бесѣдой этихъ господъ. Если-бы эта милая крошка была моей дочерью или сестрой, я сумѣлъ бы постоять за нее. Но мнѣ жаль ея до глубины души. Въ этомъ домѣ и около такой матери она не найдетъ защиты. Она — приговоренная.

Истиннымъ сочувствіемъ звучали грустныя слова Грегорова.

— Сдѣлайте мнѣ одно удовольствіе, графъ, — вызывающе обернулась къ нему Сюзанна, — попросите эту бѣдняжку на одинъ туръ вальса.

— Къ чему?

— Я такъ хочу, а вы, кажется, говорили, что мои просьбы и мои желанія для васъ — законъ... А теперь вы мнѣ отказываете въ такой пустой просьбѣ.

— Извольте... я вамъ повинуюсь...

— И, кажется, охотно?

Но графъ уже направлялся къ молодой баронессѣ и поспѣшная ядовитая фраза Сюзанны не могла его остановить. Чувство дикой ревности вдругъ охватило молодую женщину, и она насилу сдержалась, чтобы не остановить Грегорова, не броситься за нимъ слѣдомъ. Волнуясь, наблюдала она за возлюбленнымъ.

Графъ пригласилъ Мусю на туръ вальса. Какая это была красивая поэтичная пара! Не одна пара глазъ любовалась ими, когда они граціозно скользили по паркету.

Изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ Грегоровъ взглядывалъ на свою даму. Вблизи ея юная красота поражала еще больше. Къ фарфоровому личику не прикасалась

косметика, ему чужда была даже самая простая безвредная пудра, къ которой прибѣгаютъ почти всѣ молодыя дѣвушки. А глаза Маріи Николаевны, издали казавшіеся почти черными, вблизи разсыпали лучистыя искры. Нѣжный запахъ фіалокъ смѣшивался съ еще болѣе нѣжнымъ ароматомъ молодого дыханія. Обнаженныя полудѣтскія плечи, тоненькая шейка и руки поражали своими линіями и фарфоровой, чуть розовой, бѣлизной.

— Вы, кажется, устали, баронесса? — тихо спросилъ графъ, вальсируя и наклоняясь къ маленькому розовому уху.

— Да, — послышался робкій отвѣтъ. — Я танцую безъ конца.

— И тамъ у вашего стула уже ждутъ, претендуютъ на слѣдующіе туры. Хотите, составимъ заговоръ и обманемъ этихъ господъ?

Лучистые глаза расширились, — удивленные и наивные.

— Какой заговоръ?

Онъ разсмѣялся.

— Очень полезный для васъ, баронесса, — онъ дастъ вамъ возможность отдохнуть. Мы закончимъ нашъ вальсъ и черезъ гостиную пройдемъ въ буфетную... и вы отдохнете для новаго вальса.

Застѣнчивая улыбка мелькнула по ея губкамъ.

— Благодарю васъ. Такъ жарко и хочется пить.

Обширный залъ былъ превращенъ въ буфетную. На длинномъ, убранномъ цвѣтами столѣ стояли прохладительные напитки, фрукты и самый разнообразный дессертъ. По всему залу были разбросаны столики... Грегоровъ подвелъ Мусю къ столику, ютившемуся подъ роскошной пальмой. Распивая легкій, игристый ледяной крюшонъ, они сидѣли другъ противъ друга.

— Давно ли вы въ Петербургѣ, баронесса?

— Всего около трехъ недѣль.

— И раньше никогда не были?

— Нѣтъ. Я жила въ провинціи... съ папой... А когда папа умеръ...

Ея голосъ прервался и лицо покрылось облакомъ грусти.

— Бѣдный папа. Все это было такъ недавно... и я такъ плакала... а теперь... теперь, нарядная и веселая, я танцую... какъ будто я все забыла...

— Я думаю, — серьезно возразилъ графъ, — что своего отца вы никогда не забудете, какъ не забудете всего того, что онъ для васъ сдѣлалъ. Но вы молоды и жизнь предъявляетъ свои права. Мертвое — мертвымъ, живымъ — живущее.

— Почему же вы знаете, что папа такъ много для меня сдѣлалъ? — и ея вопросъ прозвучалъ наивнымъ удивленіемъ.

Графъ улыбнулся.

— Я вижу васъ, — и этого довольно.

— Не понимаю...

— Конечно, вамъ самой трудно судить, какъ вы не похожи на всѣхъ этихъ дамъ и дѣвицъ. Изломанныя, лживыя, эгоистичныя созданія, что онѣ имѣютъ общаго съ вами?! И вы кажетесь чудной лиліей, случайно очутившейся межъ плевеловъ.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, — покраснѣла Муся.

— Я только правдивъ. Жизнь среди этихъ людей сумѣла меня исковеркать, но лгать и фальшивить еще не успѣла научить. Можетъ быть, и это придетъ впослѣдствіи. Впрочемъ, обо мнѣ говорить не стоитъ. Вы въ Петербургѣ встрѣтите массу типовъ, подобныхъ мнѣ. Лучше побесѣдуемъ о васъ. Всѣ сегодня вами любовались и я любовался вами. Но если въ другихъ ваша красота возбуждала жадный восторгъ, то во мнѣ — горькое сожалѣніе.

— Сожалѣніе? — съ недоумѣніемъ спросила она.

— Я боюсь, что петербуржцы васъ испортятъ. Васъ отравитъ тонкій ядъ тщеславія, эгоизма, жажды успѣха и дешевой славы.

— Не думаю, — покачала она золотистой головкой.

— Развѣ вы считаете себя такой стойкой? — Я знаю многихъ сильныхъ людей, побѣжденныхъ Петербургомъ.

— Не считаю себя сильной, но меня сохранитъ воля моего отца, котораго я безумно любила. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ онъ проситъ меня остаться такою,

какъ сейчасъ, и изъ любви къ нему я не сдѣлаюсь ни лучше, ни хуже.

— Вамъ вѣрно хорошо жилось подъ крылышкомъ вашего покойнаго отца?

Муся искренно отвѣтила.

— Было много хорошаго, но было и плохое.

— И далеко отъ Петербурга вы жили?

— Отецъ служилъ въ Харьковѣ, а въ трехъ верстахъ отъ города онъ купилъ небольшой садикъ и построилъ дачку. Средства у насъ были небольшія, и потому большею частью мы и зиму проводили на дачѣ. Онъ небольшой былъ, нашъ домикъ, но мы строили его для себя, и потому было тепло и удобно. Я очень любила нашу дачку. Особенно лѣтомъ, когда она вся утопала въ зелени. Кусты малины и смородины я сама сажала вмѣстѣ съ папой, а послѣдніе годы мы собирали ягоды цѣлыми корзинами. Да, грустно было разставаться съ дорогимъ домикомъ!

— Но развѣ теперь онъ вамъ не принадлежитъ?

— Нѣтъ. У отца была другая жена, не настоящая, Анна Егоровна, и двое маленькихъ дѣвочекъ. Онъ имъ оставилъ все, что имѣлъ. И это такъ мало, что едва хватитъ на самое горькое существованіе. Папа какъ будто чувствовалъ, что моя судьба устроится, благодаря мамѣ, которая меня пріютила и приласкала... А то я начинала терять голову, одна въ этомъ мрачномъ, незнакомомъ городѣ... Деньги въ моихъ рукахъ таяли, какъ воскъ, а я воображала, что пятисотъ рублей, оставленныхъ мнѣ отцомъ, хватитъ мнѣ по крайней мѣрѣ на годъ. Это потому, что до того времени у меня никогда не бывало денегъ въ рукахъ. И потомъ у насъ въ провинціи все гораздо дешевле, чѣмъ здѣсь.

Чистые, бархатные глаза молодой дѣвушки спокойно выдерживали испытующій взглядъ Грегорова.

— А если-бы баронесса не захотѣла васъ принять, или не могла бы вамъ помочь, то что бы вы сдѣлали тогда? Какъ бы вы жили?

— Я бы нашла себѣ работу.

— Какую?

— Этого я еще не придумала. Могла бы давать уроки... Я вѣдь учила своихъ младшихъ сестеръ. Сама я кончила гимназію съ золотой медалью... Много читала... И

практически и теоретически изучила нѣмецкій и французскій языки... Знаю музыку, — разныя рукодѣлія. Правда, я вѣдь могла бы заработать кусокъ хлѣба?

— Для васъ это было бы труднѣе, чѣмъ для всякой другой.

— Почему?

— Вы слишкомъ красивы и вамъ трудно было бы найти мѣсто, а еще труднѣе — удержаться на немъ.

— Но почему мнѣ это было бы легче, если-бы я была уродомъ?

— Потому что мужчины въ васъ бы не влюблялись, а женщины не ревновали бы васъ къ своимъ мужьямъ, женихамъ и поклонникамъ и не охраняли бы отъ васъ своихъ отцовъ и братьевъ.

Муся покраснѣла и нахмурилась.

— Моя серьезность не дала бы повода ни къ ухаживаніямъ, ни къ ревности.

— Я не могу васъ убѣдить, но увѣряю васъ, что отлично, что Долли Евграфовна занялась вашей судьбой, если вы сумѣете избѣгнуть разрушающаго вліянія Петербурга и его обитателей...

— Я вижу, что вамъ трудно будетъ найти невѣсту въ Петербургѣ и придется искать ее гдѣ-нибудь въ Америкѣ! — по-дѣтски разсмѣялась Муся.

— Я застрахованъ.

— Какимъ образомъ?

— Я уже былъ женатъ и успѣлъ развестись.

— Вы разлюбили вашу жену?

— Нѣтъ... Это она пожелала выйти за другого.

— И у васъ были дѣти?

— Къ счастью — нѣтъ.

— Да, именно къ счастью, потому что дѣтямъ очень тяжело... когда родители расходятся... А чужой или чужая — никогда не замѣнитъ родного.

И опять дрогнулъ голосъ молодой дѣвушки и облако грусти набѣжало на ея черты.

— Вы страдали безъ матери? — тихо спросилъ графъ Грегоровъ.

— Очень! — вздохнула она. — Анна Егоровна меня ненавидѣла. Она отравила мое дѣтство, обижала меня,

преслѣдовала. А папѣ я не жаловалась... онъ всегда былъ такой грустный и блѣдный... Я чувствовала, что онъ страдаетъ. Ахъ, онъ такъ любилъ маму, онъ никогда ея не забывалъ, до самой смерти.

Слезы блеснули въ ея глазахъ, въ смущеніи она поспѣшно ихъ смахнула.

— Видите, какая провинціалка, увлеклась воспоминаніями и забыла, гдѣ нахожусь.

— Вы славная, простая и нѣжная... Вы...

Но сердечныя слова замерли на губахъ графа Грегорова, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, опираясь на руку Липарскаго, стояла Сюзанна. Насмѣшливо улыбаясь, она прислушивалась къ бесѣдѣ...

XV

ОСУЖДЕННЫЙ

— Красота молодой баронессы заставила васъ забыть, графъ, обязанности вѣжливаго кавалера, — насмѣшливо и зло проговорила Сюзанна Мельвиль.

Графъ поднялся нѣсколько блѣдный. Нетактичность возлюбленной ставила его въ неловкое положеніе.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, Сюзанна Леонтьевна.

— Вѣдь вы меня пригласили на вторую мазурку. Первый ритурнель проиграли, и визави уже на мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ только остается извиниться.

— И поспѣшить на мѣсто... А Максимъ Сергѣевичъ займетъ вашу даму. Вѣдь вы можете вернуться послѣ мазурки.

— Глубоко извиняюсь, баронесса, что долженъ васъ покинуть. Ничего не подѣлаешь — обязанности танцующаго кавалера! Но, если позволите, я вернусь.

— Пожалуйста...

— Монологъ графа — вмѣшалась Сюзанна, — нельзя сказать, чтобы былъ мнѣ пріятенъ, но я смиряюсь, такъ какъ никто изъ насъ не можетъ конкурировать съ вашей красотой.

Муся покраснѣла, раздосадованная грубыми „компли-

ментами“. Но графъ Грегоровъ прекратилъ непріятную для него сцену.

— Я слышу второй ритурнель... поспѣшите, Сюзанна Леонтьевна.

— У васъ удивительный слухъ, графъ, — вы слышите то, чего никто изъ насъ не слышитъ... — насмѣшливо проговорила Сюзанна, опираясь на его руку.

Муся смотрѣла имъ вслѣдъ, пока они не скрылись за портьерой. Передъ ея столикомъ, робко переминаясь съ ноги на ногу, стоялъ красивый богатырь, съ которымъ случай столкнулъ ее въ первый же день ея пріѣзда въ материнскій домъ. Въ его большихъ голубыхъ глазахъ отражался такой восторгъ, что даже неопытная молодая дѣвушка его замѣтила и невольно покраснѣла.

— Садитесь, — застѣнчиво проговорила она. — Можетъ быть, вамъ тоже жарко и вы тоже выпьете холоднаго крюшона? Онъ очень вкусный, гораздо вкуснѣе, чѣмъ нашъ провинціальный квасъ.

Максимъ Сергѣевичъ отъ крюшона отказался. Онъ постарался сѣсть такъ, чтобы широкіе пальмовые листья хотя бы отчасти скрывали его крупную фигуру отъ глазъ любопытныхъ.

— Вы какъ будто меня боитесь? — улыбнулась Муся.

— Нѣтъ, — сконфуженно пробормоталъ онъ, — это не страхъ. Я просто еще къ вамъ не пригладѣлся.

— Мнѣ, провинціалкѣ, простительно „приглядываться“, а вы, петербуржцы, должны быть смѣлыми... Вотъ, напримѣръ, эта особа, которая къ намъ подходила... Какая она смѣлая.

— Противная!

— Ну, нѣтъ, она очень красивая, какъ фарфоровая куколка. Только не симпатичная. На меня она произвела впечатлѣніе холодной и злой эгоистки.

— Вы угадали. Самъ Господь учитъ васъ читать въ сердцахъ, — торжественно проговорилъ Максимъ Сергѣевичъ.

— Но кто же она?

— Нехорошая... И, будь я на мѣстѣ вашей матери, я не сталъ бы васъ знакомить съ нею.

— Но разъ она и прежде бывала въ маминомъ домѣ?!

Я не хочу, чтобы ради меня мама хотя бы что-нибудь мѣняла.

— Вашими устами говоритъ ангельская доброта, но... баронессѣ многое придется измѣнить въ жизни съ вашимъ прiѣздомъ. Волей-неволей.

— Этого не будетъ! Все-таки, кто же эта госпожа?

— Она — фарсовая артистка и провела бурную жизнь. Я не могу васъ посвящать въ подробности этихъ бурь, — вы слишкомъ чисты, Марiя Николаевна.

— Не можете и не надо. А что представляетъ изъ себя графъ Грегоровъ?

— Человѣкъ, котораго должны ненавидѣть мужчины и любить женщины.

— Почему?

— Красавецъ, богатъ, знатенъ... молодъ...

— Но вѣдь онъ былъ женатъ и жена его бросила?

— Да, онъ былъ женатъ на красавицѣ и не сумѣлъ удержать ее, потому что былъ слишкомъ ей преданъ. Я все это говорю вамъ съ чужихъ словъ. Тогда онъ сидѣлъ около своей жены, и другiя женщины имъ не интересовались. Да и трудно было соперничать съ красотой молодой графини. Только красавица жестоко поступила со своимъ мужемъ.

— Ну?

— Она... какъ бы это вамъ сказать... Она его разлюбила, чтобы полюбить другого. Она его обманывала... но онъ раскрылъ обманъ и оттолкнулъ ее отъ себя. Далъ ей разводъ, и теперь она жена другого. Вся эта исторiя „передѣлала“ графа Грегорова. Онъ сталъ кутить, сумасшествовать и сталъ безпощаденъ къ женщинамъ. Онъ многихъ обманывалъ, и онѣ ловились на удочку его богатства, красоты, знатности. Я думаю, немало онѣ пролили слезъ... изъ-за него, всѣ эти женщины, которымъ онъ кружилъ головы!

— И теперь... тоже? — спросила заинтересованная Муся.

— Теперь... онъ увлеченъ Сюзанной Мельвиль, и она старательно его ловитъ, хотя сомнѣваюсь, чтобы послѣ исторiи съ первой женой онъ вообще на комъ-нибудь же-

нился, тѣмъ болѣе на фарсовой актрисѣ съ такимъ „туманнымъ“ прошлымъ.

— Я его понимаю. Разъ его такъ страшно обманули, трудно себѣ представить, чтобы вообще кому-нибудь онъ могъ бы вѣрить. А безъ вѣры какая же любовь?

Голубые глаза богатыря внимательно посмотрѣли на Мусю.

— Какъ вы разсуждаете о любви? Развѣ вамъ знакомо это чувство?..

— Нѣтъ! — просто отвѣтила Муся, — я разсуждаю только теоретически... и вхожу въ положеніе графа. Мнѣ даже какъ-то дико думать, что я могу кого-нибудь полюбить... какого-нибудь чужого человѣка. Но еслибъ это чудо случилось и меня бы обманулъ мой избранникъ, то другого уже навѣрно я не полюбила бы.

— А вы когда-нибудь думали о любви, баронесса? — робко, заикаясь, спросилъ Максимъ Сергѣевичъ.

Муся пожала плечами.

— О своей будущей любви я не думала, а вообще о любви приходилось думать. И это все случалось послѣ того, какъ я прочитывала какой-нибудь романъ. Я всегда удивлялась, какъ часто въ романахъ хорошія дѣвушки любятъ плохихъ людей. И продолжаютъ ихъ любить даже тогда, когда знакомятся съ ихъ пороками. Я еще допускаю возможность любви къ честному, хорошему человѣку, а людей порочныхъ и грязныхъ можно только презирать.

Муся спокойно высказывала свое мнѣніе, помѣшивая ложечкой крюшонъ, и не глядѣла на Максима Сергѣевича. Но если-бы она на него взглянула, то, пожалуй, замѣтила бы странное впечатлѣніе, произведенное ея словами. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, тяжело дыша. Какъ безпощадный бичъ, хлестали его правдивыя слова. Сама того не замѣчая, Муся попадала ему не въ бровь, а въ глазъ. Закончивъ свою тираду, молодая дѣвушка спокойными мелкими глотками выпила до дна крюшонъ.

Липарскій заговорилъ, волнуясь:

— И вы думаете, что въ Петербургѣ вы встрѣтите чистыхъ и честныхъ людей?

Ясные глаза молодой дѣвушки, разсыпая лучистыя

искры, поднялись и встрѣтились съ его безпокойнымъ взоромъ.

— А развѣ въ Петербургѣ все плохіе люди? Вы безпощадны къ самому себѣ, Максимъ Сергѣевичъ.

Онъ нервно теребилъ край салфетки и голосъ его прозвучалъ глухо, словно сдавленный волненіемъ:

— Я — очень плохой человѣкъ, баронесса, но тотъ, кто знаетъ, какъ сложилась моя жизнь, тотъ найдетъ для меня смягчающія обстоятельства.

Лучистые глаза съ искреннимъ сочувствіемъ покоились на красивомъ смущенномъ лицѣ богатыря.

— Вамъ много пришлось выстрадать?

— Безконечно много. Почти съ колыбели я былъ одинокимъ, заброшеннымъ ребенкомъ. Всякій, кто только могъ, меня билъ и обижалъ... Но эти обиды и пробудили во мнѣ жажду борьбы. Я боролся и бился какъ рыба объ ледъ... Ни въ комъ я не встрѣчалъ ни помощи, ни сочувствія... Напротивъ, кто только могъ, лягалъ меня... И когда я, наконецъ, закончилъ среднее образованіе, силы мои изсякли и я гибнулъ въ нищетѣ... Это былъ самый ужасный моментъ въ моей жизни и, чтобъ спастись, я нравственно палъ... Паденіе помогло мнѣ встать на ноги, но наложило на меня тяжелыя цѣпи, и сниметъ ихъ только могила.

Липарскій „темно“ говорилъ о своемъ паденіи, но въ голосѣ его и въ лицѣ было столько отчаянія, что невольное сочувствіе зажглось въ чистомъ сердцѣ молодой дѣвушки.

— Вы — плохой христіанинъ, Максимъ Сергѣевичъ. Нѣтъ грѣха, котораго не простилъ бы Господь, если раскаянье искренно.

— Баронесса, бываютъ случаи, когда раскаяніе можетъ помочь только въ будущей вѣчной жизни... Когда рука отрублена, то она отрублена и ея уже не будетъ. Ничѣмъ вы ея не вернете... Чистое и свѣтлое существо, подобное вамъ, оттолкнетъ падшаго, подобнаго мнѣ.

— Не сгущаете ли вы краски, такъ осуждая свое прошлое?

— И прошлое, и настоящее, и будущее... Но, къ сожалѣнію, Петербургъ наполненъ людьми, подобными мнѣ и еще худшими. Худшими, говорю я, потому, что тѣхъ

не тяготитъ ужасъ ихъ паденія, какъ тяготитъ онъ меня... А у васъ, въ провинціи, развѣ много видѣли вы хорошихъ людей?

— Первый и лучшій — былъ мой отецъ, — съ гордостью произнесла молодая дѣвушка. — Если-бы вы знали, что это былъ за человѣкъ. Чистый, нѣжный, трудолюбивый, самоотверженный... Какъ онъ меня любилъ и какъ я его любила!

— Вотъ видите, — вырвалась неосторожная фраза у Липарскаго, — и такого человѣка не оцѣнили.

Муся гордо закинула головку.

— Не будемъ этого касаться. Я могу любить своихъ родителей, но судьею ихъ не буду... Часто, очень часто виноваты не „стороны", а обстоятельства... И я вѣрю, что моихъ родителей разлучили именно злыя обстоятельства, и что если-бы я раньше объ этомъ подумала, мнѣ удалось бы ихъ соединить, и теперь мы всѣ трое были бы вмѣстѣ. Разлука съ мамой унесла отца въ преждевременную могилу. Вѣрный, свѣтлый рыцарь, онъ угасъ съ ея именемъ на устахъ.

Максимъ Сергѣевичъ прислушивался къ ея словамъ и думалъ:

„Какъ ты прекрасна! И душа твоя такъ же честна и свѣтла, какъ твоя внѣшность, моя нѣжная принцесса Греза. Какъ я люблю тебя, хотя и не смѣю любить... Какъ я несчастливъ теперь потому, что мое сердце проснулось и пробудило мою совѣсть."

Но вотъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и яркая краска залила его лицо. Въ дверяхъ онъ увидѣлъ высокую, царственную фигуру баронессы фонъ-Саксъ. Ея огненные, страстные глаза не отрывались отъ юной парочки.

„Эхъ, будь, что будетъ, но я не встану, не уйду," — подумалъ Липарскій.

Молодая дѣвушка тоже замѣтила свою мать и ласково ей улыбнулась, когда Долли Евграфовна подошла къ столику.

— Что ты тутъ дѣлаешь, дѣтка, въ обществѣ самаго скучнаго кавалера?

— О, нѣтъ, мама, онъ очень милый, Максимъ Сергѣевичъ, и мы съ нимъ разговорились по душѣ.

Улыбка медузы мелькнула по губамъ баронессы фонъ-Саксъ, когда она повернулась къ своему любовнику.

— Что же вы не благодарите мою дочь за комплиментъ? — спросила она дрожавшимъ отъ бѣшенства голосомъ.

XVI

ОБЛАВА

— Кажется, эта дѣвчонка очаровала васъ, милѣйшій графъ, и всѣ ваши увѣренія въ любви уже забыты, — ревниво проговорила Сюзанна Мельвиль.

— Что вы говорите, Сюзанна! Я думаю, вы сами не вѣрите своимъ словамъ! — горячо протестовалъ Грегоровъ. — Я люблю васъ до сумасшествія. Видите, отъ одного вашего прикосновенія я весь дрожу.

— Почему же вы увиваетесь за этой дѣвчонкой? Или вы думаете, что это мнѣ пріятно? Или вы хотите возбудить мою ревность?

— Не то и не другое. Меня заинтересовала молодая баронесса, какъ новый типъ. Чистенькая, нетронутая, наивная провинціалочка. Свѣжестью вѣетъ отъ ея искреннихъ словъ и взглядовъ. И, повѣрьте, мнѣ жаль ея. Мнѣ хочется, насколько возможно, предупредить ее. Кажется, отчасти мнѣ это удалось.

— Я не понимаю вашей жалости. Долли Евграфовна приняла въ ней серьезное участіе, ничего для нея не жалѣетъ. Посмотрите, какой она закатила ей туалетъ, какой подарила ей жемчугъ, и какъ восторженно ввела ее въ свой салонъ.

— Въ баронессѣ фонъ-Саксъ, кажется, проснулось материнское чувство. Только надолго ли? Она еще слишкомъ полна личной жизнью, неудовлетворенными желаніями, „огни ада“, какъ я ихъ называю, еще не погасли въ ея сердцѣ. Врядъ ли роль мамаши взрослой дочери придется ей по душѣ. Если-бы еще дѣвочка не была такъ хороша собой! И потомъ, вы оказали ей медвѣжью услугу, бѣдняжкѣ, — вы привели къ ней того, кого она должна „избѣгать“ всѣми силами, — возлюбленнаго матери.

— Я мстила вамъ за ваше поведеніе. Но думаю, что она уже освѣдомлена и будетъ осторожна. Она не выглядитъ глупенькой и не станетъ дѣйствовать во вредъ себѣ. Къ тому же вокругъ нея столько интересныхъ кавалеровъ, къ которымъ я не причисляю Липарскаго.

Грегоровъ и Сюзанна уже сидѣли въ большомъ залѣ противъ своихъ vis-à-vis. Дирижеръ скомандовалъ общую мазурку и разговоръ былъ прерванъ. Но, когда танцовали отдѣльныя пары, Грегоровъ снова вернулся къ нему.

— Вы ошибаетесь, Сюзанна, молодая дѣвушка и не подозрѣваетъ истины. Для нея Липарскій такой же знакомый матери, какъ и всѣ остальные.

— Можетъ быть. Но довольно о ней. Это вѣдь можетъ набить оскомину. И надѣюсь, что больше вы сегодня не вернетесь къ злополучному столику.

— Я не могу не вернуться, потому что далъ слово, — рѣшительно заявилъ графъ. — И потомъ, любя васъ, я долженъ исправить вашу жестокость.

— А именно?

— Я долженъ освободить бѣдняжку отъ общества Липарскаго. Но вѣдь мы можемъ туда отправиться вмѣстѣ и вы еще поможете мнѣ. Вмѣстѣ намъ легче передать малютку какому-нибудь кавалеру.

— Вы, кажется, воображаете, что у меня изсякло послѣднее самолюбіе? Нѣтъ, ужъ идите одинъ выполнять вашу миссію.

— Не сердитесь, Сюзанна, я скоро вернусь въ вамъ, и вы позволите мнѣ проводить васъ до дому.

— Этотъ вопросъ остается открытымъ, смотря по вашему поведенію...

— Rond des dames! — скомандовалъ дирижеръ и Сюзанна вспорхнула и соединилась въ общій кругъ съ остальными дамами, нарядными, улыбающимися, разгоряченными пляской.

„Боже мой, — думала Сюзанна, — я ревную, я теряю почву подъ ногами. Я становлюсь обыденной, жалкой мѣщанкой, дѣлающей „сцены“ своему возлюбленному. Если я не возьму себя въ руки — все погибло. Мужчины любятъ торжествующихъ, веселыхъ, сознающихъ свою силу. А я? Что я дѣлаю? Клинъ клиномъ вышибай. Я ревную

и онъ долженъ ревновать. На комъ бы остановиться? Пока онъ будетъ спасать наивную провинціалку, — я заведу пикантный флиртъ, но съ кѣмъ? Мужчины признаютъ только достойныхъ и опасныхъ соперниковъ. Кто же здѣсь можетъ быть ему соперникомъ? Онъ цѣлой головой выше этой пляшущей толпы".

И Сюзанна растеряннымъ взглядомъ осматривала кавалеровъ, и они показались ей всѣ смѣшными и дикими, прыгавшіе въ „шассе". Но вотъ ея взглядъ упалъ на тѣхъ, что стояли въ дверяхъ, наблюдая за танцами. Среди нихъ выдѣлялся одинъ... на немъ Сюзанна остановила свое вниманіе. Это былъ достойный соперникъ и въ то же время ближайшій другъ Грегорова.

Высокій и стройный, онъ почти на голову былъ выше его окружавшихъ. Ничего особеннаго не было въ его цвѣтущемъ симпатичномъ лицѣ, но это было открытое, свѣжее юное лицо, освѣщенное парой карихъ глазъ, умныхъ и плутоватыхъ, и украшенное маленькими бѣлокурыми усиками. Насмѣшливая и вмѣстѣ скучающая улыбка мелькала по его красивымъ губамъ. Его взглядъ невольно отражалъ презрѣніе, останавливаясь на прыгающихъ подъ музыку, и на остальныхъ. Этотъ русскій богатырь, обратившій на себя вниманіе Сюзанны Мельвиль, былъ не кто иной, какъ графъ Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ.

Танцуя, Сюзанна вспоминала свое мимолетное знакомство съ графомъ Марковымъ въ тѣ дни, когда она принадлежала его другому другу, Пасковичу. Очевидно, вся ея некрасивая исторія съ Пасковичемъ была извѣстна Маркову.

Тотъ день, когда графъ Марковъ былъ ей представленъ,—до сихъ поръ остался въ памяти Сюзанны. Это былъ ея бенефисъ. Билетъ былъ посланъ Пасковичемъ графу Маркову по ея желанію. А въ антрактѣ она потребовала, чтобы Марковъ былъ ей представленъ.

Сюзанна уже знала, что Пасковичъ — выжатый лимонъ, и что надо замѣнить его другимъ. Марковъ былъ бы отличной замѣной. Блестящій, юный, интересный гвардеецъ изъ богатой и вліятельной аристократической семьи. Кажется, большаго нельзя было и желать. И въ антрак-

тѣ, угощая его шампанскимъ, Сюзанна пустила въ ходъ всѣ свои чары, но онъ остался холоденъ, какъ ледъ.

Очевидно, ея шумный успѣхъ, громкіе апплодисменты и море цвѣтовъ не произвели на него должнаго впечатлѣнія. Тогда Сюзанна рѣшила его покорить въ интимномъ обществѣ тонкой и остроумной бесѣдой, и пригласила на завтракъ. Увы, отъ этого приглашенія онъ уклонился, какъ и отъ слѣдующаго — на обѣдъ. Тутъ подвернулся кто-то другой и Сюзанна оставила въ покоѣ Маркова. Теперь словно сама судьба снова толкаетъ его къ ней. Она даже не понимала, какимъ образомъ онъ очутился на балу баронессы фонъ-Саксъ, салонъ которой такъ явно презиралъ.

„О, судьба, конечно, судьба!“ — пронеслось въ головѣ Сюзанны и, танцуя, она старалась приблизиться къ двери, обжигая его взглядами.

Съ тѣхъ поръ, какъ она „охотилась“ на Маркова, прошло нѣсколько лѣтъ. За эти годы она многое пріобрѣла. И все-таки она уже знакома съ его неприступностью и пуститъ въ ходъ иныя средства. Конечно, это не графъ Грегоровъ, это карьеристъ и женить его невозможно. Какъ бы онъ ни любилъ женщину, онъ на ней не женится, если это не согласно съ его расчетами. Но, какъ орудіе для ревности Грегорова — онъ великолѣпенъ. И, можетъ быть, Сюзаннѣ удастся и Маркову доставить нѣсколько непріятныхъ минутъ и отомстить ему за прошлую холодность, за его непонятное презрѣніе къ ней, какъ къ женщинѣ.

Теперь Сюзанна уже съ нетерпѣніемъ ждала конца мазурки.

— Ты на меня не сердишься, Мими?

— За что, мой ангелъ?

— Я тебя немножко приревновала къ красивой провинціалочкѣ и была несправедлива, а тебя можно только любить еще больше за твою доброту и чуткость.

— О, женщины! То осыпала упреками, а теперь осыпаешь похвалами.

— Ревность слѣпа, но я все-таки не такая ужъ глупенькая и прозрѣла. Мазурка кончилась. Благодари же свою даму и спѣши на помощь провинціалочкѣ.

Едва стройная фигура Грегорова скрылась въ дверяхъ гостиной, Сюзанна Мельвиль смѣло и быстро подошла къ Маркову.

— Держу пари, графъ, что вы меня даже не узнаете!..

— И ошибаетесь, — вѣжливо, но холодно раскланялся графъ, — кто видѣлъ васъ однажды, уже не можетъ васъ забыть.

Фраза была бы комплиментомъ, если-бы не явно враждебный и насмѣшливый тонъ.

— А вы, графъ, остались все такимъ же любезнымъ,— въ тонъ враждебно и насмѣшливо замѣтила Сюзанна. — И все-таки я рада вамъ... Я почему-то всегда довольна, когда передо мною оживаютъ тѣни прошлаго.

— Въ вашемъ прошломъ я былъ слишкомъ ничтожною тѣнью.

— О, какъ вы заблуждаетесь. Сами того не зная, вы сыграли громадную роль въ моей жизни.

— Даже „громадную“, — это интересно.

— Да, интересно, какъ курьезъ. И я бы съ удовольствіемъ подѣлилась съ вами этимъ курьезомъ.

— Я весь — вниманіе.

— Въ такомъ случаѣ, выберемъ болѣе удобное мѣсто и положеніе, чѣмъ это „стояніе“ въ дверяхъ, да еще когда десятки любопытныхъ ушей прислушиваются.

Марковъ слегка поморщился, но Сюзанна сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его гримасы.

— Я лучше васъ знаю эту квартиру, въ которой вы слишкомъ рѣдкій гость, и потому позвольте мнѣ указать вамъ укромный уголокъ, гдѣ я могла бы вамъ повѣдать мой секретъ.

И, какъ бы опасаясь, чтобы Марковъ не уклонился отъ бесѣды, Сюзанна смѣло взяла его подъ руку и провела въ сиреневую гостиную. Граціозно опустилась она на миніатюрную софу и указала графу Маркову мѣсто рядомъ съ собой.

— Вотъ такъ... Теперь никто насъ не подслушиваетъ, — смѣялась Сюзанна, откидывая бѣлокурую головку. И она была довольна, потому что графъ Алексисъ помимо своей воли любовался ею.

— А мой другъ Мишель правъ, увѣряя, что вы въ жизни гораздо красивѣе, чѣмъ на сценѣ.

— Это мнѣ многіе говорятъ. Можетъ быть, я не умѣю гримироваться. Впрочемъ, что же это мы уклоняемся отъ прямой цѣли нашего „засѣданія“. Итакъ, я приступаю къ курьезу. Помните мой романъ (впрочемъ, довольно прозаическій) съ вашимъ другомъ Пасковичемъ?

— Еще бы не помнить, когда почти всѣ мои сюртуки и мундиры были мокры отъ его слезъ. Съ нимъ вы были особенно жестоки и безпощадны. И знаете, какъ я васъ прозвалъ тогда?

— Не знаю, — потянулась она, какъ кошечка.

Глаза Алексиса не отрывались отъ чудесной линіи ея ногъ.

И Сюзанна, какъ ни въ чемъ не бывало, подарила его краснорѣчивымъ взглядомъ и снова граціозно потянулась.

— Какъ же вы меня прозвали? — Это интересно.

— Боюсь сказать, слишкомъ грубо.

— Валяйте. Клянусь вамъ головой, что не обижусь, — шутливо бросила она.

— Я прозвалъ васъ хищницей.

— Ха-ха-ха, — залилась она серебристымъ смѣхомъ, откидываясь въ еще болѣе соблазнительной позѣ. — А вѣдь это великолѣпное прозвище. Теперь я сама себя буду звать хищницей. И это дастъ мнѣ поводъ каждый разъ вспоминать графа Маркова, автора столь подходящаго прозвища.

Видя, что онъ смущенъ, она была очень довольна собой.

— Итакъ, продолжаю... Можетъ быть, вы не забыли и нашего перваго знакомства?

— О нѣтъ!

— Я пустила въ ходъ всѣ свои чары, чтобы овладѣть вами и... и... вы оказались неприступной крѣпостью.... Холодъ и ледъ... Только ледъ... Я васъ позвала... и вы... не пришли. И, знаете, ваше сопротивленіе заставило меня васъ полюбить... и я дала себѣ клятву... какую — я скажу немного погодя... Потомъ я васъ забыла, конечно... и теперь серьезно увлечена другимъ... Но чувство къ вамъ, пре-

зиравшему меня, перевернуло мою душу... И теперь я уже не та... Вы замѣтили, конечно, что я уже не та?

Легкое платье обрисовывало формы стройнаго, извивавшагося тѣла. Вызывающая улыбка и красивое личико чаровали Алексиса. Онъ самъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается, — голова его кружилась и кровь загоралась.

— Я стала другой, не правда ли? — повторила Сюзанна приподнимаясь и приближаясь къ нему. И, когда ея губы были совсѣмъ близки къ его губамъ, она вдругъ обвила его шею обнаженными руками, руками нимфы и... и... губы ихъ соединились.

Сильныя руки Алексиса прижали къ груди трепещущее тѣло. Казалось, этому поцѣлую не будетъ конца. Но Сюзанна выскользнула съ тихимъ смѣхомъ.

— Вотъ моя клятва! Я ее сдержала! Я поклялась, что сорву съ вашихъ гордыхъ устъ самый горячій, самый страстный поцѣлуй. Теперь мы квиты и можемъ быть добрыми друзьями. По крайней мѣрѣ, во мнѣ вы найдете вѣрнаго друга. И дадимъ другъ другу слово, что объ этомъ поцѣлуѣ не узнаетъ никто на свѣтѣ.

— Съ однимъ условіемъ... если онъ повторится.

— Сумѣйте его завоевать, какъ я сумѣла завоевать тотъ, который мнѣ былъ нуженъ.

Она снова подошла къ нему.

— Можетъ быть, васъ будутъ безпокоить угрызенія совѣсти, — вѣдь вы другъ графа Грегорова, а я — его возлюбленная!

— Можетъ быть.

— Напрасно. Я только капризъ сіятельнаго графа... Я клятвъ вѣрности ему не давала. Вы умѣете презирать женщинъ, а меня вы научили презирать мужчинъ. Я поняла, что серьезную роль я уже сыграла въ жизни мужчинъ, и потому я рѣшила мучить ихъ и играть ими. И вамъ говорю: будемъ шутить и играть, пока намъ это нравится... и если нравится... Такъ я шучу съ Грегоровымъ, такъ и онъ шутитъ со мной.

— Да, вы измѣнились, вы стали другою и теперь я понимаю Мишеля. Я самъ способенъ увлечься вами...

— Въ добрый часъ. А пока вы еще не увлечены и потомъ, когда уже не будете увлечены, оставайтесь моимъ

пріятелемъ. Увѣряю васъ, что я сумѣю вамъ дать нѣсколько хорошихъ часовъ. По рукамъ, товарищъ.

— По рукамъ, чаровница. Я и не зналъ, что у васъ такая умная головка.

— Такъ сядемъ же рядкомъ и потолкуемъ ладкомъ, — пошутила Сюзанна, опускаясь на стулъ. — Вы меня разгадали — хищницей прозвали, а вѣдь и я васъ раскусила.

— Ну?

— Давайте-ка вашу руку. Я вамъ погадаю. О, вы умный, талантливый, настойчивый... своего добьетесь, а смотрите очень высоко. Эгоистичны, но бываютъ хорошіе порывы. Честный... сантиментальности ни на грошъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? — послышался удивленный, ревнивый вопросъ графа Грегорова.

— Гадаю вашему другу, милѣйшій графъ.

— И, представь себѣ, очень удачно.

XVII

НА УЗЕЛКИ

Встрѣтившись съ бѣшенымъ взглядомъ баронессы фонъ-Саксъ, Липарскій потупился, но уже не склонилъ головы, какъ это, можетъ быть, сдѣлалъ-бы недѣлю тому назадъ. Быть смѣшнымъ и ничтожнымъ въ глазахъ Маріи Николаевны?! Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! И онъ зналъ, что баронесса не рѣшится на публичный скандалъ, и онъ зналъ, что заплатитъ за свою „самостоятельность“ страшной сценой „наединѣ“. Но вѣчный страхъ, угнетавшій его слабую душу, словно испарился.

„Я осужденный, — думалъ онъ съ усмѣшкой. — Я долженъ пойти „на казнь“. Но я не склоню головы.“

Его рѣсницы медленно поднялись, и глаза стойко выдерживали пронизывающій взглядъ баронессы.

— Ваша дочь слишкомъ ко мнѣ любезна, — твердо проговорилъ онъ. — Я долженъ благодарить ее за снисходительность, за тѣ драгоцѣнныя минуты, которыя она мнѣ подарила своей правдивой бесѣдой. Вы можете гордиться своею дочерью, баронесса. Только на тихой про-

винціальной нивѣ могутъ развиваться чистыя и свѣтлыя души. Тамъ выростаютъ бѣлыя лиліи, а здѣсь — одуряющія магноліи.

Баронесса отступила, и гнѣвъ въ ея глазахъ смѣнился глубокимъ изумленіемъ. Липарскій, котораго она презирала, теперь вдругъ явился въ иномъ свѣтѣ. Въ голубыхъ безжизненныхъ покорныхъ глазахъ засвѣтлѣли мысль и сопротивленіе. Гордостью и силой повѣяло отъ словъ. Волшебное перерожденіе! Оно свершилось на ея глазахъ, но такъ внезапно, что она не сумѣла подмѣтить, когда оно свершилось.

Грегоровъ выручилъ растерявшуюся баронессу.

— Едва только кончилась мазурка, я опять возлѣ васъ, Марія Николаевна, — заявилъ графъ въ торжественно шутливомъ тонѣ.

Баронесса смотрѣла то на Грегорова, то на свою дочь.

„Вотъ, — радостно пронеслось въ ея головѣ, — вотъ настоящая партія для Муси. Очевидно, дѣвочка ему нравится, а вытолкнуть изъ его жизни Сюзанну я сумѣю“.

— Мазурка кончилась, — улыбнулась Долли Евграфовна, — но сейчасъ начнется вальсъ. Ты, вѣроятно, хорошо отдохнула, Муся. А графъ великолѣпно танцуетъ.

— Весь къ вашимъ услугамъ, Марія Николаевна, — поклонился графъ, и молодая дѣвушка робко протянула ему руку.

Красивая пара уже неслась въ вихрѣ вальса, а смущенные любовники стояли другъ передъ другомъ. Теперь, когда Муси не было, и „храбрость“ Макса наполовину растаяла.

Баронесса смѣрила его съ головы до ногъ холоднымъ повелительнымъ взглядомъ.

— Теперь я не могу съ тобой говорить, но, когда кончится вся эта канитель, ты пройдешь въ мой будуаръ. Я не отложу нашей бесѣды до завтра. Можетъ быть, сегодня-же мнѣ придется тебя выкинуть за порогъ моего дома. Ты меня понялъ?..

Онъ кивнулъ головой.

— И ты придешь?

— Приду.

— Я не совѣтую тебѣ откладывать до завтра. Не было-бы слишкомъ поздно — тономъ угрозы добавила она.

— Я сказалъ, значитъ, я приду.

— Подумаешь, какъ драгоцѣнны твои слова. Давно-ли ты сталъ такимъ?

Онъ молчалъ.

— Итакъ, я буду ждать. А сейчасъ нѣтъ времени заниматься тобой. Сейчасъ я только хозяйка дома, полнаго гостей.

И, еле кивнувъ головой, она прошла блѣдная, разстроенная, сразу какъ будто постарѣвшая. Царственный трэнъ, нѣжно шурша, волочился за нею.

Закончивъ туръ вальса, Грегоровъ усадилъ свою даму и всталъ за ея стуломъ.

Молодую баронессу опять замѣтили, и нахлынули кавалеры, но она отнѣкивалась, качая золотистой головкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я такъ устала, я больше не могу.

— Въ такомъ случаѣ пройдемте въ гостиную, — предложилъ Грегоровъ.

Муся даже съ нѣкоторою радостью приняла его предложеніе.

— Я хотѣла васъ спросить, — смущенно сказала Муся, когда они очутились въ сравнительномъ уединеніи. — Кто этотъ Липарскій?

— А вы его развѣ такъ мало знаете? — въ свою очередь спросилъ Грегоровъ.

— Сегодня я вижу его всего во второй разъ, — искренно отвѣтила Муся. — Впервые въ день моего пріѣзда. И хотя онъ у насъ обѣдалъ, но мнѣ почти не пришлось съ нимъ разговаривать. А вотъ сегодня... мы съ нимъ говорили долго и по душѣ.

— Даже по душѣ? — усмѣхнулся Грегоровъ. — Боже, какъ вы еще наивны, Марія Николаевна. Здѣсь, въ Петербургѣ, — это большой недостатокъ. Неужели вы думаете, что кто-нибудь здѣсь будетъ говорить съ вами „по душѣ“ въ первый день знакомства? — Говорятъ фразы, льстятъ. И во всемъ ложь играетъ первую скрипку.

— Но вѣдь и вы петербуржецъ, и вы говорите со мной въ первый разъ.

— Я? Ну, я совсѣмъ другой человѣкъ. Не даромъ я

слыву чудакомъ. И знаете, сегодня я слышалъ фразу, относившуюся къ вамъ, Марія Николаевна: „Она мила, но, повидимому, большая чудачка“. Очевидно, въ васъ замѣтили честность и прямоту и поспѣшили васъ причислить къ „чудакамъ“. Но, разъ вы начали со мной этотъ разговоръ, можетъ быть, вы подѣлитесь со мной искренними словами, которыя расточалъ передъ вами г. Липарскій.

Г. Липарскій. Это имя звучало такъ презрительно въ гордыхъ устахъ Грегорова.

— Дай Богъ, чтобъ это была одна только рисовка, — тихо проговорила Муся. — Липарскій сказалъ мнѣ, что онъ очень плохой человѣкъ, что онъ много выстрадалъ, много боролся и въ концѣ концовъ, чтобы спастись, палъ... Онъ говорилъ мнѣ, что его паденіе ему позволило встать на ноги, но наложило на него тяжелыя цѣпи, ихъ сниметъ одна могила. И онъ такъ себя осуждалъ. Но я буду рада, если всѣ эти мрачныя слова были только петербургской манерой лгать, и мнѣ остается только пожалѣть, что я такъ искренно ему сочувствовала.

Яркіе зеленые глаза Грегорова встрѣтились съ грустными, лучистыми глазами молодой дѣвушки.

— Липарскій лучше, чѣмъ я думалъ. Я не хочу смущать вашу чистую душу, но дамъ вамъ дружескій совѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ придется говорить лишь въ общихъ чертахъ. Липарскій не солгалъ вамъ, что онъ очень худой человѣкъ, и паденіе его такъ глубоко, что, когда взглянешь — голова кружится отъ презрѣнія. Но, видно, въ душѣ падшаго все-таки таятся драгоцѣнныя струны. Ваша чистота коснулась этихъ струнъ, и онѣ громко запѣли. Я готовъ пожать ему руку за то, что онъ открылъ вамъ глаза и спасъ отъ заблужденія.

Грегоровъ поднялся.

— Не забывайте моихъ словъ, Марія Николаевна. Въ Петербургѣ много плохихъ людей, но ни съ однимъ изъ нихъ вамъ не надо такъ избѣгать встрѣчи, какъ съ г. Липарскимъ.

— Почему вы не хотите говорить яснѣе? — съ отчаяніемъ прошептала молодая дѣвушка. — Я ничего, ничего не понимаю.

— Яснѣе я не могу говорить. Вы слишкомъ чисты,

чтобы посвящать васъ во всю грязь. Но вѣрьте, что только чувство искренняго расположенія руководитъ мною и заставляетъ васъ предостеречь.

Молодая дѣвушка сложила руки, и горькая улыбка мелькнула по ея губамъ.

— Благодарю васъ, графъ. Я не забуду вашего участія.

Она глубоко вздохнула.

— Я здѣсь такъ не долго, но уже чувствую, что лучше мнѣ было вовсе сюда не пріѣзжать. Лучше было остаться тамъ, гдѣ я прожила всю жизнь, гдѣ мнѣ понятнѣе люди. Тамъ бы я сумѣла найти себѣ кусокъ хлѣба. Развѣ мнѣ нуженъ весь этотъ блескъ? Эти огни ярко горятъ, но я чувствую, что они начинаютъ жечь мое сердце. Эти розы прекрасно благоухаютъ, но ихъ шипы уже колютъ меня. И самая природа здѣсь такая жалкая и суровая, что даже и къ ней нельзя обратиться за утѣшеніемъ и забвеніемъ. Тамъ, въ далекой южной провинціи, если-бы люди показались мнѣ холодными и базсердечными, я нашла бы утѣшеніе въ природѣ. Тамъ и небо другое, оно ласково улыбается, а сумрачное небо вашего Петербурга только леденитъ душу. И тамъ, вдали, я оставила родную могилу. У подножія креста, (на немъ я прочла бы дорогое имя), въ слезахъ и молитвѣ я нашла бы утѣшеніе.

Грустно улыбаясь, съ глазами, полными слезъ, она была такъ дивно хороша, эта юная богиня. Ея нѣжный образъ будилъ въ душѣ лучшія чувства. Если-бъ Грегоровъ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ и повиновался бы только порывамъ сердца, онъ опустился бы передъ нею на колѣни, и, умиленный, цѣловалъ бы безпомощныя ручки и, полные слезъ, печальные глаза, и горько улыбавшіяся губки.

Но онъ какъ будто самъ испугался своего порыва. Его новое утѣшеніе прозвучало лишь самой изысканной, но и самой холодной вѣжливостью.

— Вы слишкомъ молоды и хороши. Вы заслуживаете счастья. И я убѣжденъ, что на вашу долю и среди холодныхъ, сухихъ петербуржцевъ найдется исключеніе.

Бесѣда, которая вдругъ стала въ тягость обоимъ, была прервана появленіемъ кавалера, пригласившаго Мусю на третью кадриль.

— Уже сыграли первый ритурнель, баронесса, — заявилъ кавалеръ, — и я явился, чтобы васъ похитить.

— Огорченный, я признаю ваши права, — сухо улыбнулся графъ и отступилъ.

Большіе бархатные глаза смотрѣли на него съ невольнымъ укоромъ. Этотъ взглядъ остановилъ его, и онъ пристально глядѣлъ вслѣдъ удалявшейся парочкѣ.

„Прелестное дитя, — подумалъ графъ Грегоровъ, — и если-бъ я встрѣтился съ ней въ молодые годы моихъ иллюзій, можетъ быть, эта встрѣча кончилась бы романомъ. А теперь я прохожу мимо съ насмѣшливой улыбкой. Я знаю, что жизнь сдѣлаетъ ее такою же, какъ остальныя. Исключеній нѣтъ, и самыя хорошія становятся самыми плохими.“

И, забывая о молодой баронессѣ фонъ-Саксъ, Грегоровъ вспомнилъ о той, которая въ настоящее время была ему интересна, такъ какъ умѣла дразнить его чувственность.

„И этой исторіи скоро настанетъ конецъ“, — цинично подумалъ онъ, направляясь разыскивать Сюзанну.

Но картина, которую онъ засталъ въ маленькой гостиной, поразила его своею неожиданностью. На софѣ полулежала Сюзанна въ соблазнительной позѣ. Около нея, склонившись къ ней, сидѣлъ его другъ графъ Марковъ. Тотъ самый Марковъ, который еще недавно предостерегалъ его, называя ее безсовѣстной хищницей. И Сюзанна держала его руку въ своей рукѣ. Старое чувство, давно знакомое по прошлому, острою болью сжало сердце Грегорова. Это чувство было — ревность. Ревность, которая когда-то заставляла его плакать кровавыми слезами.

— Что вы тутъ дѣлаете? — сорвалась рѣзкая фраза съ поблѣднѣвшихъ губъ.

— Гадаю вашему другу, милѣйшій графъ, — вызывающе бросила Сюзанна.

— И, представь себѣ, очень удачно, — разсмѣялся Марковъ.

Въ его добродушномъ смѣхѣ не было ни капли смущенія.

Сюзанна же продолжала съ необыкновенной развязностью:

— Вы, конечно, знакомы съ графомъ Грегоровымъ, какъ давніе друзья, но позвольте мнѣ вамъ представить его, какъ моего возлюбленнаго. Намъ такъ часто приходится лукавить въ присутствіи знакомыхъ, что хоть въ вашемъ присутствіи мы будемъ чувствовать себя свободными. Мими, это кресло въ твоемъ распоряженіи. Я думаю, что ошиблась, такъ откровенничая съ твоимъ пріятелемъ. Конечно, ты ему уже успѣлъ сообщить о нашихъ отношеніяхъ...

Пикантной бесѣдѣ не суждено было продолжаться, — гостей попросили къ ужину. Сюзанна завоевала себѣ мѣсто межъ обоими друзьями.

Она была великолѣпна, Сюзанна Мельвиль, какъ боевой конь, заслышавшій звукъ военной трубы. Игрива, мила, остроумна, она занимала не только своихъ сосѣдей, но и всѣхъ вблизи себя.

Баронесса фонъ-Саксъ сидѣла мрачная и какъ будто сразу постарѣвшая. По правую свою руку она посадила блестящаго военнаго генерала, разсыпавшаго тысячи комплиментовъ. По лѣвую руку Максима Сергѣевича.

— Что это съ нимъ? — перешептывались гости, поглядывая на „приближеннаго“ хозяйки дома.

Онъ былъ молчаливъ и почти не касался ѣды. Его обычно скромно опущенная голова горделиво поднималась, и голубые глаза, какъ искры, метали презрительные взгляды. И только когда они случайно останавливались на молодой хозяйкѣ дома, они смягчались и словно молили о чемъ-то.

А Муся на другомъ концѣ стола вся ушла въ себя. Съ этимъ блѣднымъ лицомъ и печальными глазами она была похожа на нѣжную лилію. Кавалеры сколь блестящіе, столь и пустые, окружали ее, расточая ничтожные комплименты. Она отвѣчала имъ невпопадъ, и грустный взглядъ ея словно просилъ:

— Оставьте меня! Вы мнѣ не нужны, и я вамъ не нужна. Зачѣмъ вы меня мучаете?

Но ничтожные, хотя и блестящіе кавалеры не понимали безмолвной просьбы ея глазъ и продолжали сыпать комплименты.

Гости, привыкшіе веселиться въ этомъ домѣ, не обращая вниманія на минорное настроеніе хозяевъ, шумѣли, смѣялись и чокались безъ конца.

Послѣ ужина Сюзанна рѣшила ѣхать домой. Она была опьянена успѣхомъ, любовью и виномъ.

— Кто же меня проводитъ домой? — вызывающе обратилась она къ обоимъ друзьямъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, — поспѣшилъ заявить Марковъ.

— Сюзанна, — вспыхнулъ Грегоровъ, — развѣ этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ нами заранѣе?

— Насъ связываютъ слишкомъ легкомысленныя цѣпи, Мими, и потому простительно, если я иногда буду отмѣнять рѣшенія. Въ эту минуту я никому на свѣтѣ не отдаю предпочтенія. И потому, господа, чтобы не обидѣть никого изъ васъ, я предлагаю рѣшить вопросъ „на узелки".

И, злорадно улыбаясь, она смотрѣла на поблѣднѣвшее лицо Грегорова и думала :

„О, я тебя сломлю, аристократъ! Я тебя унижу, и ты забудешь свое графское достоинство и склонишься передъ мѣщанкой, фарсовой артисткой и легкомысленной особой! Ты будешь моимъ мужемъ, я приведу тебя къ этому."

Сюзанна завязала узелокъ своего кружевного платочка и, сложивъ вмѣстѣ кончики, предложила друзьямъ. Графъ Алексисъ взялся за одинъ кончикъ, Грегоровъ протестовалъ, негодуя...

— И не надо, и не бери. Вѣдь васъ только двое, и споръ и такъ будетъ рѣшенъ. Если вы вытянете узелокъ, то я поѣду съ вами, графъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Марковъ вытянулъ кончикъ, на немъ узелка не было.

— Тебѣ везетъ, Мими, узелокъ остался за тобою, и ты можешь отвезти меня домой. А за вами, графъ, визитъ.

— Сочту своимъ долгомъ.

Прощаясь, она крѣпче, чѣмъ нужно, пожала его руку и подарила дразнящимъ взглядомъ.

XVIII

ГРОЗА

Послѣдніе гости еще разъѣзжались, а баронесса фонъ-Саксъ уже покинула парадныя залы и нервно разгуливала въ своемъ будуарѣ. И роскошное царственное платье, гордость „создательницы" Дарьи Яковлевны, и тѣсный корсетъ были уже сброшены, и только прическа Александра еще горделиво возвышалась и сверкало на шеѣ брилліантовое ожерелье. Долли Евграфовна широко шагала изъ угла въ уголъ, ломая руки, и полы теплаго небрежно застегнутаго пеньюара развѣвались какъ черныя крылья.

— Что съ Максомъ? Что за странная перемѣна? Вѣдь, кажется, я его знаю цѣлые годы. Неужели до сихъ поръ я его не раскусила? Чепуха! Это просто нелѣпыя шалости, которымъ я быстро положу конецъ!.. Онъ узнаетъ меня... До сихъ поръ онъ видѣлъ только доброту и великодушіе, но я вижу, что надо показать зубы... я его согну въ бараній рогъ!...

Раздался стукъ въ дверь.

— Войдите.

Двери порывисто распахнулись и показалась богатырская фигура Липарскаго.

— Я сдержалъ свое слово! — отрывисто проговорилъ онъ.

— Прекрасно... — усмѣхнулась баронесса. — Мнѣ теперь только остается кланяться и благодарить. Высокая милость мнѣ оказана.

— Вы звали меня только для того, чтобы осыпать насмѣшками?

Вмѣсто отвѣта она быстро заперла дверь на ключъ, и ключъ положила въ карманъ.

— Садись, — приказала она, и Максимъ Сергѣевичъ невольно повиновался.

Баронесса, волнуясь, продолжала ходить изъ угла въ уголъ. То она останавливалась и открывала ротъ, чтобы что-то сказать, то, нервно махнувъ рукой, снова поворачивалась и все ходила, ходила.

Наконецъ, какъ бы въ изнеможеніи, она опустилась на стулъ, и совсѣмъ близко отъ Липарскаго.

— Что-же ты молчишь? — рѣзко спросила она.

— Вы меня позвали, и я жду, что вы мнѣ скажете?

— А я, напротивъ, жду твоихъ объясненій. Если всѣ замѣтили перемѣну, происшедшую въ тебѣ, то врядъ ли ты скроешь ее отъ меня!...

Липарскій вздохнулъ.

— Перемѣна произошла — вы угадали... но это мой внутренній міръ, и врядъ ли онъ васъ интересуетъ.

— Это ужъ особый вопросъ — насколько меня интересуетъ твой внутренній міръ, — до сихъ поръ онъ былъ очень ничтоженъ... И все-таки я желаю знать о происшедшей въ тебѣ перемѣнѣ... И думаю, что ты мнѣ скажешь все безъ утайки... я, вѣдь, все равно, сумѣю докопаться.

— Я и не думаю скрывать... если я молчалъ эти дни, то только потому, что... считалъ... что это васъ не будетъ интересовать. Неоднократно вы мнѣ подчеркивали, что настоящей любви въ вашемъ сердцѣ ко мнѣ нѣтъ... что я только вашъ любовникъ. Вы указывали, что для любви вамъ слишкомъ мало красоты и молодости, что вамъ нужно что-то другое, утонченное и свѣтлое, чего, конечно, нѣтъ во мнѣ.

—Ты меня упрекаешь, Максъ? — тихо спросила баронесса.

— О, нѣтъ! Мы оба слишкомъ разсудительны, и наши отношенія такъ просты: страсть и привычка. Васъ дразнитъ и дурманитъ прошлое. Въ этомъ прошломъ вы извѣдали блаженство, котораго ужъ не будетъ для васъ никогда... А меня дразнитъ будущее. Вотъ разница.

— Максъ, Максъ, что вы говорите?!

— О, это еще далеко не все. Я часто выслушивалъ изъ вашихъ устъ всѣ эти рѣчи, но онѣ мало трогали меня. Мы оба чувствовали себя превосходно. Вамъ нуженъ былъ молодой любовникъ, а мнѣ, когда-то голодному, холодному, нищему, — теплый уголъ и комфортъ! Каждый изъ насъ давалъ другъ другу необходимое, и мы были квиты. Но для меня это не было жизнью, для меня это былъ сонъ, тяжелый сонъ. Я спалъ какъ сказочный богатырь. Но

вотъ волшебные лучи освѣтили мое сердце, и я проснулся.

— Вы проснулись, Максъ?

— Повязка, что покрывала мои глаза годы, упала, — и вдругъ я понялъ, что я жалкій сибаритъ, ничтожество, живущее на средства женщины, что я продаю свои ласки. Я продаю свою молодость и свои силы.

— Что ты говоришь, Максъ?

— Постойте. Разъ ужъ я заговорилъ, дайте мнѣ досказать до конца. Тогда, по крайней мѣрѣ, для васъ будетъ понятно состояніе моей души. Я наложилъ на себя позорныя цѣпи, и если я даже когда-нибудь ихъ сброшу, то клеймо останется на всю жизнь. Говорятъ, всякій человѣкъ мечтаетъ о семьѣ, о женѣ, о будущихъ дѣтяхъ. Говорятъ, въ этомъ высшее счастіе, земной рай, но для меня этотъ рай закрытъ. Если-бы я посмѣлъ полюбить порядочную женщину, то развѣ посмѣлъ-бы я ей сказать, какъ говорятъ другіе своимъ любимымъ:

„Возьми мою жизнь и мою душу, гордая моей любовью, смѣло опирайся на мою руку.“

Нѣтъ, когда проснется чистая любовь въ моемъ сердцѣ, всѣми силами я долженъ буду бороться съ ея властнымъ голосомъ и я долженъ буду бѣжать отъ той, которая зажжетъ во мнѣ божественный огонь.

Въ большихъ голубыхъ глазахъ Липарскаго блеснули слезы.

— Да, я считалъ себя счастливымъ, потому что выбрался изъ нищеты, потому что вы, баронесса, дали мнѣ удобную и теплую квартиру и окружили меня комфортомъ. Голодному нищему, забитому судьбой, это казалось высшимъ земнымъ счастьемъ, но теперь я понялъ, что на свѣтѣ живутъ и иные мужчины, свободные, гордые, зарабатывающіе свой хлѣбъ. Честное сердце бьется спокойно въ груди, пока не явится прекрасная Греза, и она заставляетъ это сердце биться и сильно, и сладко, и твердой рукой беретъ она свое счастье. И въ честный домъ вводятъ молодую любимую женщину, наполняя ея жизнь свѣтомъ и радостью. Проходятъ годы, серебрятся сѣдины, но гордое честное счастье возрождается въ дѣтяхъ.

Онъ умолкъ, низко опустивъ голову.

— И это все? — разбитымъ голосомъ спросила баронесса.

— Да, это все... А развѣ этого мало?!..

— Мало... — беззвучно сказала баронесса. — Я себѣ позволю кое-что прибавить къ твоимъ словамъ. Я напомню тебѣ то, что ты говорилъ всего недѣлю тому назадъ. Когда я тебѣ давала безъ счета цѣнные пакеты, ты пытался благодарить меня. Твоя благодарность меня возмущала, именно потому, что я не смотрѣла на эти деньги, какъ на плату за твои... за твою любовь. Мой гнѣвъ тебя оскорблялъ.

„Вы гордая и властная, — тихо говорилъ ты мнѣ, — если-бъ вы перенесли столько униженій, безотрадныхъ дней и нищеты, если-бъ вы видѣли столько горя, сколько я съ дѣтскихъ лѣтъ, чуть не съ самой колыбели, — вы бы поняли всю чистоту моей благодарности. Ни одна рука не протянулась ко мнѣ, чтобы подать мнѣ помощь, ни одинъ голосъ не прозвучалъ участіемъ и состраданіемъ. Вы — первая и вы — единственная. Вы мой ангелъ хранитель и вы отталкиваете мою благодарность. Да, благодарность... За нею пришла любовь, а за любовью страсть. Не одинъ часъ и не одинъ день насъ связываютъ, а цѣлыя шесть лѣтъ“. Такъ ты говорилъ мнѣ и въ словахъ твоихъ звучала искренность, и я вѣрила тебѣ. Или ты такъ искусно лгалъ, пошло лгалъ, чтобы выманить у меня нѣсколько кредитокъ? Да вѣдь въ такомъ случаѣ ты достоинъ самаго огромнаго презрѣнія. Говори же, оправдывайся!

Липарскій уныло покачалъ головой.

— Я вижу, что вы все-таки меня не поняли, баронесса. Вѣчныя лишенія и нищета истощили мое сердце, усыпили мою душу. Чья бы рука ни бросила собакѣ кусокъ хлѣба или мяса, — она накинулась бы на добычу. И во мнѣ заснуло все человѣческое и громко говорило только голодное животное.

Ядовитая усмѣшка промелькнула по скорбнымъ губамъ баронессы.

— И когда я накормила это животное до пресыщенія, оно меня кусаетъ ядовитыми зубами. Богатырь пробужденъ отъ волшебнаго сна, и теперь заговорило самое лучшее чувство въ его душѣ — неблагодарность. Но во всѣхъ

этихъ громкихъ, трескучихъ фразахъ все-таки есть что-то недоговоренное. По крайней мѣрѣ въ сказкахъ дѣло обстояло иначе: отъ волшебнаго сна пробуждалъ поцѣлуй какой-нибудь красавицы.

Нервно смѣясь, баронесса откинулась на спинку стула.

— Назови же мнѣ имя красавицы, которая пробудила тебя, Максъ.

Заревомъ пожара кровь зажгла щеки Максима Сергѣевича.

— Никакой красавицы нѣтъ въ моей жизни. А еслибъ она и явилась, она могла бы только быть горькой мечтой.

Проницательные глаза баронессы впивались въ лицо Липарскаго.

— Ложь, ложь, ложь! — съ бѣшенствомъ прокричала она, вдругъ выпрямляясь во весь свой высокій ростъ. — Я знаю, какая муха тебя укусила.

Краска на его лицѣ смѣнилась смертельной блѣдностью.

— Вы знаете, баронесса? — съ ужасомъ пробормоталъ онъ.

— Еще бы! — злобно хохотала она. — Неужели ты меня считалъ глупой, слѣпой или глухой? Весь вечеръ, какъ лисица на виноградъ, смотрѣлъ ты на красоту моей дочери.

Максимъ Сергѣевичъ закрылъ лицо руками. Его нервы не выдержали страшнаго напряженія, и богатырскія плечи дрогнули отъ рыданія.

— Перестань! — грубо сказала баронесса. — Даже тебя я не считала способнымъ на такую страшную пошлость. Дурь, которую ты забилъ себѣ въ голову, можетъ только забавлять меня. Больше тебѣ уже нечего сказать. Любопытство мое удовлетворено, и ты можешь уйти.

Онъ медленно поднялся и медленно побрелъ къ двери,

Она остановила его повелительнымъ движеніемъ.

— Ты развѣ забылъ, что дверь закрыта на ключъ? — съ какимъ-то страшнымъ спокойствіемъ заговорила она. — Подожди, я сейчасъ ее открою.

Она вынула ключъ, подошла къ двери и вложила его въ замокъ.

— Можешь идти, — все съ тѣмъ же страшнымъ спокойствіемъ продолжала она. — Дверь широко открыта. И когда ты одумаешься, — ты здѣсь же на колѣняхъ будешь вымаливать прощеніе.

Онъ проскользнулъ въ дверь и съ силою закрылъ ее за собой.

XIX

ЗАГАДКА

Когда Дарья Яковлевна наряжала Мусю къ ея первому балу и напѣвала ей сладкія слова о будущихъ успѣхахъ, Муся ждала его, ждала съ тайной радостью. Когда, разодѣтую, Дарья Яковлевна подвела ее къ трехстворчатому трюмо, чтобы молодая дѣвушка могла осмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ, Муся невольно улыбалась собственному отраженію, и неясныя мечты зарождались въ ея сердцѣ. А потомъ, когда она вошла въ залитый огнями залъ объ руку съ царственной матерью, когда вокругъ нея мелькали нарядныя пары среди благоухающихъ цвѣтовъ и слухъ ея ласкали нѣжные звуки струннаго оркестра, и восхищенный шопотъ, — тогда ея сердце трепетно билось и все ея существо было охвачено тревожнымъ и сладкимъ ожиданіемъ чего-то новаго, большого и свѣтлаго.

А теперь, когда этотъ балъ пронесся, какъ волшебный сонъ, полный самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, — теперь смутная тоска и недовольство охватывали молодую душу.

Горничная помогла Мусѣ раздѣться, спрятала ея платье и только ожерелье и жемчужный гребень лежали прямо передъ Мусей на столикѣ, напоминая о нарядѣ.

Погруженная въ глубокія думы, сидѣла она на кровати. Бѣлая ночная рубашка спускалась до пола и видны были только концы миніатюрныхъ голыхъ ножекъ въ атласныхъ розовыхъ туфляхъ. Золотисто-рыжіе волосы, завитые парикмахеромъ, пышной волной падали по плечамъ, крохотныя ручки были сложены на колѣняхъ.

— Боже мой... что это? Что это такое? — шептала молодая дѣвушка. — Я не могу разобраться въ своихъ

мысляхъ... Какъ все странно... И этотъ блескъ, и эти розы... все потонуло въ чемъ-то страшномъ... въ чемъ-то новомъ. Неужели они правы оба, и этотъ изящный графъ Грегоровъ съ зелеными глазами, и грустный богатырь, бичевавшій себя?! Неужели всѣ эти блестящіе кавалеры и всѣ эти красивыя дамы въ умопомрачительныхъ туалетахъ, залитыя бриллiантами, всѣ эти шикарные петербуржцы, неужели они безъ сердца, безъ чести, безъ совѣсти? И что могъ совершить такого позорнаго этотъ скромный, застѣнчивый юноша? Вѣдь онъ не могъ быть ни убійцей, ни воромъ... а какое же есть еще болѣе страшное преступленіе? И почему они оба въ первый же день разсказали мнѣ все это? Какъ ярко горѣли огни, какъ упоителенъ былъ воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ, какъ сладко билось сердце подъ стрѣлами восторженныхъ взглядовъ, восторженныхъ словъ! И вдругъ... огни погасли... ароматъ смѣнился зловоніемъ... а восторженные взгляды и слова злой насмѣшкой... Вѣдь это все „петербуржцы". Они лгутъ, лукавятъ, они злословятъ за вашей спиной... Всѣ они чего-то ищутъ... всѣмъ имъ чего-то надо... Кругомъ борьба... кто кого обманетъ... Призъ за ложь... Самый удачный лжецъ получаетъ первый призъ, онъ — побѣдитель! И женщины не отстаютъ отъ мужчинъ... Что же это? Что?

Она въ отчаяніи заломила руки.

— Меня ужс прозвали „чудачкой", потому что „имъ" кажется, что я слишкомъ проста, наивна и честна! И графъ Грегоровъ тоже слыветъ „чудакомъ", потому что онъ не хочетъ лгать и пресмыкаться передъ сильными... Ахъ, побольше-бы „чудаковъ". Лучше-бы весь міръ былъ полонъ ими!...

Столько новыхъ лицъ видѣла она сегодня, но только двое рельефно запечатлѣлись: графъ Грегоровъ и Липарскій... Эти два образа теперь стояли передъ нею, напрашиваясь на сравненіе. И Муся мысленно любовалась изящной красотой графа Грегорова, гордымъ блескомъ его зеленыхъ глазъ, всей его благородной утонченностью... И любовалась рослымъ богатыремъ Липарскимъ съ нѣжноголубыми глазами, то робкими, то вдругъ загоравшимися тысячью огней... Но огорченное сердце ея для обоихъ би-

лось одинаково ровно... Ни одному не отдавало предпочтенія.

Блѣдный разсвѣтъ прорывался въ окна. Продрогшая Муся сбросила туфельки и юркнула въ мягкую постель подъ шелковое розовое одѣяло... Усталость какъ-то сразу дала себя почувствовать... Тяжелыя вѣки смыкались... Муся перекрестилась слабѣющей рукой и почти мгновенно заснула.

И снился ей блестящій залъ, полный нарядныхъ гостей. Ей снились благоухающія розы... Ей слышались то веселые, то тоскливые звуки оркестра. И среди суеты и шума мелькали передъ нею двѣ пары глазъ: ярко-зеленые и блѣдно-голубые... И слышались ей чьи-то громкіе голоса и чей-то холодный смѣхъ.

— Ложь, все это ложь! Всѣ лгутъ! — звенѣлъ, выдѣляясь изъ общаго гама, какой-то знакомый голосъ.

— Чудаки! Мы — чудаки! Жалкіе чудаки! — присоединялся къ нему другой, тоже какъ будто знакомый, голосъ.

Но вотъ надъ шумной толпою поднялся кто-то высокій и свѣтлый, какъ солнечный лучъ.

— Отецъ! — крикнула Муся, потрясенная до глубины души, простирая къ видѣнію руки.

И дорогой голосъ такъ ясно прозвучалъ у самаго ея уха:

— Ты будешь счастлива, Муся, дорогое мое дитя, дитя моего сердца... Справедливый Богъ не можетъ быть жестокимъ... Ты будешь счастлива... Но оставайся такою же, всегда оставайся такою: честной, доброй, всепрощающей, трудолюбивой.

Слезы радости брызнули изъ глазъ Муси и она проснулась... У самой ея кровати стояла Долли Евграфовна... Блѣдные лучи солнца освѣщали ея лицо.. Какой она казалась старой и больной!

— Мама, — прошептала молодая дѣвушка, все еще вслухъ.

— Я заглянула въ твою комнату, я любовалась твоимъ сномъ. Ты спала такъ крѣпко, Муся... А потомъ ты вдругъ расплакалась. И я поспѣшила тебя разбудить... Ты видѣла дурной сонъ?

— Странный сонъ, мама, сумбурный, — но я плакала отъ счастья.

— Отъ счастья? — болѣзненно нахмурилась Долли Евграфовна и дрогнувшимъ голосомъ добавила:

— Разскажи мнѣ твой сонъ, Муся.

— Такъ трудно его разсказать... Сумбуръ... Вчерашній балъ... огни... розы... музыка... наряды, гости... И всѣ кричали, заглушая другъ друга... но два голоса... раздавались громче остальныхъ... Одинъ кричалъ, что все ложь, что всѣ лгутъ, а другой, что мы всѣ — „чудаки"... Видишь, какая чушь, мама? А потомъ надъ толпою выросъ папа, большой и свѣтлый, дорогой призракъ! И я уже не слышала изступленныхъ криковъ, только „его" родной голосъ звучалъ въ моихъ ушахъ и въ моемъ сердцѣ... Онъ обѣщалъ мнѣ счастье и молилъ оставаться такою, какою онъ зналъ меня.

— Ты развѣ успѣла измѣниться за эти дни? — подозрительно спросила Долли Евграфовна.

— Да, мама... Вчера я измѣнилась... меня очаровали красивый нарядъ, веселье, огни, розы, твои шикарные гости, ихъ похвалы, комплименты, ихъ восторженные взгляды. И мнѣ казалось, что шумный водоворотъ петербургской жизни затягиваетъ меня.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что папа предостерегаетъ меня... Мой дорогой папа, онъ и „оттуда" заботится обо мнѣ... Онъ проситъ меня, чтобы я оставалась честной, доброй, всепрощающей и трудолюбивой. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкла трудиться, все хозяйство было на моихъ рукахъ, и у меня было такъ много заботъ. А теперь я ничего не дѣлаю, совсѣмъ ничего... И мнѣ стыдно, мама... Позволь мнѣ заботиться о твоемъ хозяйствѣ, я хочу быть тебѣ полезна.

Долли Евграфовна опустилась въ кресло у кровати дочери. Бѣлый пеньюаръ и небрежная прическа подчеркивали ея „помятый" видъ... Безъ притиранiй, косметики и массажа лицо баронессы выглядѣло старѣе, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ... Съ усмѣшкой выслушала она горячую просьбу дочери.

— Какимъ хозяйствомъ ты можешь у меня заниматься,

Муся? Такая масса прислуги въ моемъ домѣ и средства мои позволяютъ мнѣ не думать о мѣщанской экономіи... Домъ мой поставленъ хорошо и твое вмѣшательство можетъ принести только вредъ... Если ты скучаешь, займись тѣмъ, чѣмъ занимаются молодыя дѣвушки въ твоемъ положеніи... Вышивай, рисуй, играй на роялѣ, пой, наконецъ... Начни брать уроки пѣнія или танцевъ, и то и другое модно и всегда помогаетъ составить хорошую партію... А хозяйство — это глупость... И твоя мать и твой будущій мужъ сумѣютъ тебѣ дать возможность не заниматься хозяйствомъ.

Бархатные глаза молодой дѣвушки расширились въ безконечномъ удивленіи.

— Какой будущій мужъ, мама? Что ты говоришь?

— Ну, да, конечно... Вѣдь не останешься же ты старой дѣвой?!.. Ты молода, красива... и надо думать о бубущемъ. Вчера ты видѣла такую массу блестящихъ кавалеровъ... Есть изъ чего выбрать... Напримѣръ, баронъ Тизенъ... Блестящій офицеръ, богатъ, красивъ. Или Молотовъ... Онъ грубоватъ немного, но зато у него милліоны... И эти оба, насколько я могла замѣтить, вчера были къ тебѣ благосклонны... Даже ухаживали за тобой.

— Ты шутишь, мама? — все еще недоумѣвая, спросила молодая дѣвушка.

— Нисколько. Или другіе тебѣ понравились больше, чѣмъ эти? Можетъ быть, графъ Грегоровъ, этотъ интересный „чудакъ"?.. Онъ богатъ и знатенъ, но женить его довольно трудно. Первая жена его обманула и, ожегшись на молокѣ, онъ теперь и на воду дуетъ. И притомъ онъ увлекается красивой артисткой, Сюзанной Мельвиль, и, кажется, серьезно. Этого, душа моя, трудно скрутить.

Муся съ ужасомъ вслушивалась въ слова матери, но баронесса увлеклась и не замѣтила впечатлѣнія, которое производили ея рѣчи на ея юную дочь. Вдругъ злая усмѣшка пробѣжала по лицу баронессы и она колко спросила:

— Или, можетъ быть, тебѣ понравился Липарскій своимъ громаднымъ ростомъ и телячьими глазами?.. Вотъ ужъ этого я тебѣ не могу рекомендовать. Глупъ, пошлъ, себѣ на умѣ и голъ, какъ соколъ.

Послѣднія слова Долли Евграфовны были пропитаны жестокимъ ядомъ.

Муся покраснѣла.

— Никто мнѣ не нравится и я не думаю о женихахъ, мама.

И, опуская глаза, она робко спросила:

— А Липарскій... Что такое ужасное онъ совершилъ?

— Я тебѣ, кажется, сдѣлала достаточную характеристику этого господина.

— Не то... Онъ мнѣ вчера признался...

— Въ любви?

— О, что ты, мама! Я едва его знаю!

Эта искренняя фраза немного успокоила баронессу.

— Такъ въ чемъ же онъ тебѣ признался, Муся?

— Онъ сказалъ мнѣ, что онъ очень плохой человѣкъ, что онъ совершилъ что-то ужасное, спасаясь отъ нищеты... Что это ужасное наложило на него вѣчное клеймо... И онъ уже не можетъ думать о честной жизни... Можетъ быть, ты знаешь, мама?

Молодая дѣвушка умолкла, случайно взглянувъ на мать. Багровыя пятна то вспыхивали, то гасли на лицѣ баронессы, въ темныхъ глазахъ ея отражалась, тѣсно сплетаясь, и злоба, и мука.

— Что же ты? Продолжай, — сдавленнымъ тономъ проговорила она.

— Я вижу, что онъ дѣйствительно совершилъ что-то ужасное, — пролепетала Муся. — Я лучше не буду спрашивать... Не все-ли мнѣ равно?

Баронесса поднялась.

— Можетъ быть, мнѣ когда-нибудь придется сказать тебѣ правду о господинѣ Липарскомъ, но эта правда будетъ для тебя еще болѣе ужасна, чѣмъ для него! — зловѣщимъ голосомъ отчеканила Долли Евграфовна. — И потому... остерегайся этого человѣка... въ немъ твоя гибель, гибель нашей только что возродившейся любви. Бѣги отъ него, какъ отъ самаго страшнаго несчастія.

И, смѣривъ свою дочь страннымъ взглядомъ, въ которомъ не было границы между любовью и ненавистью, она быстрыми шагами покинула комнату.

Муся медленно поднялась, сжимая обѣими руками го-

рѣвшую голову. Какъ все странно вокругъ. Всѣ говорятъ загадками, не договариваютъ. И мама сегодня какая-то странная... Какъ будто сразу постарѣла...

И почему она съ такой злобой говорила объ этомъ несчастномъ Липарскомъ? Муся начинала жалѣть робкаго, красиваго человѣка, котораго всѣ бичевали, и который самъ себя бичевалъ. Развѣ спросить его? Вырвать у него эту ужасную правду?

Но вѣдь мать ей сказала, что она должна избѣгать его, какъ несчастія. Мать сказала, что тайна его преступленія ужаснѣе для нея, Муси, чѣмъ для самого Липарскаго, что эта тайна можетъ убить любовь къ ней ея матери.

— Ужасно! Какъ разобраться во всемъ этомъ? Если-бъ папа былъ живъ, онъ помогъ-бы... Но его нѣтъ и никогда уже не будетъ.

Отецъ называлъ ее умницей, золотой головкой... Но теперь она видитъ, что она очень, очень глупа... Первая жизненная загадка, — и она становится втупикъ.

Что дѣлать? Или спросить Липарскаго, чтобы знать, наконецъ, правду, или... или не думать, вовсе не думать обо всемъ этомъ? Но какъ же не думать, когда теперь все существо ея полно этой загадкой?

А Долли Евграфовна быстрыми шагами прошла въ свои комнаты... Тамъ ее уже подстерегала вѣрная Марфа Ивановна.

— Что случилось, баронесса? На васъ лица нѣтъ.

Долли Евграфовна бросилась на свою царственную постель.

— Проклятье надо мной, старуха! — глухо простонала она. — Вчера я выгнала своего любовника, потому что онъ дерзнулъ поднять глаза на мою дочь. Я выгнала его, но каждую минуту я готова позвать его обратно. Шесть лѣтъ, старуха. Я привыкла къ нему, ка́къ нищій привыкаетъ къ своей сумѣ... Я не могу обойтись безъ него... Вмѣстѣ съ нимъ уйдетъ красота, молодость, а для меня это все равно, что жизнь.

— Онъ вамъ чужой, онъ доказалъ вамъ и свою неблагодарность... Ваша дочь вамъ ближе, — сурово и твердо проговорила Марфа Ивановна.

— Я борюсь съ собой, старуха, и ты видишь, я уже теряю силы... Я сознаю, гдѣ правда... Но я боюсь, что мое сердце и моя кровь будутъ сильнѣе моей головы.

— Господь сохранитъ васъ отъ этого.

— Господь давно уже отвернулся отъ меня, съ тѣхъ поръ, какъ я Его забыла... Неужели настаъ часъ расплаты? Человѣкъ, которому я разбила жизнь, вскормилъ дитя нашей любви, и это дитя явилось посланницей его загробной мести.

XX

СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ

— Что это значитъ, Сюзанна? — спросилъ графъ Грегоровъ, когда, наконецъ, они вдвоемъ ѣхали домой въ его автомобилѣ.

Сюзанна пожала плечами.

— Что это значитъ? — въ свою очередь спросила она. — Ты, кажется, начинаешь меня ревновать, Мими... Смотри, это плохая шутка!

— Я не говорю о ревности, — сердито сдвинулъ онъ брови, — но твое поведеніе возмущаетъ меня... Я вошелъ неожиданно въ гостиную... Ты держала его руку въ своихъ рукахъ, твоя поза — была позой вакханки. Дальше еще хуже. За ужиномъ ты чуть не ложилась ему на плечо. Всѣ обращали на васъ вниманіе. А, между тѣмъ, всѣ знаютъ, что я твой любовникъ. Ты ставила меня въ смѣшное положеніе. А вся эта исторія съ узелками? Значитъ, если-бы онъ вытащилъ узелокъ, ты поѣхала бы съ нимъ, а не со мной? Когда ты прощалась, зачѣмъ ты задержала его руку въ своей рукѣ? И что это за вызывающій взглядъ, которымъ ты его подарила?

Сюзанна разсмѣялась.

— Можно подумать, слушая тебя, что ты мой законный супругъ. Что за безумныя требованія предъявляешь ты къ легкомысленной женщинѣ и фарсовой артисткѣ? Или я тебѣ давала какія-нибудь обязательства?

— Я думаю, что наши близкія отношенія даютъ мнѣ нѣкоторыя права и...

— Постой... Ты прочелъ мнѣ цѣлый монологъ, усѣянный упреками, и позволь мнѣ отвѣтить тебѣ по пунктамъ. Когда ты вошелъ въ гостиную, я держала руку графа Алексиса въ своихъ рукахъ потому, что я гадала ему. Поза моя не была поза вакханки, а только позой женщины, которая видитъ, что нравится. Когда ты вошелъ, я не испугалась, не вздрогнула, не измѣнила своей позы... значитъ, ничего дурного не было. И, наконецъ, я знала, что ты придешь, потому что ты обѣщалъ, что скоро вернешься. Я уже тебѣ не дѣлаю сценъ по поводу твоихъ ухаживаній за глупой дѣвчонкой!

— Потому что никакого ухаживанія нѣтъ, я только старался предупредить бѣдняжку...

— Знаемъ мы эти „предупрежденія“ и этихъ „бѣдняжекъ“! Но я не думаю устраивать сцены, я слишкомъ себя цѣню! Перехожу ко второму пункту... За ужиномъ я вела себя вполнѣ прилично, и это уже придирка. А еслибы я и дѣйствительно ложилась на плечо графа Маркова, то некому было обращать на это вниманіе и некому было смѣяться надъ тобой, такъ какъ каждый былъ занятъ самимъ собою.

— Еще бы! Пожалуй, ты и права... Въ этомъ „гостепріимномъ“ домѣ за ужиномъ шла полная вакханалія... Вообще, это твое знакомство мнѣ совсѣмъ не нравится...

— Я съ удовольствіемъ откажусь отъ него, когда ты меня введешь въ лучшіе салоны, — язвительно бросила она.

— Ты знаешь, что это невозможно...

— Знаю. И ставлю тебѣ это на видъ... Отъ твоей законной супруги тебѣ приходилось требовать меньше, чѣмъ ты требуешь отъ меня...

— Перестань, Сюзанна... Я же тебя просилъ...

— Ну да, знаю, ты меня просилъ не упоминать священнаго имени бывшей супруги, не прикасаться къ незажившимъ еще ранамъ. Память у меня великолѣпная. Но ты меня вынуждаешь игнорировать твою просьбу. На безцеремонность я отвѣчаю безцеремонностью. Я не понимаю, чего ты отъ меня требуешь? Ты мнѣ понравился. Свободная женщина, я тебя дарю свободной любовью. Никакихъ иныхъ правъ у тебя нѣтъ. И неужели ты не

знаешь, что права пріобрѣтаются не словами и поцѣлуями, а что нужно „нѣчто“ болѣе серьезное. Пожалуйста, не подумай, что въ моихъ словахъ кроются претензіи. Я просто стараюсь тебѣ выяснить наши отношенія и всю нелѣпость твоихъ укоровъ. Мы оба свободны. Поцѣлуи и безумныя ласки, которыми мы обмѣниваемся, — вѣдь это не цѣпи. И каждый изъ насъ можетъ повернуть спину другому, когда это ему вздумается. Что же касается „узелка“, „продолжительнаго“ пожатія и „вызывающихъ“ взглядовъ, такъ это все... пустяки... И это ужъ совсѣмъ не причина даже для самой кратковременной ссоры... Мими, — твою руку!

Грегоровъ прижалъ къ губамъ потянувшуюся къ нему ручку, и этотъ поцѣлуй болѣзненно-сладко отозвался въ его сердцѣ.

— Если бы ты знала, какъ мнѣ не хочется разставаться съ тобою сегодня, — страстно проговорилъ онъ. — А между тѣмъ, твой домъ уже совсѣмъ близко.

— Что подѣлаешь? Это одно изъ неудобствъ „свободной“ любви. Впрочемъ, „удобствъ“, кажется, гораздо больше, въ особенности для „непрекраснаго“ пола.

— Не шути, Сюзанна... Если бы ты знала, какъ я жажду сейчасъ твоихъ ласкъ... Я жажду подтвержденія, что ты моя... Заѣдемъ ко мнѣ... Опять въ моемъ кабинетѣ... мы будемъ пить чай... и я буду говорить тебѣ о своей любви.

— И будешь меня цѣловать и ласкать, — въ тонъ ему проговорила Сюзанна и со смѣхомъ добавила: — а я предпочитаю эту идиллію отложить до другого раза. Мнѣ совсѣмъ не интересны косые взгляды швейцара, моей прислуги и... маленькаго влюбленнаго музыканта!... Вотъ мы и пріѣхали...

— Ты безпощадна, Сюзанна...

— Свободная любовь, Мими!

Шофферъ уже распахнулъ дверцу автомобиля, и графъ Грегоровъ, спрыгнувъ на тротуаръ, помогалъ своей дамѣ сойти.

— Когда же я тебя увижу?

— Сейчасъ это трудно рѣшить. Буду спать, потомъ

репетиція, потомъ спектакль... Мы сговоримся по телефону.

— Не могу ли я заѣхать послѣ репетиціи на минуту?

— Я не знаю, когда именно она кончится.

— Я могу справиться по телефону въ театрѣ.

— Это будетъ похоже на сыскъ и ничего не будетъ имѣть общаго со свободной любовью... Я тебѣ протелефонирую, и, если ты будешь дома, мы сговоримся...

— Я буду дома, я буду ждать.

— Тѣмъ лучше.

— Или ты ждешь визита моего друга, графа Маркова, и потому держишь меня на разстояніи? — подозрительно спросилъ онъ.

— Опять сыскъ? — расхохоталась Сюзанна. — Мы, кажется, сговаривались при тебѣ... Графъ Марковъ будетъ у меня, конечно, но когда именно, — я не знаю... До скораго свиданія, Мими...

Она проскользнула въ парадную дверь и черезъ стекло послала графу воздушный поцѣлуй.

Дверь въ квартиру Сюзанны открыла горничная, но за ея спиной уже виднѣлась большая курчавая голова Лазаря и его блѣдное лицо, и горящіе глаза съ красными вѣками.

— Хорошій, вѣрно, былъ балъ, Сюзанночка, если ты досидѣла до шести утра?! — раздался его тоненькій ослабленный голосокъ.

Но Сюзанна была въ слишкомъ веселомъ настроеніи, она не могла сердиться.

— Гороховое чучело! — крикнула она со смѣхомъ. — Вмѣсто того, чтобы ворчать, ты бы лучше помогъ мнѣ раздѣться. Я тебѣ разрѣшаю входъ въ мою комнату.

Сюзанна была такъ довольна, ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими побѣдами. И, расчесывая бѣлокурые волны волосъ и любуясь собою въ зеркало, она безъ умолку говорила:

— Я его согну въ бараній рогъ, этого графчика! Сегодня я нашла ему хорошее „пугало“. Теперь, разъ онъ началъ ревновать, — дѣло мое въ шляпѣ: я буду графиней Грегоровой.

— Ну, и что же будетъ дальше? — тоскливо спросилъ Лазарь.

Сейчасъ, сидя на низенькомъ пуфикѣ, онъ казался маленькимъ, пригнувшимся къ землѣ грибкомъ. Сюзанна черезъ плечо взглянула на него и расхохоталась.

— Фу, какой ты комичный, Лазарь!

— Тебѣ всегда смѣшно, когда мнѣ больно, — обидѣлся онъ.

— Тебѣ всегда больно, а мнѣ не всегда смѣшно! — сострила она. — И что я могу съ тобой подѣлать? Когда я съ тобой дѣлюсь моими успѣхами, ты не реагируешь на мою радость, напротивъ, ты только стонешь.

— Я долженъ тебѣ напомнить, Сюзанночка, что у тебя и прежде было много плановъ, и я былъ свидѣтелемъ столькихъ твоихъ неудачъ... Я не хочу впередъ много смѣяться, чтобы потомъ не пришлось много плакать.

— Глупый ворчунъ!

— Нѣтъ, Сюзанночка, я единственный тебѣ преданный человѣкъ и за твое счастье отдамъ свою жизнь. Въ концѣ-концовъ, ты сама перестанешь вѣрить въ свои планы, и, разочарованная, разбитая, ты обратишься ко мнѣ. Тогда я найду способы тебѣ помочь, возвеличить тебя, дать тебѣ новое счастье. Во тьмѣ, какъ слѣпая, ты чего-то ищешь и не видишь той силы, которая передъ тобою и которая можетъ...

— Молчи! И убирайся! Ты мнѣ надоѣлъ! — разомъ прервала его Сюзанна. — Уже утро и я хочу спать!

И, когда Лазарь покорно ей повиновался, посылая ей всевозможныя пожеланія своей любви, она вздохнула свободнѣе.

— Противный человѣкъ! И, кажется, придется прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ него, — прошептала Сюзанна.

Лежа въ постели, она съ удовольствіемъ думала о минувшемъ вечерѣ. Судьба шла ей навстрѣчу, пославъ ей Маркова. Надо позаботиться, чтобы онъ какъ можно скорѣе побывалъ у нея съ визитомъ. Сюзанна рѣшила, какъ только проснется, ему телефонировать. Куй желѣзо, пока горячо.

Теперь она уже гораздо хладнокровнѣе думала о Грегоровѣ. Страсть побѣдила въ ней разсудокъ, и она сдѣлала крупную ошибку. Но теперь страсть уже потеряла

свою первую остроту и надо пользоваться создавшимся положенiемъ.

— Еще вчера мнѣ казалось, что я люблю Мими... а теперь я не знаю... люблю ли я его? Вѣрнѣе, я люблю его какъ средство будущаго счастья... А если мой планъ удастся и я буду его женой? Тогда? Что будетъ тогда? Ахъ, жизнь дала мнѣ такую массу впечатлѣнiй, и нервы мои притуплены. Нужно что-нибудь особенное, чтобы ихъ отточить. Брачная жизнь не можетъ быть чѣмъ-нибудь особеннымъ. Но годы идутъ, и пора уже быть благоразумной. Мнѣ необходима борьба. Когда я стану графиней Грегоровой, мнѣ придется вести борьбу съ высшимъ свѣтомъ и я должна его побѣдить.

И, вся во власти тщеславныхъ мечтанiй, Сюзанна сладко заснула.

XXI

УЗЕЛЪ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Баронесса фонъ-Саксъ сидѣла у своего бѣлаго письменнаго столика, отдѣланнаго перламутромъ и бронзой. Кончикъ золотой ручки она грызла зубами, а лѣвой рукой теребила изящный свѣтло-сиреневый листокъ почтовой бумаги. На полу уже валялись клочки нѣсколькихъ другихъ разорванныхъ листовъ. Очевидно, Долли Евгр.фовна не могла справиться со своими мыслями, не могла написать то, что слѣдовало.

Но вотъ она нервно схватила брошенную было ручку, и перо заскрипѣло по бумагѣ.

„Приходи, Максъ, мнѣ нужно тебя видѣть. Долли.“

— Да, самое лучшее такъ, — прошептала баронесса. — На это короткое и ясное посланiе онъ скорѣй отзовется. Непокорный упрямецъ... Если онъ не смирится, наказанiе будетъ болѣе чувствительно. Теперь онъ пользуется моею добротою. Но я ему покажу когти... если онъ не смирится.

И, снова схвативъ перо, она добавила на запискѣ:

„P. S. Приходи немедленно. Я жду.“

Баронесса велѣла позвать лакея Петра и приказала ему свезти письмо и обязательно доставить ей отвѣтъ.

Въ ожиданіи баронесса бродила по комнатамъ, и обрывки всевозможныхъ мыслей тѣснились въ ея головѣ.

Мусю эти нѣсколько дней она почти не видѣла. Дѣвочка раздражала ее и своею красотою, и своею свѣжестью. А главное, баронессу бѣсило то чувство, которое Муся такъ сразу возбудила въ Липарскомъ. Это чувство баронесса въ глубинѣ души называла „дурью", но все-таки оно ее безпокоило и причиняло немало страданій — и вся эта исторія открыла ей глаза на ея собственное сердце. Теперь она уже не могла искренно сказать Максу:

— Я не люблю тебя, мнѣ нужна только твоя страсть.

Теперь она знала, что любитъ его, любитъ послѣдней осенней любовью, жгучей, какъ полуденное солнце, болѣзненной, какъ укусъ осенней мухи.

„Надо Мусю выдать замужъ, и опять все пойдетъ по старому," — думала она.

Но какъ выдать? За кого? Вѣдь на это нужно время, усилія. Въ Петербургѣ люди совсѣмъ не такъ часто встрѣчаются, какъ въ провинціи. Завтра ея пріемный день, и всѣ эти господа заѣдутъ съ визитами. Но этого недостаточно. Надо ихъ приглашать на обѣды, ужины, въ ложи и т. д. На все это нужно время, а главное — спокойное состояніе духа.

— Ахъ, Боже мой, — тяжко вздохнула баронесса, — и посланы же мнѣ новыя заботы. Жила я безъ дочери и не думала о ней. Надо же ей было свалиться, какъ снѣгъ на голову.

При полученіи письма и при первомъ свиданіи эгоистическое сердце вдругъ забилось новой материнской любовью, но эта любовь еще не успѣла разгорѣться, какъ ее погасило чувство ревности.

— Она моя дочь, но она скорѣй мнѣ чужая, чѣмъ мой Максъ. Съ нимъ меня связываютъ шесть лѣтъ любви... А „она"? Обратилась ко мнѣ въ тяжелую минуту, въ поискахъ матеріальной поддержки. Всѣ эти годы она ни разу не написала своей матери. И, кто знаетъ, если бы я валялась въ нищетѣ, побѣжденная жизнью, пришла ли бы она ко мнѣ? Думаю, что нѣтъ! Такъ ради нея развѣ

я должна жертвовать своей послѣдней любовью? И „она" въ первыя минуты показалась мнѣ такой чистой, нетронутымъ ребенкомъ. Она такъ трогательно говорила о своей дочерней любви, такъ умѣло мнѣ льстила, что даже я была введена въ заблужденіе. Но она скоро выпустила свои остро отточенные коготки... и вонзила ихъ въ мое сердце... Она только притворяется наивной...

Тяжело дыша, баронесса облокотилась на подоконникъ.

— Что же онъ не ѣдетъ съ отвѣтомъ? Впрочемъ, кажется, еще и пяти минутъ не прошло. Я слишкомъ нетерпѣлива. Не летаетъ же онъ!

Она криво усмѣхнулась собственной неудачной остротѣ.

— Ну, еще бы... конечно, онъ не летаетъ, — машинально повторила она, и снова забѣгала по комнатѣ.

Новая мысль, какъ казалось ей, счастливая, промелькнула въ ея головѣ.

— Надо Мусю куда-нибудь отправить! Чему-нибудь учить или просто путешествовать. Денегъ мнѣ не жаль. Если это вернетъ мнѣ спокойствіе и любовь Макса, я готова платить и платить. Денегъ съ собой въ могилу не унесешь...

Пока баронесса металась въ ожиданіи Макса и рѣшала судьбу дочери, Муся въ маленькой гостиной „электрикъ", въ которой она впервые встрѣтилась съ Максомъ, вышивала гладью платочекъ и думала невеселую думу.

За эти нѣсколько дней ей столько приходилось думать, прямо безъ конца. Странная загадка, которую задала ей жизнь, больно стучалась въ ея виски. Образъ Макса неотступно стоялъ передъ нею.

— Что онъ могъ совершить такого ужаснаго, этотъ богатырь съ грустными, растерянными голубыми глазами? Что могъ совершить? Какое преступленіе? Или онъ воръ? Или онъ убійца? И почему я, именно я должна страшиться этого преступленія? Почему оно связано именно со мной, тогда какъ до сихъ поръ я не знала этого человѣка, даже не слышала о немъ? Почему? Почему?

И это „почему", какъ молотокъ, стучало ей въ голову. А отвѣта все не было. Загадка оставалась загадкой.

Погруженная въ думы, она не слышала звонка, не слы-

шала шелеста шаговъ, заглушенныхъ коврами, не слышала легкаго скрипа отворившихся дверей.

— Марія Николаевна!

Только тогда подняла она золотистую головку. Тотъ, о комъ она думала, стоялъ передъ нею. Лицо его было блѣдно, глаза, устремленные на нее, горѣли восторгомъ.

— Марія Николаевна!

Затаенная мука слышалась въ его голосѣ. И она сама не знала, почему краска заливаетъ ея щеки, ея лицо до самыхъ корней волосъ, до слезъ.

— Максимъ Сергѣевичъ, здравствуйте, — тихо проговорила она, протягивая ему руку. И голосъ ея въ ея собственныхъ ушахъ прозвучалъ какимъ-то чужимъ, далекимъ. Большія горячія руки овладѣли ея маленькой дрожавшей рукой... и незнакомый ей доселѣ трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

— Всѣ эти дни, всѣ эти ночи я думалъ только о васъ, Марія Николаевна. Какъ грозный ангелъ, явились вы въ моей жизни, чтобы наказать меня за все то, что я совершилъ гнуснаго въ своей жизни.

— Ахъ! — вздохнула молодая дѣвушка, и этотъ легкій вздохъ пронесся какъ шелестъ вѣтра. — Скажите же мнѣ, скажите, какое вы совершили преступленіе... и скажите мнѣ, почему я должна его страшиться и что общаго имѣетъ оно со мной?

Его руки опустились, какъ плети, и, дрожащій отъ ужаса, онъ отступилъ отъ нея.

— Кто осмѣлился сказать вамъ это, Марія Николаевна? — побѣлѣвшими губами прошепталъ онъ.

— Моя мать, — просто и искренно отвѣтила молодая дѣвушка. — И она показалась мнѣ такой странной, когда говорила мнѣ это. Ея глаза враждебно смотрѣли на меня, и ея голосъ звучалъ язвительно и сурово. И съ тѣхъ поръ я вижу ее очень рѣдко, и она уже не та, какою была первые дни.

Муся была рада, что она можетъ высказать все, что ее волнуетъ, человѣку, которому почему-то довѣряла съ перваго взгляда.

— Она стала совсѣмъ другою, моя мать, какъ будто сразу постарѣла, осунулась. И въ тѣ рѣдкія минуты, что

я ее вижу, словно между нами стоитъ что-то недоговоренное, какой-то невидимый злобный призракъ... И цѣлуетъ она меня словно черезъ силу, пронизывая враждебнымъ, злымъ взглядомъ. Я принесла этому дому какую-то несчастливую перемѣну. Здѣсь было такъ весело и радостно, такъ нарядно, когда я сюда пришла. Мама была такая ласковая, веселая, радостная, моложавая и нарядная. А теперь? Мнѣ страшно, Максимъ Сергѣевичъ... Я ничего не понимаю... Какая-то загадка душитъ меня...

Онъ молчалъ, и лицо его подергивалось, словно онъ жестоко боролся съ собою.

— И вы были бы довольны и счастливы, — наконецъ заговорилъ онъ глухимъ голосомъ, — если-бы все прежнее вернулось... опять заиграла бы веселая музыка въ этомъ домѣ, засуетились бы гости, сама баронесса снова стала бы радостной и ласковой... Да... вы этого хотѣли бы, Марія Николаевна?

— Возможно ли это? — грустно спросила она.

— Все возможно, если вы хотите! Дайте мнѣ силу однимъ вашимъ ласковымъ взглядомъ, однимъ вашимъ „хочу“, — и все будетъ такъ, какъ было, все вернется.

Нѣжная улыбка надежды мелькнула по губамъ молодой дѣвушки.

— Ну, конечно же, я хочу, чтобы все было попрежнему... радостно, весело, беззаботно.

Закрывая лицо руками, онъ отступилъ отъ нея въ глубину комнаты.

— Тяжелую жертву я приношу вамъ, Марія Николаевна, но я сдержу свое слово... Вы сказали „хочу“, и этого для меня довольно... Но, когда я буду изнемогать въ борьбѣ съ самимъ собою, я приду къ вамъ и скажу: „Дайте мнѣ новую силу, однимъ вашимъ ласковымъ взглядомъ, новымъ приказаніемъ, новымъ „хочу“... Обѣщайте мнѣ это... и дайте мнѣ руку... еще одинъ разъ... добровольно...

Муся вслушивалась въ рѣчи Липарскаго и не понимала ихъ, онѣ ей казались бредомъ... Но машинально она протянула ему руку. И губами, сухими и жаркими, какъ пламя, онъ прижался къ ея рукѣ.

— Все вернется, клянусь вамъ, что все вернется, — прошепталъ онъ, выбѣгая изъ гостиной.

Муся осталась одна, недоумѣвающая, подавленная. Загадка осталась загадкой. Узелъ, который она пыталась развязать, затянулся еще туже. Туманъ, заволакивавшій ея молодую жизнь, сгустился. Впечатлѣнія были слишкомъ сильны для ея нетронутаго, чистаго сердца.

Куда онъ пошелъ и что онъ сдѣлаетъ, чтобы вернуть дому ея матери „прежнее"?!

— Лучше бы я мыкалась по свѣту въ поискахъ работы и куска хлѣба, чѣмъ то, что я теперь переживаю. Не уйти ли? Собрать свои старыя вещи, увезенныя изъ отцовскаго дома, сложить ихъ въ старенькую корзиночку и двинуться въ путь... потихоньку... чтобы никто не зналъ.

Молодая дѣвушка рванулась, отбрасывая работу.

— Но куда я пойду? Вѣдь надо же гдѣ-нибудь переночевать? Неужели у меня и на ночлегъ не хватитъ денегъ?

Муся вынула портмонэ и раскрыла его, пересчитывая деньги. Самой себѣ стыдно сознаться... три рубля восемьдесятъ пять копеекъ. Съ этимъ далеко не уйдешь.

Сказать мамѣ, чтобы ее куда-нибудь отправили... нашли ей мѣсто? Да, надо объ этомъ хорошенько подумать.

Муся аккуратно сложила брошенную работу и прошла въ свои комнаты. Тамъ все-таки, въ одиночествѣ и тиши, среди красиваго комфорта, она лучше себя чувствуетъ.

Въ своей комнатѣ Муся застала Марфу Ивановну, старательно перетиравшую фарфоровыя бездѣлушки. Къ этой старухѣ еще сохранилось довѣріе въ сердцѣ молодой дѣвушки. Каріе глаза Марфы Ивановны попрежнему смотрѣли на нее ласково и любовно.

— Что вы такая блѣдненькая, дорогая Марія Николаевна?

— Нездоровится мнѣ, Марфа Ивановна... Какъ-то не по себѣ... И вообще у васъ въ домѣ какъ-то стало скучно, что-то перемѣнилось. Можетъ быть, вы мнѣ скажете, Марфа Ивановна, почему мама стала „такая"?

XXII

ПРИМИРЕНІЕ

Марфа Ивановна потупилась. Она не ждала этого вопроса, не подготовилась и не знала, какъ ей быть. Ея правдивая натура была противъ всякой лжи, но тутъ она не могла сказать всю правду. Да, наконецъ, невинная душа и не сумѣла бы разобраться въ окружающей ее грязи.

— Что же вы молчите, Марфа Ивановна? — тревожно продолжала Муся. — Или это что-то такъ ужасно, что вы не можете сказать? Во мнѣ найдется мужество, чтобы перенести всякую невзгоду. Жизнь съ малыхъ лѣтъ пріучила меня молча терпѣть, покоряться несправедливости и втихомолку бороться, отстаивая дорогія существа... Говорите мнѣ все прямо и смѣло, Марфа Ивановна. Можетъ быть, пошатнулись денежныя дѣла моей матери? Можетъ быть, я теперь ей въ тягость и она стѣсняется мнѣ сказать объ этомъ?

Молодая дѣвушка говорила наугадъ, но сама чувствовала, что это ея предположеніе меньше всего подходитъ къ истинѣ. И Марфа Ивановна подтвердила ей это.

— Дѣла баронессы такъ блестящи, что она могла бы взять къ себѣ еще трехъ дочерей и каждую изъ нихъ наградить приданымъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я теряюсь. Загадка слишкомъ мучительна. Я думаю о ней и день и ночь. Я боюсь сойти съ ума.

Марфа Ивановна ласково положила костлявую старческую руку на горѣвшую, какъ въ огнѣ, золотистую головку.

— Успокойтесь, Марія Николаевна. Вѣрите ли вы мнѣ, что я отношусь къ вамъ съ самой искренней любовью?

— Только вамъ я теперь и вѣрю! — вырвалось у Муси.

— Ваше сердце вамъ подсказываетъ правду. И еще разъ повторю: успокойтесь, Марія Николаевна. Тучи сгустились надъ вашей головой, но подуетъ благодѣтельный вѣтеръ и небо снова прояснится.

— Загадки, опять загадки! — простонала молодая дѣвушка.

— Правды я не могу вамъ сказать, а лгать не хочу. Вокругъ васъ борьба, но вы не должны уступать побѣду. Я вѣрю, что именно вы будете побѣдительницей, и я вамъ буду помогать всѣми силами.

— Какъ же я могу бороться, когда я даже не знаю, въ чемъ дѣло?

— И не нужно вамъ знать, сохрани васъ Богъ! А какъ бороться, — я васъ научу, Марія Николаевна, потому что я все знаю. Будьте спокойны, кротки, молчаливы. Займитесь своимъ дѣломъ и возможно рѣже выходите изъ своихъ комнатъ и возможно рѣже попадайтесь на глаза баронессѣ. Вотъ и вся ваша борьба, Марія Николаевна. И, если вы меня послушаетесь, все будетъ хорошо. Повѣрьте старой, вѣрной слугѣ, она не будетъ вамъ лгать.

— Но въ разныхъ догадкахъ... я сойду съ ума.

— Не надо думать, Марія Николаевна, все равно, не додумаетесь. Да и не дай Богъ вамъ додуматься.

Марфа Ивановна совсѣмъ близко подошла къ молодой дѣвушкѣ и шепнула ей на ухо:

— А самое главное, держитесь какъ можно дальше отъ этого негодяя Липарскаго. Только не выдавайте меня, что я вамъ это сказала.

Вся кровь бросилась въ голову молодой дѣвушкѣ.

— Почему вы называете его негодяемъ?

— Тише, ради Бога, тише! Я сказала вамъ то, что должна была сказать, и не допрашивайте меня... Больше я ничего вамъ не скажу... Не могу... Не сердитесь, дорогая Марія Николаевна... Я не могу...

И старуха быстро наклонилась и поцѣловала безсильно опущенную руку Муси.

— Что вы, голубушка! — отдернула руку молодая дѣвушка, крѣпко обняла старуху и поцѣловала ее въ щеку.

— Родная вы моя...

На глазахъ Марфы Ивановны показались слезинки, но она смахнула ихъ и почти выбѣжала изъ Мусиной комнаты.

— Часъ отъ часу не легче, — думала Муся. — И Марфа Ивановна тоже говоритъ загадками... Одно мнѣ ясно...

Какое-то страшное преступленіе тяготѣетъ надъ несчастнымъ Максимомъ Сергѣевичемъ. И моя мать, и я — мы всѣ здѣсь играемъ какую-то роль... Но что... что такое? Что именно? Ахъ, я чувствую, что я сойду съ ума...

И чуть ли не въ тысячный разъ молодая дѣвушка пожалѣла, что покинула тихую провинцію и промѣняла ее на шумъ и блескъ загадочнаго, преступнаго Петербурга.

— Съ открытой душой, полной любви, пришла я въ домъ моей матери. И я была увѣрена, что осталась для нея такою же „дорогой Мусенькой", какою была въ дѣтствѣ. Первая встрѣча подкрѣпила мою увѣренность. Что же теперь? Что случилось? Или я должна была сообразить, что съ матерью меня раздѣляютъ годы, что она не знаетъ, какая я выросла, а я не знаю... какъ она измѣнилась... И если она меня могла покинуть крошкой, меня и папу, ее обожавшаго, то сумѣетъ ли она теперь полюбить меня?.. Увы, мнѣ было такъ страшно одной въ этомъ громадномъ, сумрачномъ, шумномъ Петербургѣ.

Она низко опустила голову и слезы, долго сдерживаемыя, теперь полились изъ ея глазъ.

Между тѣмъ, взволнованный Липарскій направился въ слишкомъ хорошо ему знакомый будуаръ. Долли Евграфовна бросилась ему навстрѣчу.

— Безсовѣстный... непокорный... добился-таки своего, заставилъ меня сдѣлать первый шагъ. Ну, что ты тамъ стоишь у двери, какъ виноватый... Я же не сержусь больше, я все забыла.

— Простите меня, Долли.

— Простила! Понялъ?

Тѣ нѣсколько шаговъ, которые онъ сдѣлалъ ей навстрѣчу, казалось, стоили ему большихъ усилій. Обѣими руками Долли обхватила его шею и прижалась къ его груди. Никогда еще въ ея ласкѣ не было такой нѣжности. Она не видѣла лица Липарскаго, и хорошо, что не видѣла, — это было лицо добровольнаго мученика.

Не выпуская его изъ своихъ объятій, Долли Евграфовна усадила его.

— Я такъ рада, что мы помирились, — нѣжно заговорила она, — и я рада, что теперь могу оправдаться... Я

слишкомъ страдала при одной мысли, что теряю тебя, и поняла, что сама себя обманывала, воображая, что не люблю тебя... Помнишь, съ какой жестокостью и безцеремонностью я тебя увѣряла, что ты въ моихъ глазахъ только любовникъ, что въ тебѣ мало данныхъ, чтобы быть мною любимымъ. Нѣтъ худа безъ добра, и наша ссора только еще больше сблизила насъ... Ты просилъ у меня прощенія, — теперь я прошу его у тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! — вырвалось у него.

— Я вѣдь очень передъ тобою виновата; я вѣдь тебя чуть ли не въ преступленіи заподозрѣла. Ревность глупа... Я даже намекнула на твое мнимое увлеченіе моей бѣдной крошкой Мусей... Я сознаю, что это ужъ черезчуръ...

Если-бъ баронесса могла видѣть, какъ поблѣднѣло лицо ея возлюбленнаго, какъ онъ до крови закусилъ губы, чтобы подавить невольный стонъ!

— И ты простишь меня, Максъ, мой милый, славный, любимый Максъ?

— Не будемъ говорить объ этомъ, Долли. Вы хотите, чтобы я забылъ всѣ ваши жестокія слова, — и я ихъ забываю. Но я еще не завтракалъ, и вы не подумали о томъ, чтобы меня накормить.

— Опять ты ошибаешься, милый. Въ сосѣдней комнатѣ накрытъ столъ, и нашего маленькаго tête-à-tête никто не нарушитъ, такъ какъ приготовленъ холодный завтракъ. И, прежде всего, мы выпьемъ по бокалу шампанскаго за наше примиреніе.

Долли Евграфовна провела возлюбленнаго въ крохотную гостиную — и усадила противъ себя за накрытый и уставленный всякими „деликатессами“ столъ. Тутъ же стояло и замороженное шампанское, и всякія вина, и водки.

Липарскій подрядъ залпомъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки. Онъ долженъ былъ напиться, чтобы выдержать комедію до конца. Онъ чувствовалъ, что безъ помощи винныхъ паровъ у него не хватитъ силъ, онъ прорвется и выскажетъ грубую правду старѣющей вакханкѣ.

Но передъ нимъ мелькала золотистая головка и робкіе, бархатные глаза, въ которыхъ отражалась чистая, какъ кристаллъ, душа его любви.

— Пусть будетъ такъ, какъ было прежде... прошу васъ.

И новый приливъ силы давалъ ему возможность продолжать начатую комедію.

За водкой послѣдовало красное вино, потомъ мадера и, наконецъ, шампанское. Голова Липарскаго кружилась и мысли отказывались ему повиноваться. И онъ сдѣлался такимъ смѣшливымъ, что каждый пустякъ заставлялъ его громко и долго смѣяться.

И онъ не помнилъ, какъ снова очутился въ будуарѣ баронессы, онъ не слышалъ, что именно она ему говорила, ползая на колѣняхъ у его ногъ. Ея поцѣлуи жгли его, будили въ немъ страсть. И онъ отвѣчалъ поцѣлуями на поцѣлуи.

Поздно вечеромъ проснулся Липарскій съ тяжелой головой. Тихо мерцалъ фонарикъ, озаряя комнату красноватымъ отблескомъ.

Онъ лежалъ на кушеткѣ, покрытый плэдомъ. Рядомъ съ нимъ въ глубокомъ креслѣ, утопая въ подушкахъ, крѣпко спала баронесса.

— Какъ хорошо, что она спитъ. Ускользнуть бы такъ, чтобы она не слышала.

И онъ поднялся, чуть дыша, и на цыпочкахъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Это была все та же маленькая гостиная, но теперь она утопала во меракѣ.

Липарскій живо отыскалъ знакомую кнопку и зажегъ электричество.

Какой противной показалась ему крохотная комнатка, пропахшая ѣдой. Столъ еще не былъ убранъ, и непріятное впечатлѣніе производили грязныя тарелки, брошенные ножи и вилки, недопитые бокалы.

Липарскій обогнулъ столъ, у зеркала поправилъ свою прическу и свой костюмъ и снова погасилъ электричество. Ощупью онъ выбрался изъ гостиной и по анфиладѣ комнатъ прошелъ въ большой залъ. Тутъ ему попался тотъ же лакей Петръ.

— Передай баронессѣ Маріи Николаевнѣ, что я хочу съ нею проститься и буду ждать ее тутъ.

Петръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на „баронессинаго

дружка", но ослушаться не посмѣлъ. Въ ожиданіи отвѣта, Липарскій въ волненіи прогуливался по комнатѣ.

— Сейчасъ придутъ, — доложилъ Петръ.

— Можешь идти! — снова приказалъ Липарскій.

И Петръ снова посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и снова не посмѣлъ ослушаться.

У самыхъ дверей Липарскій встрѣтилъ спѣшившую на его зовъ Мусю.

— Я сдержалъ слово, Марія Николаевна, веселье снова воцарится въ этомъ домѣ. Вы убѣдитесь въ этомъ на завтрашнемъ пріемѣ.

— Я и васъ увижу среди гостей?

— Не знаю... Впрочемъ, для нашего общаго дѣла это будетъ лучше. Да, завтра я буду, но только къ вамъ не подойду и не буду глядѣть на васъ... Такъ нужно... А теперь я спѣшу домой. До свиданія, Марія Николаевна. Мнѣ только хотѣлось видѣть васъ, чтобы успокоить.

Она протянула ему руку. Маленькая ручка была холодна, какъ льдинка, и Липарскій прижалъ ее къ пылавшему лбу.

— О, какъ тяжело, Марія Николаевна! — со стономъ проговорилъ онъ. — Силы мнѣ нужно, дайте мнѣ силу!

Онъ поспѣшно удалялся, Муся смотрѣла ему вслѣдъ недоумѣвающими глазами.

„Такъ нужно," — звучало въ ея ушахъ, и она ничего, ничего не понимала. Узелъ стягивался все туже и туже.

XXIII

НА ПУТИ КЪ ЦѢЛИ

— Какъ мнѣ одѣться, чтобы принять графа Маркова? — задавала себѣ вопросъ Сюзанна Мельвиль и, наконецъ, этотъ трудный вопросъ былъ рѣшенъ.

Въ черномъ туалетѣ изъ легкаго шелка, съ гладко зачесанными на проборъ и перехваченными черной бархаткой волосами Сюзанна Мельвиль была очаровательна и особенно моложава.

Марковъ долженъ былъ пріѣхать въ четыре часа, и

Сюзанна рѣшила прочесть предварительную нотацію своему несносному „квазимодо“.

— Ты, пожалуйста, Лазарь, не выскакивай на звонокъ графа Маркова, тутъ ужъ тебѣ не за чѣмъ ревновать. А графъ очень умный и злой... онъ тебя подниметъ на смѣхъ. Думаю, что тебѣ это будетъ не особенно пріятно.

— Я самъ его сумѣю поднять на смѣхъ! — храбро отвѣчалъ Лазарь.

— И глупо... Онъ такой великанъ, онъ тебя раздавитъ двумя пальцами, если только ты посмѣешь пикнуть... И потомъ, не подслушивай у дверей и не высовывай въ щель свой длинный носъ. Или я его прищемлю безъ всякаго сожалѣнія.

— Попробуй только... Если ты меня обидишь, я тоже не стану молчать.

— Довольно! — прикрикнула Сюзанна. — Я тебѣ все сказала, и ты, смотри у меня, слушайся.

Лазарь побрелъ къ двери, ворча себѣ подъ носъ:

— Ишь какъ разобидѣлась, невинностью хочетъ прикинуться. Подумаешь, гетевская Маргарита. Только и есть косы бѣлокурыя.

Но послышался звонокъ, возвѣщавшій приходъ графа Маркова, и Сюзанна поспѣшно вытолкнула ворчавшаго Лазаря, крикнувъ ему вдогонку:

— Ты смотри у меня!

Маркова Сюзанна встрѣтила въ дверяхъ передней и провела въ маленькую гостиную, въ которой принимала первый визитъ Грегорова.

Алексисъ смѣрилъ ее съ головы до ногъ весело искрившимися глазами.

— Ого, какая вы! Гетевская Маргарита, — невольно повторилъ онъ сравненіе Лазаря.

— Чѣмъ позволите васъ угощать?

— Какъ русскому человѣку, дайте мнѣ стаканъ горячаго чая, какъ солдату — стаканъ вина.

— Получите и то, и другое.

— Только если это не доставитъ вамъ хлопотъ.

— Никакихъ. Позвоню и прикажу.

На звонокъ быстро вбѣжала горничная.

— Два стакана чая, бутылку шампанскаго и два бокала, — скомандовала Сюзанна Мельвиль.

Ея приказаніе было исполнено моментально, такъ какъ все уже было наготовѣ.

— Какъ вы себя чувствуете послѣ вчерашняго? Вѣроятно, не сразу поѣхали домой и, вѣроятно, мой ревнивый Мишель прописалъ вамъ хорошую трепку.

— Вы плохой отгадчикъ. Мы сразу поѣхали домой, графъ меня подвезъ, и мы простились. Никакой трепки не могло быть, такъ какъ я женщина самостоятельная, и меня съ Мишелемъ связываетъ только свободная любовь. Правда, онъ меня приревновалъ къ вамъ... и имѣлъ основаніе...

— Даже имѣлъ основаніе? Это одинъ-то поцѣлуй?

— О, нѣтъ! Даже двадцать поцѣлуевъ не были бы „основаніемъ", но...

— Какое же „но"?

— Я васъ видѣла сегодня во снѣ. Вотъ это — „основаніе".

— Какое совпаденіе, Сюзанна Леонтьевна, — я тоже васъ видѣлъ во снѣ.

— Не вѣрю.

— Честное слово.

— Принуждена вѣрить. И какъ же вы меня видѣли?

— Позвольте объ этомъ умолчать.

— Ваше дѣло.

— Я только желаю, чтобы сонъ сбылся наяву.

— Я думаю, что онъ сбудется, если...

— Если?

— Если вы умѣете молчать.

— Ого! Вы, кажется, разгадали мой сонъ.

— Можетъ быть... Вы умѣете молчать?

— Бываютъ случаи, когда мужчина долженъ молчать. Но мнѣ жаль Мишеля и я предпочелъ бы прямо ему сказать, что вы мнѣ нравитесь и чтобы онъ...

— Боже сохрани! Увлекаясь вами, я совсѣмъ не думаю порвать съ Мишелемъ.

— Что же васъ съ нимъ связываетъ? Вы питаете надежды?

— Вотъ глупости! Мишель мнѣ нравится, наша связь

более прочная, чѣмъ... чѣмъ могло бы быть мое увлеченіе вами. Но я слишкомъ испорчена, и любовь одного человѣка, даже самая пламенная, меня не удовлетворяетъ. Я не могу жить безъ измѣнъ. Не вы, такъ будетъ другой... Сейчасъ вы мнѣ нравитесь.

— Вы откровенны, — усмѣхнулся графъ Алексисъ.— Позвольте выпить за ваше здоровье.

— Пожалуйста. Я всегда откровенна и со всѣми.

— Только не Мишелемъ.

— И съ нимъ. Я ему разсказала всѣ приключенія своего прошлаго.

— И всѣ измѣны ему?

— Я ему еще не измѣняла, но, когда измѣню, не скажу, конечно. Зачѣмъ огорчать человѣка? Пусть себѣ живетъ иллюзіями... Если онъ не нашелъ вѣрности въ своей законной женѣ, и по рожденію и по воспитанію принадлежавшей къ большому свѣту, то чего же можетъ онъ требовать отъ вашей покорной слуги, фарсовой артистки и искательницы легкихъ приключеній и пріятныхъ ощущеній?!

— Вы умница! Вы восторгъ!

Графъ Алексисъ нѣсколько разъ горячо поцѣловалъ хорошенькую ручку Сюзанны.

— Право, вы серьезно начинаете мнѣ нравиться.

— А прежде я вамъ не нравилась?

— Буду тоже откровененъ, съ вами вѣдь нельзя иначе... Итакъ, вы мнѣ совсѣмъ не нравились. Я видѣлъ васъ на сценѣ и долженъ вамъ сказать, что вы бездарны.

— Это ужъ слишкомъ, — слегка покраснѣла Сюзанна. — Я не талантъ, конечно, но и не бездарность.

— А по-моему вы бездарность и только напрасно треплетесь на сценѣ.

— Это — моя профессія и мой хлѣбъ. Я совсѣмъ не такъ мало зарабатываю, какъ вы, можетъ быть, думаете. А артистокъ, не только талантливыхъ и интересныхъ, но даже вполнѣ грамотныхъ, совсѣмъ не такъ много въ фарсѣ.

— Не будемъ говорить о фарсѣ и артисткахъ... Я лучше еще разъ выпью за ваше здоровье. Солдатъ побѣ-

дилъ во мнѣ просто русскаго человѣка, и я отстраняю чай и принимаюсь за вино.

— Позвольте и мнѣ выпить за ваше здоровье, графъ.

— А за Мишеля?

— И за Мими я выпью съ удовольствіемъ. По своему, я его люблю и, пока онъ со мной, онъ будетъ счастливъ!.. Маленькая измѣна на сторонѣ, хотя бы и съ его другомъ, — это такой пустякъ. Конечно, другіе были бы разговоры, если-бы я носила его имя... Но я въ его глазахъ только забава и мы сошлись ради забавы.

— Ахъ, Сюзанна Леонтьевна, если-бы тогда, когда вы были подругой Пасковича, я не отвернулся бы отъ знакомства съ вами, я былъ бы теперь на мѣстѣ вашего „Мими", какъ вы его называете.

Она расхохоталась.

— И я бы вамъ измѣняла съ Мими, такъ какъ навѣрно впослѣдствіи встрѣтилась бы съ нимъ.

Графъ Алексисъ вторилъ ея смѣху. По характеру они гораздо больше подходили другъ къ другу, чѣмъ Грегоровъ и Сюзанна. Оба себѣ на умѣ, оба циничные и веселые. Шампанское обоимъ кружило головы. Сюзанна принимала соблазнительныя позы и тихо смѣялась. Алексисъ нѣжно и страстно цѣловалъ ея ручки.

— Все это очень мало, — наконецъ сказалъ онъ, — наступаетъ обѣденное время и не мѣшало бы подумать объ обѣдѣ. Мы могли бы съ вами поѣхать въ одинъ изъ этихъ ресторановъ, которые я называю „злачными мѣстами". Или, можетъ быть, вы соблаговолили бы посѣтить мою холостую квартиру? Только она очень мизерна въ сравненіи съ роскошными аппартаментами Грегорова. Вѣдь онъ проживаетъ въ своемъ родовомъ домѣ, а въ моемъ еще благоденствуютъ родители. И я большею частью провожу время въ родительскомъ домѣ, но, чтобы не безпокоить ихъ моими холостыми шумными пріятелями, я завелъ себѣ крошечную „гарсоньерку". Тамъ у меня и поваръ, и лакей, и все такое.

Сюзанна лукаво улыбнулась.

— Въ вашу „гарсоньерку" я попаду только тогда, когда безусловно буду вамъ довѣрять. Маленькій обѣдъ въ ресторанѣ ни къ чему меня не обязываетъ.

— Покоряюсь вашему рѣшенію, хотя не могу не сознаться, что оно не особенно меня устраиваетъ. Так которое же изъ „злачныхъ мѣстъ“ вы выбираете?

— Это все равно, — разсмѣялась она. — Я выбираю то, которое скорѣй всего попадется намъ по дорогѣ.

— Великолѣпно.

— Пожалуй, мнѣ придется переодѣться.

— Ну, вотъ, пустяки! Изъ автомобиля прямо въ отдѣльный кабинетъ, изъ отдѣльнаго кабинета — въ автомобиль.

Весь этотъ обѣдъ въ ресторанѣ прошелъ въ томъ же тонѣ. Сюзанна умно и цинично дразнила своего новаго поклонника.

— Вы, кажется, мстите мнѣ за прошлое, — усмѣхался онъ.

— Можетъ быть.

Когда торжествующая Сюзанна вернулась домой, ее ждали сюрпризы. Во-первыхъ, Грегоровъ безъ конца справлялся по телефону, во-вторыхъ, съ его карточкой былъ ей присланъ футляръ отъ ювелира.

Раскрывъ футляръ, Сюзанна невольно залюбовалась роскошнымъ рубиновымъ ожерельемъ, достойнымъ подаркомъ богатаго и знатнаго поклонника.

— Эхъ, вы, мужчины! — разсмѣялась довольная Сюзанна. — Заставить васъ ревновать — и можно изъ васъ веревки вить. Когда я его ласкала, забывая все на свѣтѣ, онъ не посылалъ мнѣ подарковъ, но стоило мнѣ только пококетничать съ его другомъ, — и ожерелье налицо. Но не этихъ драгоцѣнныхъ даровъ я жду отъ тебя, мой милый Мими (впрочемъ и они не лишніе). Нѣтъ, я жду вѣнца, освященнаго церковью.

XXIV

ПТИЧКИ УЛЕТѢЛИ

Сюзанна полулежала въ своемъ новомъ автомобилѣ въ самой непринужденной позѣ, скрестивъ вытянутыя ножки и облокотившись на подушки. Она ѣхала на завтракъ къ Грегорову, а обѣдать обѣщала у Маркова.

Веселая, самодовольная улыбка играла на хорошеньких губкахъ Сюзанны, она чувствовала себя побѣдительницей, ей казалось, что крылышки выростаютъ за ея спиной. Еще бы! За эти дни она такъ много сдѣлала. Прежде всего она окончательно приручила и покорила Маркова. Богатырь- циникъ плясалъ по ея дудкѣ и готовъ былъ ради интимнаго свиданія съ нею обманывать кого угодно, не считаясь съ многолѣтней дружбой.

И если Грегорова Сюзанна покоряла цѣломудріемъ и застѣнчивостью въ самыя интимныя минуты любви, то на Маркова, наоборотъ, она дѣйствовала полной разнузданностью. Она хорошо поняла характеръ каждаго изъ нихъ.

— Ахъ, если-бы мою нынѣшнюю опытность да лѣтъ пятнадцать тому назадъ! — вздыхала она, самодовольно улыбаясь.

Покореніе Алексиса шло рука объ руку съ постепеннымъ возбужденіемъ ревности Грегорова.

На каждое замѣчаніе, на каждое требованіе ревнивца Сюзанна неизмѣнно отвѣчала, задорно улыбаясь:

— Свободная любовь, Мими! Твои требованія могутъ разсмѣшить разсудительнаго человѣка. Не жена же я тебѣ, въ самомъ дѣлѣ!

Этотъ отвѣтъ дѣйствовалъ на Грегорова какъ холодный душъ, и онъ переставалъ требовать и укорять.

А Сюзанна рѣшила такъ:

— Какъ видно, тихими мѣрами не приведешь его къ желанному концу. Надо дѣйствовать смѣлѣе, надо идти напроломъ. Мужчины только тогда способны на настоящія жертвы, когда этими жертвами они себя избавляютъ отъ мученій. Даже тутъ они эгоисты. Когда его ревность, его страданія станутъ невыносимыми, тогда онъ женится на мнѣ, чтобы держать меня въ рукахъ и быть спокойнымъ...

Грегоровъ ждалъ Сюзанну къ завтраку въ маленькой интимной столовой. Обо всемъ съ любовью онъ самъ позаботился. Столъ утопалъ въ цвѣтахъ и установленъ былъ яствами — прихотью самаго утонченнаго вкуса.

Сюзанна впорхнула въ маленькую столовую свѣжая, нарядная, красивая.

Грегоровъ, наоборотъ, былъ блѣденъ и осунулся за эти дни.

— Здравствуй, мой родной! — поцѣловала его Сюзанна. — Что это, какой скверный видъ у тебя сегодня? Ты не выспался?

— Я слишкомъ много думалъ о тебѣ, Сюзанна.

— И это такъ плохо на тебя дѣйствуетъ? Нечего сказать, комплиментъ!

Завтракъ прошелъ быстро и, въ присутствіи слугъ, графъ и Сюзанна вели самую обыденную бесѣду. Онъ — попрежнему былъ задумчивъ, она же смѣялась безъ причины.

— Наконецъ мы одни! — страстно проговорилъ графъ Грегоровъ, когда послѣ завтрака они сидѣли рядомъ въ его кабинетѣ передъ дымившимся турецкимъ кофе.

Отодвинувъ столикъ, графъ привлекъ Сюзанну и приникъ головой къ ея груди.

— Что ты со мной дѣлаешь, Сюзанна? Я весь полонъ тобою, я весь горю. Я словно сгораю въ адскомъ пламени.

— Ты такъ меня любишь?

— Не знаю, способенъ-ли я на любовь такъ, какъ я ее понимаю... Все свѣтлое и прекрасное вырвано прошлымъ изъ моего сердца... Чувство къ тебѣ — это что-то новое для меня, еще неиспытанное. Что-то острое, больное, пламенное... дьявольское, сказалъ бы я однимъ словомъ. И иногда, когда я думаю о тебѣ, странныя мысли приходятъ мнѣ въ голову, какой-то бредъ... Ты кажешься мнѣ духомъ ада, воплотившимся во образъ прекрасной женщины и спустившимся на землю, чтобы меня погубить...

— Ха-ха-ха! — вмѣсто отвѣта звонко смѣялась Сюзанна. — Ха-ха-ха!

Графъ сдвинулъ брови и сморщился, какъ отъ сильной боли.

— Не надо... не смѣйся такъ...

Сюзанна сдѣлала серьезное лицо и посмотрѣла на часы.

— Ого... какъ время летитъ. Перестань ныть, Мими,

и пользуйся мгновеніями счастья. Ихъ совсѣмъ не такъ много осталось, — съ ироніей проговорила она.

— Ты развѣ куда-нибудь торопишься? — встрепенулся онъ.

— Да, я сегодня приглашена на обѣдъ, — спокойно отвѣтила она.

— Куда же именно?

— Ты, право, становишься любопытенъ, какъ законный супругъ. Куда же мнѣ ѣхать? Я — актриса и ѣду къ актрисѣ.

— Можетъ быть, я съ нею знакомъ и тоже могу поѣхать?

— Здравствуйте! Графъ Грегоровъ, и въ гостяхъ въ какой-то трущобѣ. Но, къ счастью, ты съ нею незнакомъ. Это — Бобикова, она служитъ въ моемъ театрѣ на выходахъ и вотъ рѣшила меня угостить. За мною ухаживаютъ, я вѣдь тоже „начальство" для этихъ маленькихъ созданій.

— А послѣ обѣда... ты не вернешься ко мнѣ? Я за тобой могу заѣхать.

— Нѣтъ, ты меня отъ этого, пожалуйста, избавь! А то свободная любовь превратится въ несносную узду! Я понимаю, что узду можно даже любить, если она приноситъ взамѣнъ свободы почетъ, уваженіе и прочее. Но, такъ узда — это несносно! И, видишь, въ пустой болтовнѣ пролетѣло время и... мнѣ пора.

Она еще разъ посмотрѣла на часы.

— До свиданія, Мими. Завтра на дневномъ пріемѣ у баронессы фонъ-Саксъ мы увидимся и сговоримся о...

— Одну минутку, — вдругъ прервалъ ее графъ, — посиди одну минутку... Я скажу два слова по телефону и сейчасъ же вернусь... Я совсѣмъ забылъ... нужно...

— Только торопись, — послала она ему вдогонку, все поглядывая на часы.

Грегоровъ вышелъ въ коридоръ около кабинета, гдѣ обычно, когда баринъ былъ дома, въ большомъ креслѣ дремалъ Захаръ въ ожиданіи звонка.

— Что прикажете? — вскочилъ онъ.

— Сейчасъ эта барыня, — шопотомъ проговорилъ графъ, указывая на кабинетъ, — поѣдетъ куда-то. Ты поѣдешь за нею на моемъ черномъ автомобилѣ. Помни,

непремѣнно на черномъ, а не на голубомъ... Потомъ вернешься... и скажешь мнѣ, гдѣ она слѣзла... Ты понялъ?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Только старайся, чтобы она тебя не замѣтила. Торопись, старина.

— Все будетъ исполнено, ваше сіятельство, — радостно отвѣтилъ Захаръ.

Порученіе ему было по сердцу. Онъ ненавидѣлъ бѣлокурую „дьяволиху“, какъ онъ называлъ Сюзанну, и рѣшилъ, что „накроетъ“ ее во что бы то ни стало. Знать, самъ графъ подозрѣваетъ недоброе, разъ посылаетъ его слѣдить. И Захаръ заторопился.

Между тѣмъ, Грегоровъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ кабинетъ, онъ даже какъ-будто повеселѣлъ. Онъ подалъ Сюзаннѣ ея шляпу и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее на прощаніе. Потомъ онъ проводилъ ее до передней, задерживая пустымъ разговоромъ, чтобы выиграть время. Наконецъ за нею захлопнулась дверь, и графъ вернулся въ свой кабинетъ. Въ нервномъ ожиданіи онъ-то ложился на оттоманку, то вскакивалъ и подбѣгалъ къ окну.

Двадцать минутъ ожиданія показались ему вѣчностью. Наконецъ вернулся Захаръ. На его старомъ лицѣ было написано недоумѣніе.

— Ну? Что же ты молчишь? — бросился къ нему графъ.

— Я очень вѣрно выслѣдилъ, ваше сіятельство, и поджидалъ у двери, пока госпожа не вошла.

— Но куда же?

— Вѣрится съ трудомъ, ваше сіятельство, — госпожа вошла въ маленькую квартирку графа Маркова, вашего друга, что съ отдѣльнымъ подъѣздомъ. Она меня совсѣмъ сбила съ толку... Неужели она и тамъ хороводится? — подумалъ я.

Блѣдный, съ загорѣвшимися глазами, графъ рѣшительно приказалъ:

— Пальто мнѣ, старина. Я это провѣрю.

Графъ подбѣжалъ къ письменному столу, досталъ маленькій, словно игрушечный, револьверъ и спряталъ его въ карманъ.

— Ваше сіятельство! — задрожалъ Захаръ. — Стоитъ-ли изъ-за такой, прости Господи...

— Молчать! — крикнулъ графъ. — И подай мнѣ скорѣе пальто. Я поѣду на черномъ автомобилѣ.

Черезъ минуту онъ уже мчался по направленію къ Гусеву переулку, гдѣ у его друга, графа Маркова, снята была квартира-„гарсоньеръ“. Графъ Мишель дрожалъ отъ волненія, ощупывая револьверъ въ своемъ карманѣ. Онъ былъ въ такомъ состояніи, когда нервный человѣкъ на все рѣшается.

Когда онъ неистово звонилъ у дверей, то обратилъ вниманіе на ярко освѣщенныя окна.

Сквозь кружево занавѣсей и нѣжный шелкъ шторъ, свѣтъ прорывался на улицу.

Проходили минуты за минутами. Грегоровъ продолжалъ неистово звонить и стучать въ дверь, но ему не отворяли. Наконецъ, минутъ черезъ десять, пятнадцать послышались тяжелые, лѣнивые шаги и дверь медленно отворилась. Въ темной передней передъ Грегоровымъ стоялъ заспанный денщикъ графа Маркова.

— Дома баринъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что ты врешь, каналья! Почему-же у васъ освѣщена вся квартира?

— Виноватъ, забылъ погасить, ваше сіятельство.

— А лакей гдѣ?

— Лакей отпущенъ съ утра, графъ сегодня у тетеньки, у княгини Лариной обѣдаютъ.

— И давно онъ уѣхалъ?

— Да, съ академіи еще не возвращались, ваше сіятельство.

— Я пройду въ квартиру и напишу ему записку.

— Пожалуйте, ваше сіятельство.

— Ахъ, да... Сегодня недавно, никто не пріѣзжалъ къ графу?

— Никто, ваше сіятельство. Можетъ, тихонько звонили, а я и не слышалъ... Ихъ сіятельство соснуть мнѣ разрѣшили.

Въ полномъ недоумѣніи Грегоровъ вошелъ въ квар-

тиру Маркова. Въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ никого не было.

— Впрочемъ, я ничего не напишу. Ты можешь сказать, что я былъ и спрашивалъ его.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Вернувшись домой, Грегоровъ протелефонировалъ къ княгинѣ Лариной съ просьбой позвать къ телефону графа Алексиса, но ему отвѣтили, что графъ сейчасъ за столомъ, много гостей и неудобно ему передать.

Подозрѣнія остались только подозрѣніями.

— Ты что это мнѣ навралъ, старина? — сердито спросилъ баринъ стараго слугу.

— Чтобы не знать мнѣ ни дна, ни покрышки, ваше сіятельство, коли я навралъ! — возмутился старикъ. — Это ужъ они какую-нибудь штуку сыграли... Да я вѣдь не одинъ... И шофферъ видѣлъ... Ну, я одинъ могъ сойти съ ума отъ старости... Такъ, вѣдь, шофферъ то же видѣлъ, что и я.

Но Грегорову уже надоѣли „допросы", они совсѣмъ не были въ его натурѣ. Ревность заставила его совершать поступки, которые въ душѣ онъ презиралъ, и сейчасъ у него было такое чувство, словно онъ прикоснулся къ чему-то грязному, и нѣтъ воды, чтобы вымыть руки.

И опять наединѣ съ самимъ собою онъ старался анализировать свое чувство къ Сюзаннѣ. Неужели эта болѣзненная лихорадка, которая ни днемъ, ни ночью не даетъ ему покоя, неужели это любовь?

Онъ невольно сравнивалъ чувство къ Сюзаннѣ со своимъ первымъ чувствомъ къ женѣ... Какая разница. Тамъ царили чистота, поклоненіе, уваженіе, поэзія какая-то, доходившая до умиленія... Ахъ, если-бы Ольга не разбила его иллюзій, какъ-бы онъ былъ счастливъ до сихъ поръ!

И его глаза съ невольнымъ укоромъ поднялись къ портрету красавицы-блондинки въ бирюзовомъ бальномъ туалетѣ. Прекрасная и холодная Ундина, гордой улыбкой бросала она презрительный вызовъ цѣлому міру. Съ тѣмъже ледянымъ презрѣніемъ отдала она ему свою руку. Но потомъ... Въ его объятіяхъ въ сладкой тиши роскошной спальни, подъ пологомъ венеціанскихъ кружевъ, украшеннымъ графской короной, таялъ ледъ, и прекрасная Унди-

на превращалась въ женщину... Загорались и темнѣли ея прозрачные, не то голубые, не то зеленые, какъ воды Женевскаго озера, глаза... Въ трепетномъ дыханіи колыхалась ея роскошная грудь... И полуоткрытыя уста жгли поцѣлуями. Это было его счастье, его дорогая тайна. Съ восторгомъ и благоговѣніемъ прижималъ онъ къ своей груди страстную женщину, ту самую, что для другихъ была только... холодной, прекрасной Ундиной.

Ольга, Ольга! Зачѣмъ ты разбила волшебныя грезы... Зачѣмъ ты пробудила отъ сладкаго сна?

Нѣтъ, въ его чувствѣ къ Сюзаннѣ ничего нѣтъ общаго съ прошлымъ... Когда онъ шелъ рядомъ съ Ольгой, ему казалось, что крылья выростаютъ за его спиной, передъ цѣлымъ міромъ гордился онъ обладаніемъ этой женщиной. Когда же рядомъ съ нимъ Сюзанна, какой-то невольный, можетъ быть, ложный стыдъ его охватываетъ. Ему-бы хотѣлось, чтобы никто не зналъ о его связи съ этой маленькой артисткой съ большимъ прошлымъ... Ни за что на свѣтѣ онъ не сѣлъ-бы рядомъ съ нею въ ложѣ и не поѣхалъ-бы въ открытомъ экипажѣ... Онъ себѣ представляетъ ледяную улыбку Ольги, когда она встрѣтитъ его съ госпожей Мельвиль.

— Хорошая „замѣна“! — скажетъ ея презрительный взглядъ.

А, между тѣмъ, какія-то прочныя нити привязываютъ его къ Сюзаннѣ, онъ пытается порвать ихъ и не можетъ. Онъ уже запутался въ слѣпой паутинѣ и трепещетъ въ ней и бьется... и не видитъ освобожденія. Его тянетъ къ этой женщинѣ, какъ пьяницу, которому только что прочли лекцію о вредѣ алкоголя, тянетъ къ бутылкѣ водки.

Сейчасъ она обманула его, онъ это чувствуетъ, хотя она и ускользнула. Но если-бы ей не удалось ускользнуть, развѣ это измѣнило-бы ихъ отношенія? Нисколько.

Измѣна Ольги оттолкнула его — это понятно. Полный иллюзіи и обожанія, онъ не ждалъ отъ гордой королевы позорнаго поступка... Онъ любилъ въ ней чистоту и неприступность, и это была „его жена“.

А тутъ? Все позорное прошлое Сюзанны у него какъ на ладони и онъ угадываетъ то, что было отъ него скрыто. Больная страсть влечетъ его къ этой женщинѣ, но онъ

презираетъ ее. Въ ней онъ искалъ забвенія, какъ въ полномъ бокалѣ вина, и теперь, опьяненный, онъ не можетъ побѣдить безумія, которое влечетъ его за собой въ какой-то вакхической пляскѣ. Страсть, ревность и... страшно вымолвить... развратъ — вотъ тѣ нити, которыя приковываютъ графа Грегорова къ Сюзаннѣ Мельвиль... „Опытныя“ ласки постепенно развратили эстета.

Тупая боль въ сердцѣ напоминала графу объ измѣнѣ Сюзанны. Задыхаясь отъ волненія, онъ разрывалъ свой носовой платокъ и посылалъ ей проклятія. Но онъ зналъ, что не уйдетъ отъ нея, если даже уличитъ ее въ измѣнѣ.

Между тѣмъ, Сюзанна отъ графа Грегорова неосторожно помчалась прямо въ Гусевъ переулокъ, въ „гарсоньеръ“ графа Маркова. Не успѣли современные „голубки“ даже сѣсть къ обѣденному столу, какъ раздались сумасшедшіе звонки. Оба сразу смекнули, въ чемъ дѣло. Наскоро убрали посуду, закуски и вина, отпустили лакея, погасили огонь въ кухнѣ и черезъ проходной дворъ вышли на другую улицу, предварительно обучивъ денщика, что онъ долженъ говорить графу Грегорову... Изъ ресторана Алексисъ телефонировалъ двоюродной сестрѣ, своей большой пріятельницѣ и вѣчной помощницѣ въ шалостяхъ, княгинѣ Лариной, что говорить, если будутъ его спрашивать. Такимъ образомъ „птички улетѣли“!

XXV

ВЪ ТУМАНѢ

Озаренная лучами вернувшагося счастья, баронесса фонъ-Саксъ, снова веселая и жизнерадостная, вошла въ розовую комнату дочери. Въ простомъ бѣломъ платьицѣ, тоже своеобразномъ „созданіи“ Дарьи Яковлевны, съ книгой въ рукахъ, молодая дѣвушка сидѣла у окна. Блѣдный лучъ рѣдкаго въ Петербургѣ зимняго солнца ласково упадалъ на склоненную головку, и золотая копна волосъ переливалась брилліантовыми искрами, блестящимъ ореоломъ окружая грустное и блѣдное, какъ лилія, лицо.

Баронесса невольно остановилась у порога. Ей вспом-

нилась картина итальянскаго художника, изображавшая молодую венеціанку, заключенную въ монастырѣ. То же лилейное лицо, съ покорно опущенными на священную книгу глазами, та же хрупкая, изящная фигура, тотъ же ореолъ золотыхъ волосъ, разсыпавшійся брилліантовыми искрами подъ лаской прорвавшагося сквозь оконную рѣшетку солнечнаго луча.

— Муся!

Покатыя плечики вздрогнули и книга опустилась на колѣни.

— Мама...

Робкій голосъ прозвучалъ удивленіемъ и страхомъ.

Долли Евграфовна быстро подошла къ дочери и нѣжно ее обняла.

— Ты меня прости, крошка, всѣ эти дни я была такъ озабочена, я не могла часто съ тобой видѣться и забывала заботиться о тебѣ. Но теперь опять все будетъ по-старому... Ты не очень скучала, дѣвочка?

— Нѣтъ, — тихо отвѣтила Муся, — я не привыкла къ веселью, оно меня утомляетъ.

Материнскіе поцѣлуи жгли ея чистыя уста, какъ преступное прикосновеніе. Вихремъ проносились мысли въ ея головѣ:

„Онъ былъ правъ, Липарскій, да, онъ былъ правъ. Веселье вернулось, мама меня ласкаетъ. Ожилъ богатый домъ. Но почему? Почему?“

— Ай, ай, ай! Ты въ самомъ простенькомъ домашнемъ туалетѣ, моя крошка, а черезъ полчаса начинается пріемъ.

— Мнѣ нездоровится, мама, и я бы тебя просила...

— Ни за что! Сегодня пріѣдутъ всѣ твои блестящіе кавалеры.

— Ты скажешь имъ, что я заболѣла.

— Ни за что! Сейчасъ я сама тебѣ выберу туалетъ. Нюша и Марфа Ивановна помогутъ тебѣ одѣться. Я тебя буду ждать въ бѣломъ залѣ.

И еще нѣсколько разъ Долли Евграфовна нѣжно поцѣловала покорно опущенную головку.

Громадный бѣлый лѣпной залъ съ позолотой былъ уже полонъ гостей, когда вошла Муся фонъ-Саксъ, и всѣ

привѣтствовали молодую хозяйку. Ни безсонныя ночи, ни скорбныя думы не могли умалить красоту Муси. Пожалуй, томная блѣдность еще больше подчеркивала чистоту и нѣжность этой дѣвственной красоты, на которую пламенная рука страсти не наложила еще ни малѣйшей тѣни. Туалетъ цвѣта морской волны, отдѣланный бѣлымъ кружевомъ, казался только красивой нарядной рамкой, теряясь около картины, нарисованной божественнымъ талантомъ самой природы.

Всѣ кавалеры, окружавшіе Мусю на балу, и теперь осыпали ее комплиментами. Почти всѣ они тутъ были налицо. Особенно „соперничали“ баронъ Тизенъ и милліонеръ Молотовъ, доставляя этимъ несказанное удовольствіе баронессѣ-матери.

Когда послѣ „традиціоннаго“ шоколада перешли къ „неизбѣжному“ шампанскому, баронъ Тизенъ провозгласилъ тостъ за здоровье царицы прошлаго бала въ этомъ гостепріимномъ домѣ — за здоровье молодой баронессы Маріи Николаевны. Молотовъ бравурно подхватилъ этотъ тостъ.

Оба, очарованные Мусей, видѣли въ ней не будущую законную жену (женъ не искали въ салонѣ баронессы фонъ-Саксъ), о, нѣтъ, — въ ней видѣли будущую блестящую, шикарную содержанку, зависть лучшихъ кавалеровъ большого свѣта, и храбро сражались за обладаніе ею. Кто побѣдитъ? А молодая дѣвушка наивно протягивала свой бокалъ, чокалась, и въ ея бархартныхъ глазахъ отражалась скромная благодарность за оказанное ей вниманіе. Въ общемъ, это была тонкая трагедія, понятная немногимъ.

И въ это мгновеніе въ салонъ баронессы фонъ-Саксъ вошелъ графъ Грегоровъ, сумрачный и блѣдный, и чуткимъ умомъ сразу оцѣнилъ картину, представившуюся его глазамъ. И въ его сердце закралась жалость къ этому чистому и свѣтлому созданію, къ которому грязный порокъ протягивалъ свои длинныя, цѣпкія руки, захлебываясь, въ чаяніи пошлыхъ наслажденій.

Грегоровъ съ отвращеніемъ поцѣловалъ руку хозяйки дома, обмѣнялся поклонами съ присутствовавшими и съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ направился къ Маріи Николаевнѣ.

„Еще одинъ опасный соперникъ!“ — прочелъ онъ въ жадныхъ взорахъ, устремленныхъ на молодую дѣвушку. А она безпечно улыбалась, какъ слѣпая, которая ступаетъ, переходя черезъ страшную пропасть, по тонкой дощечкѣ, не понимая, что каждую минуту можетъ оступиться и полетѣть въ эту безпощадную, черную пропасть, изъ которой нѣтъ возврата.

Острая жалость все сильнѣе сжимала благородное сердце Грегорова.

— За ваше здоровье, Марія Николаевна! — и нотки, невольно прозвучавшія въ его голосѣ, откликнулись въ ея сердцѣ. Чистое сердце сразу почуяло искренность сострадания.

Муся взглянула на Грегорова, самаго симпатичнаго изъ всѣхъ, кто ее окружалъ, и поразилась его блѣднымъ, утомленнымъ видомъ, и тѣмъ сумрачнымъ страдальческимъ огнемъ, что она уловила въ глубинѣ его глазъ. И оба они, какъ по уговору, отошли отъ группы гостей.

Медленно ступая по залу, шли они рядомъ, бесѣдуя, и незамѣтно покинули шумный залъ и очутились наединѣ въ маленькомъ салонѣ „для чтенія“. Они размѣстились у круглаго мраморнаго стола, заваленнаго газетами и журналами.

— Вы страдаете, Марія Николаевна? — просто спросилъ Грегоровъ, машинально перелистывая попавшійся ему подъ руку журналъ.

Глаза молодой дѣвушки наполнились невольными слезами.

— Ахъ, — глубоко вздохнула она, — отъ кого-нибудь хотѣлось бы мнѣ слышать правду! Загадка! Да, загадка, которая меня страшитъ и которую я не могу разгадать, хотя такъ много, много думаю надъ нею! А вы, — вы все знаете. Однимъ словомъ вы могли бы открыть мнѣ глаза. Но вы молчите, вы всѣ молчите, и только затягиваете и такъ уже спутанный узелъ. Почему вы молчите?

— Марія Николаевна, — голосъ его дрогнулъ, — я вижу, какъ вы чисты и далеки отъ окружающаго. Взрощенная въ глухой провинціи, вы всею душою далеки отъ нашей столичной грязи. Бурный, черный потокъ съ шумомъ и ревомъ катится у вашихъ ногъ, но вы не слышите

его рева, не видите мутныхъ волнъ, милая „чудачка“! И неужели у меня повернется языкъ, чтобы открыть вамъ глаза? Жизнь сама это сдѣлаетъ, когда настанетъ часъ... и не моя рука его приблизитъ.

— Но, вѣдь, такъ могутъ пройти мѣсяцы, годы... и я все буду стоять надъ грознымъ потокомъ и буду слышать отдаленный шумъ, но никогда не пойму, въ чемъ дѣло. Развѣ можно такъ жить? Отъ однѣхъ думъ я сойду съ ума! Вѣдь, вотъ вы все знаете и можете жить, а...

— Посмотрите на меня, Марія Николаевна, развѣ такъ завидно мое существованіе? А были дни, когда я былъ въ вашемъ положеніи, и какъ мнѣ жаль этихъ минувшихъ дней. Мимо меня мчался грозный, бурный потокъ столичной жизни, а я, утопая въ невѣдѣніи, захлебывался отъ счастья въ обманчивомъ туманѣ своихъ розовыхъ мечтаній. Когда я прозрѣлъ, — я чуть не сошелъ съ ума, чуть не лишилъ себя жизни! И сожалѣю теперь, что не воспользовался минутами отчаянія и что... живу до сихъ поръ... Вотъ почему я васъ такъ понимаю, вотъ почему мнѣ такъ глубоко васъ жаль.

Подавленная, Муся вслушивалась въ его слова, безпомощно сжимая руки.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Если позволите, я дамъ вамъ совѣтъ отъ чистаго сердца.

— Прошу васъ...

Бархатные глаза, полные недоумѣнія и муки, съ мольбой заглянули ему въ душу.

— Не думайте о загадкѣ, сами вы ея не разгадаете. Настанетъ часъ, — и жизнь сорветъ повязку съ вашихъ глазъ. Вы все увидите и все услышите... Тогда, если вамъ будетъ очень тяжело, если вы потеряете голову... если не будетъ у васъ выхода, — тогда, Марія Николаевна, обратитесь ко мнѣ... Можетъ быть, я сумѣю вамъ быть полезенъ... Вѣрьте, что мною руководитъ только глубокое, святое сочувствіе. Вотъ моя визитная карточка со всѣми телефонами, спрячьте ее на всякій случай.

— Благодарю васъ, — почти машинально проговорила молодая дѣвушка и такъ же машинально спрятала въ свое крохотное портмонэ визитную карточку графа Грегорова.

Увы, камень попрежнему давилъ ея душу, но никто не хотѣлъ облегчить эту тяжесть.

— Вы меня не знаете, графъ, — попыталась она еще разъ добиться истины. — Правда, я молода, но я чувствую въ себѣ силу. Я не боюсь заглянуть въ глаза самой страшной правдѣ, и правда для меня лучше неизвѣстности. Все равно, мое сердце отравлено сомнѣніемъ... а подозрѣнія растутъ въ моей душѣ, принимая чудовищныя, гигантскія формы...

— Марія Николаевна, ваше чистое воображеніе, подсказывая вамъ ужасы, не доберется до правды... Слишкомъ она грязна и недоступна чистому сердцу. Я не переношу лжи, но мнѣ легче солгать, чѣмъ сорвать повязку съ вашихъ глазъ.

— Къ чему же были тогда всѣ эти намеки, сводящіе меня съ ума?

— Можетъ быть, я и сдѣлалъ ошибку, натолкнувъ васъ на подозрѣнія, но я рѣшилъ, что это моя обязанность, въ тотъ мигъ, когда я увидѣлъ возлѣ васъ негодяя Липарскаго, что-то таинственно вамъ напѣвавшаго. Все-таки теперь вы не безоружны. Вы не будете вѣрить, и подозрительность отклонитъ отъ васъ прямую опасность. Вы знаете теперь, что люди, которые васъ окружаютъ, не стоятъ вашего мизинца. Когда вы увѣрены, что должны встрѣтить камень на своемъ пути, онъ уже не будетъ для васъ неожиданностью и вы сумѣете его обойти. Вотъ какая мысль руководила мною, когда я васъ предостерегалъ, и вашъ упрекъ несправедливъ.

— Вы правы, — грустно покачала она золотистой головкой. — И не одинъ вы меня предупреждали. Сначала самъ Липарскій, потомъ моя мать, потомъ старушка-экономка.

— И ваша мать васъ предупреждала? — вздрогнулъ Грегоровъ.

— И она... Только въ тѣхъ же туманныхъ фразахъ, въ которыхъ нѣтъ силъ разобраться... Ахъ, какъ кружится голова и какъ всѣ эти предупрежденія больно стучатъ въ голову, какъ безпощадные молотки! Сначала она мнѣ совѣтовала поскорѣе выйти замужъ... Или за барона Тизена, или за Молотова, или даже за васъ... Впрочемъ, она

прибавила, что васъ трудно „скрутить", потому что вы въ рукахъ у красивой артистки, у Сюзанны Мельвиль... Ахъ, Боже мой, я, кажется, говорю ужасныя глупости... что-то непоправимое... Привычка говорить правду... и потомъ эти молотки такъ больно стучатъ въ голову... я не соображаю... мои слова похожи на бредъ...

— Бѣдное дитя...

— Да, да... вы правы... я — бѣдная... Я бѣдное дитя... и нѣтъ у меня опоры... нѣтъ защиты... Некуда мнѣ бѣжать... Что она мнѣ еще говорила, моя мать? Ахъ, да... она мнѣ сказала, что правда о Липарскомъ для меня ужаснѣе, чѣмъ для него... Почему для меня? Я не совершала вмѣстѣ съ нимъ преступленія... Я не сообщница его! Почему же для меня, именно для меня? И она сказала, что я должна остерегаться этого человѣка, что въ немъ моя гибель, гибель ея любви ко мнѣ... И что я должна бѣжать отъ него, какъ отъ страшнаго несчастія...

Обѣими руками молодая дѣвушка сжимала горѣвшую голову. Сейчасъ она ему скажетъ все то, что выслушала отъ Липарскаго.

— А потомъ онъ, — заговорила Муся, — Липарскій... Онъ мнѣ сказалъ, что снова вернетъ веселье нашему дому, если я этого захочу, и онъ вернулъ... и...

Нервная рѣчь Муси была прервана веселымъ возгласомъ и смѣхомъ:

— Принцъ Рюдель и Далекая Принцесса... какъ это трогательно!

Сюзанна стояла рядомъ. Она смѣялась, но губы ея подергивались. Она шутила, но злые, ревнивые огоньки такъ и сверкали въ ея глазахъ.

Именно этой провинціалки съ бархатными глазами и венеціанскимъ золотомъ волосъ она инстинктивно боялась и ненавидѣла ее. О чемъ такъ горячо бесѣдуютъ они здѣсь въ уединеніи? Щеки молодой дѣвушки пылаютъ и лихорадочно блестятъ ея глаза. Внезапное появленіе Сюзанны и ея смѣхъ словно пробудили парочку отъ волшебнаго сна.

— Здравствуйте, Марія Николаевна! Мы съ вами еще не видѣлись. Здравствуйте, графъ, — развязно пожимала Сюзанна руки то одной, то другому.

Муся вдругъ вспомнила, что это именно та Сюзанна Мельвиль, которою увлекается графъ Грегоровъ. И вдругъ ей стало неловко, не по себѣ, и она почувствовала себя лишней между ними. Вспыхнувъ, она порывисто поднялась.

— Я извиняюсь... я, правда, заговорилась... тамъ гости... мама будетъ недовольна, она мнѣ поручила ихъ занимать, — сбиваясь, пробормотала молодая дѣвушка и поспѣшно удалилась, оставляя Сюзанну и Грегорова.

— Ну-съ... какъ вы вчера безъ меня веселились? — развязно спросила Сюзанна, принимая кокетливыя позы.

— А вы? Вы хорошо пообѣдали съ графомъ Марковымъ? — рѣзко спросилъ онъ.

Она смутилась только на одно мгновеніе. Нахмуривъ брови, она спросила съ искреннимъ негодованіемъ:

— Какъ вамъ не стыдно оскорблять меня? Вы можете вѣрить моей любви, если не вѣрите дружбѣ графа Маркова!

Онъ махнулъ рукой.

— Все равно... какъ низко бы вы ни волочили мое чувство, я уже не могу вырваться изъ вашихъ рукъ, Сюзанна... Вы завладѣли мной, и теперь можете издѣваться, какъ хотите, надъ вашимъ рабомъ!

— Я буду его ласкать до полнаго забвенія... до блаженства, — прошептала Сюзанна, наклоняясь къ графу. — И этотъ „пріемъ“, и ваши ухаживанія за провинціалкой мнѣ несказанно надоѣли. Везите меня къ себѣ, Мими.

Минуя залъ, полный гостей, парочка скользнула въ переднюю.

Муся бродила, какъ тѣнь, среди гостей и отвѣчала невпопадъ на вопросы. На ея счастье толпа гостей рѣдѣла, и послѣдняя горсточка дамъ окружила баронессу. Тогда Муся тихонько покинула залъ и пробралась въ гостиную. Въ мельчайшихъ деталяхъ вспоминала она свою бесѣду съ Грегоровымъ. Накакого просвѣта... Загадка попрежнему жгла ея мозгъ и молотки больно стучались въ голову.

— Марія Николаевна!

Она вздрогнула и подняла глаза. Передъ нею стоялъ Липарскій.

XXVI

ТРАГЕДІЯ

Напуганная таинственными предостереженіями, молодая дѣвушка задрожала отъ невольнаго страха, увидѣвъ передъ собою Липарскаго. И видъ его не внушалъ довѣрія. Блѣдный, съ взъерошенными кудрями, съ блуждавшимъ взоромъ, онъ былъ похожъ на человѣка или готоваго на преступленіе, или уже совершившаго что-то ужасное.

— Я обѣщалъ вамъ вернуть веселье этому дому и я сдержалъ свое обѣщаніе. Видите, они смѣются, кромѣ меня, — лихорадочно заговорилъ онъ. — Но мои силы мнѣ измѣняютъ, Марія Николаевна! Опять, черезъ какихъ-нибудь полчаса, я долженъ лгать, обманывать, и я не могу, я больше не могу.

— Развѣ я учила васъ лгать и обманывать? — строго спросила молодая дѣвушка.

— О, нѣтъ, этому вы меня не учили... Но вы просили меня вернуть прежнее веселье вашему дому, и я долженъ былъ прибѣгнуть ко лжи, къ самому страшному обману, чтобы выполнить вашу волю... И, вы видите, всѣ опять смѣются, всѣ, кромѣ меня и кромѣ васъ. Но для того, чтобы они продолжили свой смѣхъ, я долженъ продолжить мою отвратительную ложь... И только пока я буду лгать, они будутъ смѣяться... Я — грязный человѣкъ, Марія Николаевна, и я себя бичую... Но остатокъ чести поднялся съ грязнаго дна, прорвался сквозь тину и торжествуетъ... Я въ его власти! Я больше не могу лгать! И это вы, Марія Николаевна, пробудили въ моей душѣ крѣпко спавшіе остатки честнаго и хорошаго, еще не вытравленные жизнью... Не знаю, благодарить я васъ за это буду или... проклинать.

Лихорадочныя слова, срывавшіяся съ пересохшихъ устъ, пугали Мусю... Первымъ ея побужденіемъ было — бѣжать, но въ маленькой гостиной была всего одна дверь, и ту загораживала богатырская фигура Липарскаго.

— Максимъ Сергѣевичъ, — дрожавшимъ голосомъ заговорила, наконецъ, Муся, — прекратимъ этотъ тяжелый для насъ обоихъ разговоръ... Все равно, я васъ не пони-

маю... Меня окружаетъ тайна, которую я безсильна разгадать... Вы спросили меня, хочу ли я, чтобы въ этомъ домѣ, домѣ моей матери, печаль вновь смѣнилась радостью и весельемъ... Какъ я могла вамъ сказать: нѣтъ, не хочу! Конечно, я сказала: да, хочу! Но если-бы вы меня предупредили, что для этого вамъ придется лгать и обманывать, я бы вамъ сказала: нѣтъ, не надо! Ибо это не веселье, не настоящая радость то, что вызвано ложью и обманомъ. Такой невѣрной радости все равно скоро долженъ придти конецъ. И теперь я вамъ повторяю: больше не надо лжи и обмана. Откройте мнѣ всю правду и, можетъ быть, я сумѣю вамъ помочь.

— Всю правду? — простоналъ Липарскій. — Да, да, я долженъ вамъ ее сказать, потому что я не могу ее скрыть отъ васъ! И эта правда для меня ужасна, какъ смертный приговоръ. Я васъ люблю, Марія Николаевна, вотъ въ чемъ правда. Я люблю васъ первой, свѣтлой, страстной и вѣчной любовью. Эта любовь во мнѣ, погрязшемъ въ порокѣ, пробудила остатокъ чести, остатокъ совѣсти. И я больше не способенъ на ту гнусную роль, которая мнѣ была предназначена волею судьбы... Вотъ въ чемъ правда, Марія Николаевна.

Прижавъ руки къ тревожно бившемуся испуганному сердцу, молодая дѣвушка невольно отступала въ глубину комнаты, стараясь отдалиться отъ Липарскаго... Сейчасъ онъ вызывалъ въ ней только отвращеніе... Блуждающій взоръ и лицо, перекошенное мукой и страстью, не могли внушать иныя чувства. А Липарскій все наступалъ, все приближался къ ней.

Вотъ она уже у самой стѣны и прижимается къ ней, какъ бы ищетъ защиты. Увлекаемый порывомъ, Липарскій бросается передъ нею на колѣни и цѣлуетъ край ея платья.

— Я люблю васъ, — шепчетъ онъ, словно въ лихорадочномъ бреду. — Теперь я позналъ, что такое любовь. Тщетная борьба съ самимъ собой, безсонныя ночи, подавленныя рыданія, муки совѣсти, дикая ревность къ будущему. Вашему чистому сердцу не чуждо состраданіе, — не гоните прокаженнаго раба! Позвольте мнѣ смотрѣть на васъ, цѣловать край вашего платья, слѣды вашихъ

ногъ... Позвольте мнѣ дышать однимъ съ вами воздухомъ, и за мою любовь, за мои муки — простите мнѣ ужасъ моего прошлаго. Нѣсколько ласковыхъ словъ, словъ прощенья, и я воспряну. Я найду въ себѣ силу, чтобы снова лгать, снова обманывать, для того, чтобы въ домѣ и въ сердцѣ вашей матери царили веселье и радость... И это будетъ смѣхъ, рожденный изъ кровавыхъ слезъ моего сердца.

— Не надо, не надо! Оставьте меня, — простонала Муся, закрывая лицо руками.

— Ты гонишь меня, жестокое солнце... Ты гонишь меня, принцесса Греза, принцесса моего сердца. А я тебя люблю, люблю, люблю...

Ни Муся, закрывшая лицо руками, ни колѣнопреклоненный Липарскій не могли видѣть искаженное лицо баронессы, наблюдавшей странную сцену.

— Оставьте меня, умоляю васъ, оставьте меня, — истерично повторяла молодая дѣвушка, а Липарскій изступленно твердилъ:

— Люблю, люблю, люблю.

Длинными и быстрыми шагами, похожими на прыжки пантеры, баронесса приблизилась къ Липарскому и впилась руками въ его плечо. Онъ вскрикнулъ и обернулся, и его глаза встрѣтились съ ея бѣшенымъ взглядомъ... Невольный страхъ сковалъ его уста.

Невольно опустивъ руки, Муся тоже замѣтила свою мать.

— Мама! — бросилась она къ ней, ища защиты, но сильная рука съ гнѣвомъ оттолкнула ее снова къ стѣнѣ.

— Молчи! Молчите вы оба! Теперь я буду говорить... И ты, кисейная барышня, узнаешь ту правду, которую ты такъ хотѣла знать.

— Долли! — взмолился Липарскій.

— Молчи! Теперь уже ты мнѣ не закроешь ротъ, нищій-Ромео! — захохотала баронесса.

Муся съ ужасомъ смотрѣла на свою мать, она ея не узнавала въ этой разнузданной, разъяренной, циничной тигрицѣ.

„Бѣдный папа, рыцарь вѣчной любви, если-бы онъ могъ

ее теперь видѣть!“, — невольная мысль молніей пронеслась въ воспаленномъ мозгу молодой дѣвушки.

И съ какой дикой ненавистью метавшіе искры глаза обращались къ ней, къ родной дочери!

— И ты, царевна-недотрога, ты узнаешь всю правду! — какимъ-то шипящимъ голосомъ проговорила баронесса, въ ревнивой злобѣ теряя послѣднее самообладаніе. — Ты — мое проклятіе, тебя послалъ твой отецъ со своей загробной местью! Ты добивалась правды! Сейчасъ — голая — она станетъ передъ тобой... Этотъ господинъ, увѣрявшій тебя въ своей любви, уже шесть лѣтъ мой любовникъ, онъ мнѣ замѣняетъ твоего покойнаго отца! И за его молодую любовь, за его ласки я плачу ему деньгами, собранными отъ многихъ тѣхъ, которые въ былые годы замѣняли мнѣ твоего отца и покупали мою любовь. Тогда я была моложе и красивѣе, тогда мнѣ платили за ласки... Теперь я постарѣла, — теперь я плачу... Этого нищаго я выкопала изъ грязи... Я все ему дала! Онъ часто твердилъ о своей любви и благодарности, но, ты видишь, какъ онъ заплатилъ мнѣ за мою доброту... Хамъ до могилы останется хамомъ!

Могла ли придумать баронесса фонъ-Саксъ пытку болѣе ужасную для этихъ существъ, поневолѣ внимавшихъ ея злобнымъ словамъ?! Потокомъ пошлой грязи обдала она чистую, свѣтлую душу дочери, тонкимъ, зловоннымъ ядомъ отравила ея сердце. Какъ капли раскаленнаго свинца, падали ея „откровенія“ на свѣжую рану, причиняя мучительную боль, вселяя ужасъ, граничащій съ безуміемъ.

Какъ подстрѣленная птица, поникла золотистая головка. Уйти... какъ можно скорѣе... Бѣжать отъ ужаса, отъ этой безпощадной, смертельно ненавидящей, циничной матери... Увы, ноги, словно налитыя свинцомъ, не повиновались. И языкъ не повиновался, и сжималось пересохшее горло.

И тотъ, другой, стоялъ, какъ безмолвный рабъ, приговоренный къ смерти. Безмолвный, подавленный и жалкій. И въ эти минуты онъ сожалѣлъ о томъ безуміи, которое выдало тайну его сердца. Сколько горя онъ причинилъ этой бѣдняжкѣ! И онъ боялся взглянуть на нее... Какъ жестоко она презираетъ его теперь! И его состра-

данie, и его помощь, и его самого она отброситъ, какъ мерзкую гадину. Это онъ сознавалъ...

— Ну, царевна-недотрога, что ты теперь думаешь предпринять? — продолжала издѣваться баронесса надъ своей безмолвной жертвой. — Ты, конечно, поняла, что въ моемъ домѣ тебѣ не мѣсто! Поди, собери свои вещи. Я тебѣ дарю все то, что ты здѣсь отъ меня получила. И я буду тебѣ помогать. Поняла? Такъ что не отчаивайся и поди собери свои вещи. Всѣ переговоры съ тобой я буду вести черезъ Марфу Ивановну. Можетъ быть, когда залѣчится рана, нанесенная тобой моему сердцу и моей гордости, мы снова съ тобой увидимся. А теперь иди... иди... и оставь меня. Я тебя предупреждала, что ты должна избѣгать Липарскаго, какъ худшаго изъ золъ. Я щадила твою невинность и жестоко наказана. Почему ты меня не послушала? Надо было сразу же во все тебя посвятить. Ты пришла ко мнѣ и ты должна была подчиниться моей жизни и моимъ правиламъ.

Собравъ всѣ свои силы, Муся вдругъ рванулась и, не проронивъ ни единаго слова, не подаривъ ни единымъ взглядомъ ни свою мать, ни Липарскаго, выбѣжала изъ гостиной.

Очутившись въ своей комнатѣ, Муся, все такъ же молча, сбросила красивый туалетъ цвѣта морской волны и жемчужную нить, давившую ея шею, и серьги, и роскошное бѣлье съ голубыми лентами.

Дрожавшими руками она разыскала свою старую корзиночку, переодѣлась въ скромное бѣлье и платье, купленныя на честныя деньги, заработанныя тяжелыми трудами ея покойнаго отца. И сразу какъ-то легче стало на сердцѣ.

Наскоро перевязала она корзиночку и облачилась въ провинцiальное пальто и шляпу, надъ которыми въ день первой встрѣчи такъ смѣялась Долли Евграфовна. И тогда баронесса хотѣла раздать бѣднымъ всѣ эти „лоскутки“, привезенные дочерью изъ провинцiи. Какъ хорошо, что Муся ихъ отстояла! Что бы дѣлала она теперь безъ нихъ съ тремя рублями въ карманѣ? Ея ангелъ-хранитель внушилъ ей тогда желанiе сохранить на память всѣ эти бѣдные „лоскутки“.

„Что-то еще нужно сдѣлать? — подумала Муся. — Ахъ, да, надо вѣдь проститься съ доброй старухой, съ Марфой Ивановной."

Муся позвонила три раза. На этотъ условный звонокъ всегда приходила къ ней Марфа Ивановна. И теперь она явилась почти моментально.

— Что это? — остановилась она. — Къ чему этотъ бѣдный старый нарядъ, Марія Николаевна?

Послѣ долгой паузы, собравшись съ силами, молодая дѣвушка тихо, съ трудомъ проговорила:

— Я все скажу въ нѣсколькихъ словахъ, дорогая... мнѣ трудно много говорить... Я все знаю... мать мнѣ все сказала... и выгнала меня изъ дому... Я не хотѣла уйти, не простившись съ вами... Я чувствую, что вы хорошая, сердечная, что вы... любите меня. Передайте ей... что никакой помощи... я отъ нея не приму. Хотя бы мнѣ пришлось умереть съ голоду... и никогда я сюда не вернусь. У меня нѣтъ матери... и никогда не было. Прощайте.

Пошатнувшись, какъ пьяная, молодая дѣвушка приникла къ груди Марфы Ивановны. Старуха поняла по тону и по лицу молодой дѣвушки, что уговаривать ее нельзя... все равно, не уговоришь, а только будешь мучить, растравляя рану.

— А моей помощи вы не примете, родная? — робко спросила она.

Молодая дѣвушка покачала головой.

— Нѣтъ... вы не бойтесь за меня... на первое время у меня хватитъ, — невольно краснѣя, солгала она. — Прощайте, Марфа Ивановна, спасибо за искреннюю ласку.

— Господь да сохранитъ тебя, свѣтлое дитя.

И старуха, тихо рыдая, перекрестила золотистую головку.

Съ корзиной въ рукахъ Муся вышла на улицу. Она не замѣчала удивленныхъ взглядовъ челяди, ее сопровождавшихъ. Она ни разу не оглянулась на этотъ громадный домъ, гдѣ въ освѣщенныхъ окнахъ мелькала тѣнь ея родной матери.

Царила настоящая петербургская ночь, гнилая и мокрая. Въ черномъ, какъ зіяющая пасть, небѣ не было видно ни единой звѣздочки. Вѣтеръ налеталъ порывами,

пронизывая тѣло Муси, плохо защищенное провинціальнымъ осеннимъ пальто. Но развѣ замѣчала она этотъ холодъ и вьюгу? Развѣ страшила ее темнота гнилой ночи? Свѣжія раны въ ея сердцѣ такъ невыносимо болѣли, и эта боль заслоняла всѣ другія ощущенія. Она и думать не могла, не могла анализировать все происшедшее, она только металась по мокрымъ темнымъ улицамъ, хватаясь за сердце съ невольнымъ стономъ:

— Мнѣ больно, ахъ, какъ мнѣ больно!

Наконецъ ея руки закоченѣли и ноги отказывались ей служить. Куда же идти? Гдѣ отдохнуть? Въ этомъ большомъ безпощадномъ городѣ, населенномъ милліонами, у нея не было ни одного друга. Друзей баронессы она не могла считать своими друзьями.

И вдругъ внезапная мысль словно ударила ее въ голову. Графъ Грегоровъ!.. Его карточка съ адресомъ у нея въ портмонэ. Онъ такъ искренно предлагалъ ей помощь своимъ совѣтомъ въ тяжелую безвыходную минуту. И такая минута настала. Онъ словно предвидѣлъ ее.

Еще около получаса Муся боролась съ собой, не рѣшаясь обратиться къ графу. Но дѣйствительно отчаянное положеніе и полная безпомощность принудили ее прибѣгнуть къ этому крайнему и единственному средству. Она достала визитную карточку Грегорова, наняла извозчика и продиктовала ему адресъ графа. Голодная, замерзшая кляча уныло повезла ее къ роскошному дому.

Между тѣмъ, баронесса фонъ-Саксъ, проводивъ злыми глазами уходившую дочь, повернулась къ Липарскому, скрестивъ на груди руки.

— Ну, а ты? — грозно заговорила она. — Ты пойдешь за нею слѣдомъ? Можетъ быть, женишься на ней? Отличная будетъ пара, — пара преступныхъ нищихъ!..

— Если-бы я могъ послѣдовать за нею не какъ мужъ, а только какъ вѣрный песъ, я не стоялъ бы теперь передъ вами. Но, видно, вы плохо знаете вашу дочь... теперь она отшвырнула бы меня, какъ гадину! Вашъ ударъ былъ мѣткимъ ударомъ. Она нанесъ страшную рану сердцу вашей бѣдной дочери, а меня... онъ уничтожилъ. И вы жестокая, злая, безсердечная.

— Довольно! Молчи! Я тебя вытащила изъ грязи,

щенокъ, не для того, чтобы ты лаялъ на меня. Или ты подчинишься всѣмъ моимъ требованіямъ, или я тебя тоже вышвырну за дверь. Но своей дочери я обѣщала матеріальную помощь, а тебя лишу всего.

Онъ закусилъ губы до крови и насилу сдержалъ готовую сорваться ругань.

— Прежде, чѣмъ отвѣтить на вашъ вопросъ, я хочу знать...

— Молчи! Никакихъ „но". Или ты повинуешься, или...

Случилось нѣчто неожиданное, небывалое. Въ комнату, гдѣ объяснялись любовники, безъ зова ворвалась Марфа Ивановна.

— Что тебѣ нужно? — рѣзко спросила баронесса и разомъ умолкла. Всегда спокойное, неподвижное лицо экономки теперь выражало сильное волненіе и было орошено слезами.

— Она ушла, баронесса, совсѣмъ ушла и отказалась отъ вашей помощи. Бѣдняжка, куда она пойдетъ въ эту темную, страшную ночь?

— А куда бы она пошла, если-бы у нея не было матери? Любящій отецъ не позаботился о ея будущемъ. Я предложила ей помощь, не могу же я ее навязывать!

— Она была права, когда просила вамъ передать, что у нея нѣтъ матери и никогда не было, — рѣзко вырвалось у Марфы Ивановны.

— Мы поговоримъ съ тобой послѣ, можешь идти, — гнѣвно остановила старуху баронесса. — Съ этимъ „молодцомъ" мнѣ еще надо закончить бесѣду.

— Она кончена, баронесса, — съ холоднымъ отчаяньемъ заявилъ Липарскій. — Меня удерживала надежда, что я еще могу быть полезенъ вашей дочери. Но разъ ея ужъ нѣтъ... я тоже ухожу, — и навсегда.

Баронесса покачнулась.

— Путь свободенъ, — глухо проговорила она.

И Липарскій ушелъ.

— Отдай приказъ, старуха, чтобы его больше не пускали въ нанятую мною ему квартиру. Пусть помается, пусть вернется къ своей нищетѣ...

И Марфа Ивановна съ видимымъ удовольствіемъ по-

шла выполнять новый капризъ госпожи. Только бы выкурить этого, а тамъ легко помирить мать и дочь. Кровь заговоритъ.

Баронесса колеблющимися шагами добрела до своей спальни. Она сбросила платье и корсетъ.

— Мнѣ душно! — вдругъ истерически вскрикнула она, срывая ожерелье съ обнаженной шеи. — Мнѣ душно... душно.

И, рыдая, она билась на своемъ пушистомъ бархатномъ коврѣ, какъ трепещущая рыба, выброшенная на песокъ.

XXVII

НАГЛОСТЬ

— Куда же мы поѣдемъ? — спросилъ Грегоровъ Сюзанну, когда они очутились вдвоемъ въ его голубомъ автомобилѣ.

— Я вѣдь навязывалась къ тебѣ на обѣдъ, Мими, — какъ кошечка, ластилась Сюзанна. — Или это тебѣ не подходитъ?

— Я очень радъ видѣть тебя у себя, — сдержанно отвѣтилъ онъ, — но я не предвидѣлъ такой „шалости“, и потому не сдѣлалъ надлежащихъ распоряженій. Впрочемъ, мой старикъ-поваръ всегда на своемъ посту... а провизія всегда въ запасѣ. Дома привыкли къ моимъ неожиданнымъ появленіямъ.

— Итакъ, ѣдемъ къ тебѣ, Мими?

— Ѣдемъ ко мнѣ.

Старый Захаръ, какъ всегда, немного поморщился при видѣ Сюзанны, но съ обычной холодной почтительностью снялъ съ нея шубу и галоши.

— Мы здѣсь обѣдаемъ, старина, — оживленно распоряжался графъ. — Скажи повару, чтобы онъ что-нибудь приготовилъ по своему усмотрѣнію. А ты пока накрой въ маленькой столовой. Да поживѣе, вы всѣ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

— Что, это пріятно, когда всѣ величаютъ „ваше сіятельство“? — насмѣшливо спросила Сюзанна.

— Право, я даже этого не замѣчаю. Вѣдь титулъ принадлежитъ мнѣ съ момента моего рожденія.

— Все-таки привилегія! — язвительно подчеркнула она.

— Я объ этомъ никогда не думалъ. Однако, мы завели въ передней „философскій“ разговоръ. Позвольте вамъ предложить руку и пройдемте въ мой кабинетъ, въ ожиданіи обѣда.

Подъ руку они проходили по анфиладѣ роскошныхъ старинныхъ комнатъ. Въ длинномъ и узкомъ „портретномъ“ залѣ Сюзанна вдругъ остановилась.

— Тутъ все портреты вашихъ предковъ?

— Совершенно вѣрно.

— Назовите ихъ мнѣ...

— Вотъ этотъ рыцарь, словно окованный въ желѣзо, — нашъ родоначальникъ. Это былъ сильный и могущественный человѣкъ. Правда, онъ не былъ королемъ, но онъ самостоятельно сражался съ союзными войсками двухъ королей.

— И побѣдилъ?

— Нѣтъ, былъ побѣжденъ. Но самый фактъ, что онъ сражался съ двумя королями, говоритъ о его могуществѣ. Отъ него нашъ родъ идетъ яснымъ генеалогическимъ деревомъ, до него онъ гдѣ-то теряется въ области сказочныхъ преданій.

— И что же потомъ? Побѣжденный рыцарь былъ заключенъ въ тюрьму?

— Нѣтъ, онъ ловко приблизился къ одному изъ королей-побѣдителей и на турнирѣ получилъ руку младшей королевны — красавицы. Вотъ ея портретъ.

— Такъ что въ вашихъ жилахъ течетъ и королевская кровь?

— Какъ видите.

— Но были у васъ въ роду „мезальянсы“?

— Наше родовое дерево очень чисто. Десятки „коронъ“ сплетаются... Двѣ герцогскихъ, нѣсколько княжескихъ, нѣсколько графскихъ, двѣ баронскихъ и, наконецъ, четыре просто дворянскихъ. Но дворянскія фамиліи, вплетающіяся въ нашъ родъ, такъ чисты и древни, что могутъ только служить украшеніемъ, и, въ свою очередь, въ

своихъ генеалогическихъ древахъ имѣли не мало княжескихъ коронъ.

— Короны, короны и короны! Какъ это внушительно звучитъ для такого маленькаго простенькаго человѣчка, какъ ваша покорная слуга.

— Впрочемъ, въ нашемъ роду былъ одинъ мезальянсъ. Младшій братъ моего прадѣда женился на цыганкѣ. Особаго вреда этотъ бракъ не принесъ нашему роду, такъ какъ цыганская кровь не смѣшалась съ нашею кровью. Черезъ полгода послѣ брака графиня-цыганка умерла, отравленная, какъ говорятъ, по порученію моего пра-прадѣда, лютаго и гордаго старика.

— Это фанатизмъ какой-то! — возмутилась Сюзанна.

— Можетъ быть, — задумчиво проговорилъ графъ, — но въ немъ своеобразная красота, и я эту красоту понимаю!

— Покажите же мнѣ портретъ жестокаго пра-прадѣда.

— Вотъ онъ. Тутъ — въ молодости, тутъ — въ старости.

Два большихъ портрета во весь ростъ висѣли рядомъ. Въ молодости — изящный и красивый воинъ, съ тонкими чертами лица, съ яркими изумрудными глазами. Въ старости — мрачный воинъ съ зловѣщимъ блескомъ глазъ, укрывшихся подъ сѣдыми, нависшими бровями, съ грозной складкой на лбу, съ жестокой полуулыбкой.

— Вы знаете, — прошептала Сюзанна, — въ васъ такъ много сходства съ этимъ портретомъ въ молодости... А глаза? Глаза совсѣмъ такіе, какъ ваши.

— Изумрудные глаза! Да, они повторяются въ нашемъ роду. Вотъ, посмотрите, и здѣсь, и здѣсь...

— Роковые глаза, — пробормотала Сюзанна.

Появленіе Захара прервало эту „генеалогическую“ бесѣду.

— Пожалуйте кушать, ваше сіятельство.

За обѣдомъ Сюзанна смѣялась, нервничала и подливала шампанское въ бокалъ своего собесѣдника.

— За здоровье изумрудныхъ глазъ рода графовъ Грегоровыхъ, бывшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Облачко грусти пробѣжало по лицу графа.

—Изумрудные глаза и родъ графовъ Грегоровыхъ исчезнутъ вмѣстѣ со мною. Въ своемъ завѣщаніи я прошу, чтобы титулъ мой присоединился къ титулу моего наслѣдника, двоюроднаго брата, князя Д. Но это ужъ, конечно, не то.

— Ты еще молодъ, Мими, — кокетливо наклонила головку Сюзанна, — у тебя еще могутъ быть дѣти.

— Не думаю... Во всякомъ случаѣ, „законныхъ" не будетъ...

Шелъ десятый часъ вечера, когда изъ столовой перешли въ кабинетъ. Графъ закурилъ сигару, Сюзанна — папироску.

Заложивъ ногу за ногу, Сюзанна думала, пуская красивыя колечки дыма.

„Онъ твердъ, какъ скала, этотъ графъ съ родовыми изумрудными глазами, но сегодня я сдѣлаю первый натискъ на „твердыню". Канитель начинаетъ мнѣ надоѣдать и надо пользоваться моментомъ. Теперь онъ влюбленъ и ревнуетъ, теперь моментъ начать атаку."

Графъ потушилъ сигару и присѣлъ на скамеечку у ногъ Сюзанны.

— Итакъ, ты мнѣ не скажешь, гдѣ ты обѣдала вчера?

— Нѣтъ. Я нахожу, что у тебя слишкомъ мало правъ, чтобы задавать мнѣ подобные вопросы. Гдѣ я была вчера, тамъ меня нѣтъ сегодня. И теперь я съ тобой. Вотъ мой отвѣтъ...

— А знаешь ли ты, что я провелъ безсонную ночь, полную мученій? Или тебѣ это безразлично?

Она нахмурилась.

— Постой... Когда мы съ тобой сближались, я не хотѣла вводить тебя въ заблужденіе. Я открыла тебѣ свое прошлое. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшительно порвала съ прошлымъ и сознательно выбрала честную, трудовую жизнь, прошли годы, и въ собственныхъ глазахъ я заслужила лучшее отношеніе, чѣмъ то, которое ты мнѣ выказалъ.

— Мое отношеніе самое сердечное. Другія женщины для меня не существуютъ... и я готовъ исполнять твои желанія и даже капризы. Но я требую вѣрности, я умоляю, чтобы ты меня не мучила...

— Постой... Въ первый же день нашей связи ты самъ опредѣлилъ наши отношенія. Ты сказалъ, что не знаешь, долговѣчны ли они. Можетъ быть, годы, а, можетъ быть, и одинъ день... „Пока я буду волновать твою кровь"... Значитъ, каждую минуту я могу очутиться за дверью. Какъ же я могу серьезно смотрѣть на наши отношенія? Я охраняю свое сердце, я боюсь его отдать тебѣ всецѣло, потому что мнѣ пришлось бы заплатить жестокими страданіями... въ тотъ день, когда я „перестала бы волновать твою кровь".

— Сюзанна... ты сама говоришь, что глупыя слова эти были брошены мною въ первый день нашей связи... Тогда я не воображалъ, что мое чувство къ тебѣ будетъ такъ ярко, такъ серьезно... Я не думалъ, что ты сумѣешь меня заставить страдать... А теперь, Сюзанна, ради тебя я готовъ на многія жертвы!

— Слова, слова и слова! На какія жертвы ты готовъ? Ты осыплешь меня деньгами, надаришь мнѣ брилліантовъ? О, какъ это все мнѣ нужно! Или ты думаешь, графъ Марковъ не согласился бы на тѣ же жертвы, еслибы я отдалась ему?

— Молчи!

— Онъ такъ увлеченъ мною, что готовъ забыть вашу многолѣтнюю дружбу и, если захочу, я буду яблокомъ раздора между вами. Вотъ посмотри, читай. Тебѣ знакомъ этотъ почеркъ?

„Я васъ люблю больше жизни... Меня, хладнокровнаго эгоиста, вы свели съ ума. Безумцемъ я былъ, когда прежде бѣжалъ отъ встрѣчи съ вами. Весь вечеръ я буду дома и буду ждать вашего телефона. Куда вы прикажете, я пойду, что вы потребуете, — то я и сдѣлаю".

— Ты понялъ теперь? И ты говоришь о какихъ-то своихъ жертвахъ? Или я должна жалѣть, что люблю тебя, а не графа Маркова?... Ты укорялъ меня въ измѣнѣ, но ты видишь, что ты былъ не правъ. Любовникъ такъ не пишетъ, это посланіе жаждущаго.

Грегоровъ отбросилъ записку Маркова, и съ силой, какъ желѣзными тисками, сдавилъ руку Сюзанны.

— Ты останешься со мной всю ночь! — крикнулъ онъ

въ ревнивомъ бѣшенствѣ. — А по телефону я съ нимъ поговорю!

— Ого! ты, кажется, уже начинаешь мнѣ приказывать? На какомъ основаніи? Кто далъ тебѣ право?

— Ты мнѣ принадлежишь!

— Свободная любовь, Мими, только свободная любовь!

И она звонко, кокетливо разсмѣялась.

— Сюзанна!

Онъ въ отчаяніи закрылъ лицо руками.

Граціознымъ кошачьимъ движеніемъ она къ нему приблизилась, обняла его и щекой прижалась къ его щекѣ.

— Не требуй, а проси. Любя, я многое уже сдѣлала и многое еще могу сдѣлать... Но не требуй, чтобы для тебя я пожертвовала счастьемъ всей жизни. Обѣщаю тебѣ, что я не буду любовницей твоего друга, но передъ соблазномъ сдѣлаться графиней Марковой я не устою.

Онъ быстро поднялъ голову и посмотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на сумасшедшую.

— Что ты сказала?

— Ты, кажется, хорошо слышалъ! И вотъ причина, почему я не могу сегодня отказаться отъ свиданія съ графомъ Марковымъ, но, клянусь тебѣ, что это свиданіе будетъ вполнѣ прилично.

— Ты не пойдешь! Ты всю ночь останешься здѣсь.

— Это возможно только при одномъ условіи...

— Говори... Я согласенъ на всѣ твои условія...

— Это возможно, если ты... если ты женишься на мнѣ...

Онъ поднялся, блѣдный, изумленный, и опять смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на сумасшедшую.

— Ты шутишь! — сказалъ онъ хладнокровно.

Въ первое мгновеніе она растерялась, но потомъ выпрямилась и заговорила съ необычайнымъ нахальствомъ:

— Обладать женщиной, предъявлять къ ней какія-то безсмысленныя права, — это не шутка... Но когда вопросъ ставится на серьезную почву, когда надо доказать свою любовь не только на словахъ, но и на дѣлѣ, — тогда это шутка! Я возмущена до глубины души. Если-бы ты согласился на женитьбу, я, можетъ быть, какъ раба, упала бы къ твоимъ ногамъ, цѣловала бы твои руки, благодарила

бы тебя, но отказалась бы отъ законнаго брака. Зато повѣрила бы твоей любви! Но это шутка... Чѣмъ же ты лучше другихъ? Почему тебѣ я должна жертвовать сердцемъ и жизнью?

Скрестивъ руки на груди, блѣдный, съ нахмуреннымъ челомъ, онъ медленно заговорилъ:

— Когда женщина, родившаяся въ семьѣ плебеевъ, служившая дѣвчонкой для посылокъ въ шляпочной мастерской, съ четырнадцати лѣтъ принадлежавшая по очереди десяткамъ негодяевъ, продававшая свое тѣло сотнямъ другихъ негодяевъ, полуобнаженная, кривлявшаяся на фарсовыхъ подмосткахъ, говоритъ аристократу крови и честному человѣку: женись на мнѣ! — она или шутитъ, или помѣшалась! Такая женщина можетъ требовать ласкъ, страсти, вѣрности, денегъ, брилліантовъ... Но думать, что послѣдній графъ Грегоровъ запятнаетъ позоромъ свой родъ, женится на женщинѣ, съ четырнадцати лѣтъ годами продававшей свое тѣло, — это была бы слишкомъ злая шутка! Да, ты завладѣла моимъ сердцемъ, моей страстью, я безумно тебя ревную, я страдаю, но... скорѣе я пущу себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ назову своей женой Сюзанну Мельвиль. Я слишкомъ честенъ и слишкомъ возмущенъ вашимъ требованіемъ, чтобы не сказать вамъ правды.

Выпрямившись и откинувъ голову, она выслушала всѣ эти жестокія, но правдивыя слова. Безпощадно бичевали они ея больное самолюбіе... и озлобленіе ея росло.

„Погоди, попляшешь ты у меня, — пронеслось въ ея головѣ. — За каждое слово ты мнѣ заплатишь кровью твоего сердца.“

— Вы кончили? — наконецъ холодно спросила она.

Онъ рванулся къ ней.

— И все-таки я люблю тебя, и я...

— Довольно! — она рѣзко его отстранила. — Теперь я поняла, какъ вы меня любите, такъ же, какъ тѣ, какъ всѣ остальные.

— Нѣтъ, Сюзанна...

— Довольно, довольно. Прикажите лакею подать мое манто.

— Ты не уйдешь, Сюзанна.

— Если вы женитесь на мнѣ, графъ.

Онъ позвонилъ, взбѣшенный ея настойчивостью.

— Подайте барынѣ манто! — приказалъ онъ вошедшему Захару.

Старикъ сразу, по выраженію лицъ, догадался, что произошла крупная ссора. Онъ наклонилъ голову, чтобы не замѣтили его улыбку, и широко распахнулъ двери передъ Сюзанной.

— Пожалуйте, — почтительно пригласилъ онъ ее.

Она гордо вышла изъ графскаго кабинета, по дорогѣ прикалывая булавкой шляпу.

Грегоровъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Вотъ она скрылась за дверью коридора.

— Сюзанна! — прошепталъ онъ, сжимая руки.

Ему хотѣлось броситься за нею, остановить ее... но онъ выдержалъ характеръ.

Когда до слуха его долетѣлъ стукъ захлопнувшейся двери, онъ закрылъ лицо руками и безсильно опустился въ кресло.

Уступить ее графу Маркову?! О, какъ это мучительно тяжело. Жениться на ней? Нѣтъ, скорѣе пулю въ лобъ.

Онъ порывисто подошелъ къ телефону. Онъ даже потребовалъ номеръ графа Маркова, но потомъ съ отчаяніемъ бросилъ трубку. Чѣмъ приковала его душу эта женщина? Мгновеніями боль въ сердцѣ становилась такой острой, и борьба съ самимъ собою не подъ силу.

Что, если въ одно изъ такихъ мгновеній слабости онъ ей уступитъ... и женится?

Холодный потъ покрылъ лобъ графа. Позорное прошлое Сюзанны кинематографической лентой завертѣлось передъ его глазами. Нѣтъ, нѣтъ! До этого онъ не опустится.

А вдругъ? И снова холодный потъ, потъ ужаса заливалъ лобъ Грегорова.

— Можно войти, ваше сіятельство? — послышался за дверью осторожный голосъ Захара.

— Что тебѣ? — вздрогнулъ графъ всѣмъ тѣломъ.

Захаръ тихонько пріотворилъ дверь и съ глубокимъ состраданіемъ посмотрѣлъ на осунувшееся блѣдное лицо своего барина.

— Что тебѣ? — нетерпѣливо повторилъ графъ.

— Тутъ какая-то бѣдная дѣвушка просила передать вамъ эту записочку и проситъ отвѣта. Въ рукахъ корзинка, словно только-что съ дороги. Промерзла вся, дрожитъ, губы посинѣли...

— Дай сюда записку.

Графъ прочелъ нѣсколько строкъ, написанныхъ карандашомъ, очевидно, дрожавшей, неповиновавшейся рукою и наспѣхъ:

„Марія Николаевна фонъ-Саксъ проситъ принять ее на минуту.“

— Проси... и будь вѣжливъ... Это баронесса фонъ-Саксъ... Проси ее сюда, прямо въ мой кабинетъ.

Свѣтлый образъ молодой дѣвушки засіялъ въ воображеніи графа.

„Что-нибудь, вѣрно, случилось особенное, если въ двѣнадцатомъ часу ночи она вдругъ обратилась къ его помощи.“

Онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку на порогѣ, ласково овладѣлъ ея обѣими руками и усадилъ въ „дѣдовское“ кресло. Съ удивленіемъ оглядывалъ онъ ея бѣдный, старомодный нарядъ, ея измученное, страдальческое личико, согрѣвая горячими руками ея обледенѣвшія ручки.

— Что-то случилось? Что-то ужасное? — тихо и ласково спросилъ онъ.

Ея нервы не выдержали, слезы брызнули, и, громко всхлипывая, она закрыла лицо руками.

XXVIII

ВОЛЯ СУДЬБЫ

— Бѣдняжка... Измученная, изстрадавшаяся дѣтка! Не надо бояться слезъ, онѣ облегчаютъ горе, — нѣжно говорилъ Грегоровъ и съ чувствомъ братскаго состраданія гладилъ пышные шелковистые волосы. Свѣтъ лампы падалъ на склоненную головку и золотистыя волны волосъ переливались волшебными огоньками.

Долго плакала молодая дѣвушка, облегчая слезами горе, камнемъ давившее ея сердце. Когда она, наконецъ, успокоилась, графъ осторожно спросилъ:

— Что же случилось новаго? Вѣдь мы разстались всего нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Всего нѣсколько часовъ тому назадъ? — съ удивленіемъ переспросила Муся. — А мнѣ кажется, что пролетѣла цѣлая вѣчность. Столько я пережила за эти часы, столько новаго, ужаснаго узнала. Впрочемъ, разскажу все по порядку. Когда вы ушли... ко мнѣ подошелъ Липарскій. У него былъ странный, больной видъ и его слова были похожи на бредъ безумца.

— Что же осмѣлился вамъ сказать этотъ низкій негодяй?

Муся покраснѣла и невольно опустила глаза. Ей стыдно было повторять все то, что говорилъ ей Липарскій.

— Я думаю, онъ самъ не сознавалъ, что именно онъ говорилъ. Повторяю, онъ производилъ впечатлѣніе безумца. Онъ твердилъ, что любитъ меня, что у него нѣтъ больше силъ для лжи и притворства, и многое онъ говорилъ въ этомъ родѣ. И упалъ передо мною на колѣни и цѣловалъ край моего платья.

— Негодяй!

— Чуть не со слезами я умоляла его оставить меня въ покоѣ. Я отодвигалась, онъ все приближался... Прижатая къ стѣнѣ, я не находила выхода, я въ отчаяніи закрыла лицо руками. А онъ все твердилъ свое „люблю“. А мнѣ было страшно и стыдно, впервые я слышала это слово отъ мужчины. И въ эту ужасную минуту вдругъ раздался голосъ моей матери... Я бросилась къ ней, думая найти въ ней защиту, и...

Голосъ молодой дѣвушки прервался, но черезъ силу она продолжала:

— Ахъ, если-бы вы видѣли мою мать!

— Воображаю...

— Съ какой ненавистью она глядѣла на меня, какимъ ядомъ дышали ея оскорбительныя, незаслуженныя мною слова. И она мнѣ все открыла, все то, что вы скрывали отъ меня... О, если-бы вы знали, какую муку пережило мое сердце! Черная пропасть разверзлась передо мной...

— И вы увидѣли мутныя, грязныя волны, и вы услышали бѣшеный ревъ позорнаго потока?

— Да, да... все, какъ вы мнѣ предсказывали.

— А потомъ?

— Раскрывъ передо мною ужасъ и позоръ своей жизни, прошлой и настоящей, она изгнала меня изъ своего дома и осмѣлилась предложить мнѣ денежную помощь... О, Боже мой, могла ли я взять хоть одинъ грошъ изъ ея рукъ... Она моя мать, и я не посмѣю разбираться въ ея поступкахъ... Страшный грѣхъ судить своихъ родителей, ихъ разсудитъ Господь, когда они оба предстанутъ передъ Нимъ... Но еще ужаснѣе былъ бы мой грѣхъ, если-бы я прикоснулась... къ ея деньгамъ...

Холодными руками она сдавила пылавшее лицо.

— Сначала я не могла шевельнуться... словно ноги и руки мои налились свинцомъ, а языкъ присохъ къ гортани... И въ сердцѣ я ощущала такую мучительную боль, словно свѣжую, сочившуюся кровью, рану прижигали раскаленнымъ желѣзомъ. Но вотъ я собрала всѣ свои силы, рванулась и выбѣжала изъ комнаты. Я уже ничего не видѣла и не слышала, я только стремилась вырваться изъ ада. Первымъ моимъ побужденіемъ было сбросить съ себя все то, что было ею мнѣ подарено... Слава Богу, я сохранила старые лоскутки, привезенные изъ отцовскаго дома... Я быстро переодѣлась, связала свою корзиночку, простилась съ доброй Марфой Ивановной и выбѣжала на улицу. Тогда я еще не думала о васъ, я просто бѣжала, куда глаза глядятъ.

— Бѣдное дитя...

— Меня встрѣтила ночь, — мокрая, страшная, холодная... Я долго бродила по улицамъ, пока, наконецъ, получила возможность думать и разсуждать. Подъ открытымъ небомъ, глядѣвшимъ на меня, какъ черная зіяющая пропасть, я была безпомощна и одинока. Я вспомнила, что въ моемъ портмонэ немного болѣе трехъ рублей, а за мои вещи не дадутъ и рубля. Правда, я могла бы переночевать гдѣ-нибудь... Но завтра тотъ же страшный вопросъ всталъ бы передо мною: „куда идти?“ И я вспомнила васъ... Съ такимъ искреннимъ участіемъ предложили вы мнѣ въ безысходную минуту придти къ вамъ за совѣтомъ... Научите меня, куда мнѣ обратиться? Гдѣ мнѣ искать работы?

Утомленная долгою рѣчью, молодая дѣвушка безсильно склонила голову.

— Бѣдное, чистое, славное дитя! — проговорилъ графъ. — Ваше наивное довѣріе глубоко трогаетъ меня... Бѣдный ребенокъ, какъ хорошо, что вы натолкнулись именно на меня, а не на другого. Вамъ также могли бы обѣщать сочувствіе, а потомъ... посмѣялись бы надъ вашимъ довѣріемъ и довели бы васъ до гибели. Ангелъ Господень васъ охраняетъ, если Онъ послалъ васъ именно ко мнѣ. И я не хочу вамъ лгать, не хочу создавать напрасныя иллюзіи. Я знаю жизнь... Вы думаете о работѣ... Но что вы можете?

Безсильно опущенная золотистая головка энергично поднялась.

— Я знаю языки, музыку, я могу подготавливать по всѣмъ предметамъ до четвертаго класса, а дальше — я могу репетировать.

Грустная улыбка промелькнула по его губамъ.

— Да, съ этими познаніями можно было бы заработать кусокъ хлѣба, но... Вы когда-нибудь смотрѣли въ зеркало?

— Ну, да... конечно, — устало отвѣтила она.

— И это зеркало, и окружающіе вамъ говорили, что вы... красивы... что вы прелестны, очаровательны... Къ тому же вы юны, какъ весна... Все это большіе недостатки на томъ поприщѣ, къ которому мы стремитесь.

— Но почему?

— Мужчины будутъ на васъ заглядываться, найдется не мало недостойныхъ, которые, не стѣсняясь въ средствахъ, въ ловушкахъ, будутъ стараться овладѣть вами... А при вашей наивности и довѣрчивости... это совсѣмъ не такъ трудно... заманить васъ въ какую-нибудь грязную ловушку на самой благородной подкладкѣ. А женщины... женщины будутъ васъ избѣгать и ненавидѣть... изъ ревности, изъ страха, что вы можете завладѣть сердцемъ ихъ мужа или возлюбленнаго, или отобьете поклонника... Яркій и страшный примѣръ того, что я вамъ говорю, вы видѣли сегодня... Ваша родная мать приревновала васъ къ другу сердца и была къ вамъ безпощадна. Чего же ждать отъ другихъ?

— Вы правы... Кто-то говорилъ мнѣ объ этомъ и раньше, но... я не придавала значенія. Послѣ того, что

случилось сегодня... я вижу, что вы правы... Что же мнѣ дѣлать? Больше я ничего не умѣю. Простой прислугой меня не возьмутъ, пожалуй, потому что я баронесса. Я вижу, что напрасно побезпокоила васъ... Простите. Для меня одинъ только выходъ... могила... И Господь проститъ меня.. за мой грѣхъ... Смерть благороднѣе всѣхъ этихъ пошлыхъ исканій жизни... Тамъ приголубитъ и защититъ меня свѣтлая душа моего отца... рыцаря вѣчной любви.

Послѣднія слова молодая дѣвушка произносила тихо-тихо, какъ въ бреду. Глаза ея устало закрылись и рѣсницы нервно трепетали, какъ крылья пойманной бабочки. Но вотъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, широко открыла глаза и поднялась.

— Я, кажется, наговорила глупостей, — горько улыбнулась она. — Простите меня, графъ... Уже поздно, и я вамъ порядкомъ надоѣла своей болтовней. Утро вечера мудренѣе... Пойду переночую въ знакомой мнѣ маленькой гостиницѣ, въ ней я уже останавливалась, когда пріѣхала сюда.

И молодая дѣвушка протянула графу руку. Онъ крѣпко взялъ ее обѣими руками, подвелъ Мусю къ отоманкѣ и усадилъ межъ подушекъ.

— Такъ вамъ будетъ удобнѣе... облокотитесь, Марія Николаевна... Я вижу, вы очень утомлены... Сейчасъ я прикажу вамъ подать добраго стараго вина, и два-три глотка васъ подкрѣпятъ... Тогда мы поговоримъ болѣе подробно. Разъ вы обратились ко мнѣ, — вы не уйдете отсюда безпомощная. Мы что-нибудь придумаемъ... Мой мозгъ мнѣ плохо повинуется сегодня, такъ какъ я тоже перенесъ крупную нравственную непріятность... Но ваше горе отрезвило меня... и мы что-нибудь придумаемъ...

На звонокъ графа осторожно вошелъ Захаръ. Молодая гостья полулежала среди подушекъ на отоманкѣ съ такимъ блѣднымъ, истомленнымъ, страдальческимъ лицомъ, что ни на одну минуту не могла придти мысль о „любовномъ приключеніи". И сѣрые умные глаза старика съ глубокимъ состраданіемъ остановились на очаровательномъ лицѣ незнакомки. По костюму онъ принялъ ее за простую дѣвушку, но теперь готовъ былъ биться объ за-

кладъ, что это настоящая аристократка по рожденію. Не то, что та „халда", какъ онъ мысленно называлъ Сюзанну.

— Подашь вина, самаго стараго, и рюмочку... Баронессѣ нездоровится...

— Венгерскаго, ваше сіятельство?

— Ну, да, венгерскаго. Живо поворачивайся, старина.

Но Захаръ засуетился и безъ этого „живо". Вскорѣ онъ вернулся съ подносомъ, на которомъ стояла запыленная старая бутылка и два хрустальныхъ стаканчика. Онъ слѣдилъ за своимъ бариномъ, какъ тотъ наполнилъ оба стаканчика виномъ, и одинъ изъ нихъ бережно поднесъ къ горько сжатымъ губамъ незнакомки.

— Прошу васъ, баронесса, выпейте этотъ стаканчикъ, — почтительно проговорилъ онъ. — Когда я боленъ или утомленъ, я всегда лѣчусь этимъ чудеснымъ виномъ. Старое преданіе нашего рода приписываетъ ему волшебныя свойства.

Молодая дѣвушка приняла стаканъ изъ руки графа и послушно выпила его до дна. Ея блѣдныя щеки чуть-чуть окрасились и оживился ея взглядъ, какъ будто дѣйствительно было что-то волшебное въ старомъ винѣ.

— Можешь идти, Захаръ, а вино оставь здѣсь на столикѣ.

Когда слуга скрылся за дверью, плотно притворивъ ее за собой, графъ снова обратился къ своей гостьѣ:

— Теперь посидите спокойно, Марія Николаевна, а я серьезно подумаю, что намъ предпринять.

— Но я боюсь, что будетъ поздно...

— Не бойтесь. Вы обратились къ „чудаку", и въ этомъ ваше счастье, милая „чудачка", — пошутилъ онъ. — Итакъ, вы отдыхаете и собираетесь съ силами, а я рѣшаю, какъ намъ быть...

Муся больше не протестовала. Въ удобной позѣ отдыхало ея утомленное, разбитое тѣло. Старое вино теплой струей разливалось по ея жиламъ. Усталая головка, безсильно откинувшись, прижалась къ подушкамъ. Глаза закрылись. Послѣднія шпильки, еще уцѣлѣвшія во время укладки и безцѣльной бѣготни по мокрымъ улицамъ, выскользнули, и роскошныя волны золотыхъ волосъ разсыпались. Муся не спала. Нервы ея были слишкомъ натя-

нуты. Въ полузабытьѣ она вновь переживала свое тяжелое горе, и сердечная мука отражалась на ея лицѣ.

Графъ медленно ходилъ по громадной комнатѣ изъ угла въ уголъ заглушенными ковромъ шагами. Брови его были сдвинуты, тонкія синія жилки налились кровью и вспухли на вискахъ. Онѣ всегда вспухали, эти синія жилки, когда графъ о чемъ-нибудь напряженно думалъ.

А мысли вихремъ кружились въ его головѣ. Вся сегодняшняя сцена съ Сюзанной воскресла передъ нимъ. Снова его охватилъ ужасъ при мысли, что она, въ концѣ-концовъ, въ минуту слабости, заставитъ его жениться на себѣ. И тогда... одинъ конецъ... пулю въ лобъ. Но даже кровавая смерть не смоетъ позора такой женитьбы. Его пра-прадѣдъ женился на цыганкѣ, на бѣдной, но честной дѣвушкѣ... и то эта несчастная заплатила жизнью за свое кратковременное торжество. А что бы сказали предки Грегорова, если-бы ихъ незапятнанная корона засіяла на уже вѣнчанной позоромъ бѣлокурой головкѣ Сюзанны? И холодный потъ ужаса выступилъ на лбу графа.

— Нѣтъ, нѣтъ!

И вдругъ новая мысль, какъ острая, мѣткая стрѣла, впилась въ его мозгъ. А что, если... жениться на этой бѣдняжкѣ? Чтобы себя спасти отъ Сюзанны, а молодую дѣвушку отъ горькой жизни...

Мысль, въ первую минуту показавшаяся безумной, съ каждымъ мгновеніемъ укрѣплялась въ мозгу. Чистая, честная, свѣтлая дѣвушка, баронесса фонъ-Саксъ, имѣетъ всѣ права на титулъ графини Грегоровой.

Правда, поведеніе ея матери... Но... развѣ она отвѣтственна за нее? Развѣ мало примѣровъ, что титулованныя старушки начинаютъ бѣситься? Хотя бы свѣтлѣйшая княгиня Брезинская? Развѣ ея поведеніе мѣшаетъ ея дочери блистать въ высшемъ свѣтѣ какъ княгинѣ Лирской? Княгиня Лирская при встрѣчахъ не узнаетъ своей матери, не будетъ узнавать баронессу фонъ-Саксъ и графиня Грегорова.

А какая это будетъ месть Сюзаннѣ Мельвиль!

Грегоровъ невольно взглянулъ на Мусю. Она словно замерла въ полузабытьѣ, убранная золотомъ своихъ волосъ.

Старое вино разогрѣло ея кровь, окрасило пурпуромъ губы и щеки. Она казалась спящей красавицей-царевной.

И въ пыли безпощадной жизни дать погибнуть этому дивному, нѣжному созданію? Но вѣдь это было бы преступленіемъ!

А согласится ли она? Слишкомъ честно и правдиво смотритъ она на жизнь! Надо постараться убѣдить ее. Вѣдь, ничего плохого онъ ей не предложитъ. Онъ дастъ ей свое имя, какъ защиту. Какъ только она пожелаетъ, онъ путемъ развода вернетъ ей свободу. Къ этому вопросу надо подойти очень осторожно.

И теперь графъ Грегоровъ былъ полонъ желанія убѣдить Мусю принять его жертву. Въ глубинѣ его души дрожала дикая радость: какъ тонко и ядовито онъ отомститъ Сюзаннѣ Мельвиль за причиненныя ему муки, за ея наглость!

Онъ опустился въ кресло, стоявшее рядомъ съ оттоманкой. Молодая дѣвушка открыла глаза.

— А я думалъ, что вы заснули, Марія Николаевна.

— О, нѣтъ... Я все думала... все о томъ же... и сердце такъ болитъ... такъ тяжело... И эта неизвѣстность.

— И я тоже думалъ... и, знаете, нашелъ отличный выходъ.

Она даже слегка приподнялась, но, слабая, снова упала на подушки.

— Прежде всего, мнѣ нужно ваше довѣріе, Марія Николаевна.

— Оно всецѣло вамъ принадлежитъ, — грустно улыбнулась Муся.

— Тогда мнѣ будетъ легче... Я нашелъ способъ, который разомъ поможетъ намъ обоимъ выйти изъ бѣды, и вамъ, и мнѣ. Видите ли, у меня есть имѣніе, большое, хорошее, благоустроенное. Теперь мнѣ хотѣлось бы подумать о моихъ крестьянахъ... Улучшить школу, больницу и все такое. Мнѣ нуженъ вѣрный человѣкъ, который правдиво сообщалъ бы мнѣ обо всѣхъ нуждахъ, и тамъ на мѣстѣ работалъ бы за меня. Вотъ это дѣло я хочу вамъ предложить. Правда, въ деревнѣ скучно и дѣло трудное, но... я думаю, оно вамъ подойдетъ.

— Я съ восторгомъ! — оживилась Муся. — Я люблю

деревню. Вы мнѣ дадите скромный уголокъ... а я буду работать, не покладая рукъ. Такой почетный и славный трудъ... Я...

— Постойте, Марія Николаевна. Вы забываете нѣкоторыя „но“, диктуемыя намъ жизнью. Во-первыхъ, вы — дѣвушка, во-вторыхъ, — баронесса фонъ-Саксъ, въ-третьихъ, я — порядочный человѣкъ. И вашъ трудъ, и ваша помощь, все это возможно только при одномъ условіи... Но объ этомъ условіи я боюсь даже заикнуться, чтобы не испугать васъ. Къ тому же я преслѣдую и эгоистическую цѣль... если вы согласитесь, то и мнѣ поможете выбраться изъ бѣды. И это не выдумка... Какъ только вы пришли сегодня, я вамъ сказалъ, что у меня свое горе...

— Въ чемъ же дѣло?

— Не торопите меня, Марія Николаевна... Прежде, чѣмъ я вамъ скажу, въ чемъ дѣло, я хочу повторить всѣ выгоды его для насъ обоихъ, чтобы заранѣе заручиться согласіемъ. И, помните, если вы откажетесь отъ того, что я вамъ предложу отъ чистаго сердца, вы смертельно меня оскорбите... Итакъ, своимъ согласіемъ вы освободите меня отъ грозящей мнѣ бѣды, вы избавитесь отъ петербургскихъ сплетенъ и отъ петербургской грязи, вы отдохнете въ деревнѣ, успокоитесь, и вы принесете громадную пользу бѣднымъ, темнымъ людямъ.

— Боже мой, конечно, я согласна...

— И вы заранѣе даете слово?

— Да, я его даю...

— Въ такомъ случаѣ я становлюсь болѣе рѣшительнымъ. Я прошу вашей руки, Марія Николаевна.

Вся блѣдная, дрожащими губами она повторила тотъ вопросъ, который сегодня Грегоровъ бросилъ Сюзаннѣ:

— Вы шутите, графъ?

XXIX

ЖРЕБІЙ БРОШЕНЪ

— Вашимъ вопросомъ вы оскорбляете меня, Марія Николаевна, — печально проговорилъ графъ. — Можно ли такъ шутить?

Машинально она скручивала на затылкѣ волны своихъ волосъ, подбирая разсыпавшіяся шпильки.

— Я, право, не знаю, что вамъ сказать. Бракъ... я его совсѣмъ иначе себѣ представляла. Взаимная любовь. Бракъ долженъ связывать людей, которые не могутъ жить одинъ безъ другого. А тутъ...

— А тутъ, — быстро перебилъ ее графъ, — это — единственное средство, чтобы спасти насъ обоихъ. Никакихъ обязанностей, никакихъ цѣпей этотъ бракъ ни на одного изъ насъ не налагаетъ. Когда кому-нибудь изъ насъ понадобится свобода, она будетъ къ его услугамъ. Разводъ теперь не труденъ... Сейчасъ же послѣ вѣнца вы поѣдете въ имѣніе... а я... останусь здѣсь... и не буду васъ безпокоить въ вашемъ уединеніи. Если вамъ что-нибудь понадобится, — вы мнѣ напишите, какъ доброму вѣрному другу.

— Боже мой...

— А меня... меня этотъ бракъ спасетъ... можетъ быть, даже отъ смерти...

— Но вѣдь вы... любите другую женщину?

— Не касайтесь этой раны, Марія Николаевна. Клянусь вамъ, что нашъ бракъ будетъ для меня спасеніемъ. Или вы хотите погубить насъ обоихъ своимъ отказомъ? Въ вашемъ колебаніи чувствуется недовѣріе. Или вы думаете, что мною руководитъ злая задняя мысль? Вы обижаете меня, Марія Николаевна. Я иду вамъ навстрѣчу съ чистой душой.

— Я не хотѣла бы... эксплоатировать...

— Что вы, что вы! Какое длинное, скверное слово... По рукамъ, Марія Николаевна... Я жду вашего согласія.

Она робко протянула ему руку и ея застѣнчивый смущенный взглядъ встрѣтился съ его глазами. Какое у него было красивое, славное, свѣтлое лицо! Онъ крѣпко пожалъ ея руку и его губы почтительно прикоснулись къ ея рукѣ.

Появившагося на звонокъ Захара графъ встрѣтилъ торжественнымъ приказаніемъ:

— Шампанскаго, старина! Я хочу выпить за здоровье моей невѣсты.

Захаръ даже покачнулся отъ неожиданности. Не шу-

титъ ли проказникъ?... Но у господина его было такое свѣтлое лицо, а прекрасное личико незнакомки было буквально залито румянцемъ смущенія. Захаръ опрометью бросился исполнять приказаніе.

„Вотъ-то суприз-то халдѣ!“ — мысленно твердилъ онъ, захлебываясь отъ восторга.

— Это очень старый слуга, онъ былъ еще крѣпостнымъ моего дѣда... и потому у насъ такія „фамильярныя отношенія“. И мой покойный отецъ, и я... мы оба выросли на его рукахъ. Онъ былъ сверстникомъ дѣда и вмѣстѣ съ нимъ игралъ въ снѣжки. Хорошій старикъ этотъ Захаръ, преданный, и я его очень люблю, — пояснилъ графъ своей невѣстѣ.

Руки Захара дрожали отъ волненія, когда онъ разливалъ шампанское въ бокалы. Графъ подалъ бокалъ молодой дѣвушкѣ.

— За нашъ бракъ. За ваше счастье, баронесса, — растроганнымъ голосомъ проговорилъ онъ, чокаясь съ Мусей.

— И вамъ дай Богъ всего лучшаго, всего, чего вы сами себѣ желаете въ жизни.

Слезинки задрожали на длинныхъ рѣсницахъ молодой дѣвушки.

— Господь да пошлетъ вамъ миръ, совѣтъ и любовь,— дрожащимъ голосомъ пожелалъ старый слуга.

— Спасибо, старина... Теперь надо подумать о томъ, гдѣ бы устроить баронессу на сегодняшнюю ночь... Вотъ что, старина, поди-ка приведи въ порядокъ комнаты моей бывшей жены. Давненько я туда не заглядывалъ, но думаю, что тамъ баронесса найдетъ полный комфортъ. И потомъ эти комнаты совсѣмъ обособлены... Иди же, старина, а то баронесса совсѣмъ падаетъ отъ усталости, ей необходимъ отдыхъ.

— Сколько безпокойства изъ-за меня, — протестовала Муся.

— Не могу же я не заботиться о моей будущей женѣ, — тонко улыбнулся графъ. — Если-бы вы знали, какъ я доволенъ, что все такъ складывается! Въ одно и то же время я какъ-бы спасаю добрую, хорошую дѣвушку и удовлетворяю свою месть. Я гдѣ-то читалъ, что въ былые

годы, когда на Руси было много идеалистовъ, такіе браки, какъ нашъ, бывали не рѣдки. Какая-нибудь молодая дѣвушка стремилась къ высшему образованію, къ идейной жизни, а родители ея настаивали на выгодномъ, но противномъ бракѣ. Тогда спасителемъ являлся молодой идеалистъ и женился на дѣвушкѣ, чтобы дать ей возможность выйти изъ-подъ опеки „отсталыхъ" родителей и начать самостоятельную жизнь, полную идейнаго труда. Послѣ брака молодожены расходились въ разныя стороны и иногда не встрѣчались до самой смерти... И нашъ будущій бракъ напоминаетъ мнѣ это славное прошлое.

Муся вздохнула.

— Все-таки у меня тяжко на сердцѣ... Пришла я къ вамъ, навязала вамъ свое горе, а теперь принимаю вашу благородную жертву.

— И тѣмъ самымъ спасаете меня отъ большихъ непріятностей, а, можетъ быть, отъ самоубійства.

— Неужели вы способны были бы на такой тяжкій грѣхъ?

— Я былъ близокъ къ нему уже одинъ разъ, когда разочаровался въ своей женѣ.

Если-бы Муся задала ему хоть одинъ вопросъ, онъ бы откровенно повѣдалъ ей свою семейную тайну. Молодая дѣвушка располагала его къ дружеской откровенности. Но Муся была слишкомъ скромна, она молчала, потупивъ головку.

— Все готово, ваше сіятельство, — доложилъ Захаръ.

— Увы, баронесса, у насъ въ домѣ нѣтъ женской прислуги, и я...

— Виноватъ, ваше сіятельство, — почтительно перебилъ Захаръ, — я уже распорядился и позвалъ Анисьину дочку.

— Какой Анисьи?

— Нашей прачки. Она умѣлая...

— Вотъ и прекрасно... Вашу руку, баронесса, я проведу васъ до дверей вашихъ комнатъ.

Пройти пришлось черезъ цѣлый рядъ комнатъ, за портретный залъ. Громадныя зеркала отражали оригинальную пару: красавицу Сандрильону, наряженную въ бѣдные провинціальные лоскутки, и изящнаго, элегантнаго

„принца“. Когда они медленно проходили черезъ портретный залъ, — всѣ эти важные предки въ коронахъ и латахъ, всѣ эти „дамы“ въ фамильныхъ брилліантахъ и въ придворныхъ туалетахъ, одни улыбаясь, другіе хмурясь, какъ-будто съ любопытствомъ поглядывали на будущую графиню Грегорову. Можетъ быть, когда-нибудь портретъ этой „венеціанской“ головки займетъ по сосѣдству съ ними одно изъ пустыхъ мѣстъ на стѣнѣ?

А Грегоровъ вспоминалъ другую ночь. Послѣ свадебнаго пира, гордый и счастливый, также подъ руку велъ онъ къ этимъ комнатамъ свою молодую, любимую жену, красавицу-Ундину. Сколько было надеждъ и какъ сладостно замирало все его существо, предвкушая близкое блаженство!

Красавица-Ундина гордо и неслышно ступала по коврамъ, усыпаннымъ цвѣтами. Царственный шлейфъ свадебнаго платья, тихо шелестя, волочился за нею. Ярко сверкали фамильныя драгоцѣнности, заливая огнями стройную фигуру.

— Вотъ ваши комнаты, баронесса, — почтительно проговорилъ графъ, останавливаясь у закрытыхъ дверей. — Спокойной ночи!

Онъ коснулся губами нѣжной руки, дружески къ нему протянувшейся, и поспѣшно ретировался.

А тогда въ ту брачную ночь? О, тогда онъ смѣло переступилъ порогъ этихъ комнатъ, слѣдуя за своей царицей. И онъ закрылъ дверь на ключъ, хотя и такъ не нашлось бы дерзкаго, который осмѣлился бы переступить порогъ его святилища. И онъ страстно прижалъ къ своей груди королеву-Ундину!

Прочь, прочь... злыя воспоминанія. Слишкомъ хороша была его брачная ночь, и потомъ каждый поцѣлуй счастья и страсти кровавой раной, откликнулся въ его сердцѣ. Прочь! Прочь злыя воспоминанія!

— Иванъ Федоровичъ дома? — спросилъ онъ Захара.

— Господинъ управляющій дома, ваше сіятельство.

— Пошли его ко мнѣ въ кабинетъ.

Иванъ Федоровичъ Процкій не замедлилъ явиться на зовъ своего господина. Это былъ маленькій, юркій и лукавый человѣчекъ, умѣвшій казаться преданнымъ. У него были

довольно красивыя черты лица, но густая шевелюра и густая борода придавали ему нѣсколько дикій видъ. Къ тому же онъ старался утрировать свою „простоватость", считая, что она подчеркиваетъ его искренность.

Грегоровъ считалъ его человѣкомъ „себѣ на умѣ", но цѣнилъ его ловкость. И теперь съ щекотливымъ вопросомъ своей внезапной оригинальной женитьбы графъ обратился именно къ нему.

Въ нѣсколькихъ словахъ, не посвящая его въ интимную сторону, графъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

Играя въ простоту, Процкій почесалъ свой затылокъ.

— Ну, и тюнти! Только нашъ графъ и можетъ все такъ скоро придумать и рѣшить. А когда господинъ графъ думаетъ совершить брачный обрядъ?

— Завтра! Обязательно завтра!

— Ну, и тюнти! Есть надъ чѣмъ голову поломать! А документы у господина графа налицо?

— Завтра, къ двѣнадцати часамъ, всѣ документы будутъ у васъ въ рукахъ. Моя невѣста совершеннолѣтняя, разрѣшенія родителей не нужно, я тоже воленъ поступать, какъ мнѣ вздумается. Остальное все возьмите на себя. Денегъ не считайте, пожалуйста, и никакой экономіи не наводите.

— А свадебные наряды, цвѣты и все прочее?

— Баронесса обвѣнчается въ дорожномъ туалетѣ. Но такъ какъ у нея ничего нѣтъ, кромѣ провинціальныхъ тряпокъ, завтра къ десяти часамъ должна быть здѣсь великолѣпная портниха и должна приготовить дорожный туалетъ къ часу вѣнчанія. Все это надо подогнать такъ, чтобы съ десятичасовымъ поѣздомъ уже можно было бы ѣхать въ имѣніе, въ „Красовку".

— Тогда господинъ графъ позволитъ сегодня же дать срочную телеграмму въ „Красовку" о его пріѣздѣ? — хитро спросилъ управляющій.

— Я не поѣду, — рѣзко отвѣтилъ графъ, — у меня тутъ еще много дѣлъ! Но надо телеграфировать, чтобы все было готово къ пріему моей жены, и чтобы тамъ ей повиновались, какъ мнѣ. Портнихѣ закажите все остальное приданое, и мы пошлемъ его вдогонку, когда все будетъ готово. Предупредите, что заказъ экстренный.

— Я бы предложилъ господину графу, въ качествѣ одного изъ свидѣтелей, просить графа Маркова.

Яркая краска разомъ обожгла лицо графа. Послѣ короткой внутренней борьбы онъ сказалъ почти спокойно:

— Вы правы... только съ Алексиса надо взять слово, что онъ не будетъ болтать раньше времени. И вы примите это къ свѣдѣнію.

— Господинъ графъ... вы меня обижаете...

— Я только предупреждаю.

Графъ всталъ, сейчасъ же вскочилъ и управляющій.

— А теперь спокойной ночи... Пошлите мнѣ Захара.

Спальня Грегорова поражала роскошью, это была старинная спальня въ стилѣ Людовика XIV, гдѣ золото сплеталось съ пурпуромъ.

— Я чувствую, что мнѣ трудно будетъ заснуть сегодня, старина. А, между тѣмъ, мнѣ не слѣдуетъ думать... Поздно думать, когда все уже рѣшено...

— Выпейте хорошій бокалъ стараго венгерскаго, такъ скоро заснете... Волшебное питье... Вашъ покойный батюшка часто имъ спасался отъ безсонницы... И, помните, въ ту страшную ночь, когда вы хотѣли лишить себя жизни... Этимъ виномъ вы были спасены. Послушайте стараго слугу, ваше сіятельство, какъ тогда его послушались.

— Ладно, старина, дай мнѣ твоего волшебнаго зелья.

Какъ нѣжная мать, старый слуга напоилъ своего графчика виномъ, оправилъ пуховое одѣяло и тихо побрелъ къ дверямъ. Графъ не пошевельнулся.

— Спитъ, сердечный... Да храни тебя Господь, дитятко...

И съ порога широкимъ крестнымъ знаменіемъ старый Захаръ осѣнилъ своего графчика.

— Спи, дитятко.

И, правда, было что-то трогательно-дѣтское въ красивомъ лицѣ безмятежно спавшаго.

Между тѣмъ, дверь передъ Мусей въ „ея“ комнаты распахнула бойкая дѣвушка, дочь графской прачки Анисьи.

— Ты смотри, Тинка, хорошо прислуживай баронес-

сѣ! — еще разъ черезъ дверь внушительно сказалъ ей Захаръ.

Муся вошла въ первую изъ предназначенныхъ ей комнатъ. Тутъ царилъ полный контрастъ всему, что, какъ сквозь сонъ, видѣла Муся въ старинномъ домѣ графовъ Грегоровыхъ. Сумрачная тяжелая роскошь уступала мѣсто веселому и легкомысленному стилю décadence. Первая — свѣтло- зеленая гостиная со стѣнами, разрисованными водорослями и водяными лиліями, съ хрустальными вазами и перламутровой мебелью въ видѣ раковинъ, казалась дномъ волшебнаго озера.

Противъ двери на стѣнѣ висѣлъ портретъ во весь ростъ бывшей хозяйки этой комнатки въ фантастическомъ костюмѣ Ундины. Свѣтло-зеленый газъ сочетался съ водорослями, съ водяными лиліями, съ распущенными пепельными волосами. Гордая, надменная, холодная, она улыбалась, обнажая рядъ ровныхъ жемчужныхъ зубовъ. Огромныя зеркала со всѣхъ сторонъ отражали портретъ Ундины.

Муся невольно остановилась и молча любовалась этимъ кусочкомъ фантастическаго водяного царства и изображеніемъ той, которая здѣсь царила.

Слѣдующая комната — свѣтло-лиловый будуаръ, гдѣ каждый уголокъ говорилъ о комфортѣ, уютѣ и нѣгѣ. Тутъ портреты бывшей графини Грегоровой предстали во множествѣ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, позахъ и туалетахъ. Очевидно, Ундина любила рядиться. Шелковые обои были разрисованы красивыми гирляндами розъ, и въ причудливомъ сочетаніи цвѣтовъ всегда получалось одно и то же имя, ея имя: Ольга.

Въ этой комнатѣ Муся остановилась только на нѣсколько мгновеній и вошла въ третью — въ спальню графини Ольги. Вся снѣжно-бѣлая, она была похожа на изящный зимній пейзажъ.

Рядомъ со спальней была еще одна большая комната, недоступная для „непосвященныхъ“. Она дѣлилась на двѣ половины: гардеробную и ванную. Въ маленькомъ мраморномъ бассейнѣ, окруженномъ зеркалами, плескалась красавица Ундина.

Тинка боялась вступать въ разговоръ съ молчаливой и

грустной госпожей. Она суетилась, помогая баронессѣ раздѣться. Мусю стѣсняло присутствіе посторонней и она торопливо улеглась въ постель и отпустила Тинку.

— Баронесса позвонитъ, если я ей понадоблюсь... Вотъ звонокъ.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Такъ Тинка и ушла, не солоно хлебавши, ничего не разнюхавъ. А она знала, что ее уже поджидаетъ любопытная челядь съ разспросами. Но если Тинка ничего не узнала, то сочинять и фантазировать она умѣла, и это ее успокоило.

Какъ только Тинка скрылась, Муся босикомъ подбѣжала къ двери и закрыла ее на ключъ и на задвижку. Она сама не знала, чего и кого она боится, но страхъ наполнялъ ея душу. Теперь она уже раскаивалась, что согласилась на предложеніе графа, но она дала слово и уже нельзя было отступить. Да и куда?

Тамъ, въ деревнѣ, она дѣйствительно, можетъ быть, принесетъ пользу многимъ бѣднымъ, темнымъ людямъ. Наберетъ дѣтишекъ, будетъ ихъ учить, обшивать. Простыми домашними средствами будетъ облегчать страданія больныхъ. Надо захватить съ собою лѣчебники и другія полезныя книги.

Мечтая о своей будущей дѣятельности въ деревнѣ, Муся, утомленная и разбитая тяжелымъ днемъ, крѣпко заснула.

Засыпая, слабѣющей рукой она крестилась и шептала:

— Господи, Ты со мною, Ты не оставилъ меня... Благодарю Тебя, Господи. И тебя, папа, за твои молитвы — благодарю.

XXX

СВЕРШИЛОСЬ

Графъ Грегоровъ проснулся сравнительно рано, около 9 утра. Сразу онъ и не вспомнилъ всего, что произошло наканунѣ, но его охватило лихорадочное сознаніе чего-то важнаго, что должно было сегодня случиться. Онъ сталъ неистово звонить.

— Господи, ваше сіятельство, случилось что-нибудь?— вбѣжалъ испуганный слуга. — Экъ вы звоните. Баронессу разбудите.

Послѣдняя фраза все сразу напомнила графу, и онъ вскочилъ и сталъ быстро одѣваться. Теперь, мысленно анализируя вчерашній день, онъ не раскаивался въ принятомъ рѣшеніи, хотя уже развѣялась та поэзія, которая вчера нѣжной дымкой обволакивала его душу. Во всякомъ случаѣ, мысль объ „отступленіи" ни на одинъ мигъ не мелькнула. Напротивъ, нѣсколько разъ онъ повторилъ самому себѣ:

— Это должно быть именно сегодня.

Захаръ, зачѣмъ-то уходившій изъ спальни, вернулся угрюмый.

— Тамъ эта госпожа трезвонитъ, что изъ Фарса. Я ей сказалъ, что васъ сейчасъ нѣтъ дома, такъ она спрашиваетъ, когда можетъ васъ застать? Ждетъ отвѣта.

Захаръ испытующими глазами слѣдилъ за господиномъ. Не укрылось отъ стараго слуги страшное волненіе, охватившее графа.

„Неладно тутъ дѣло"! — подумалъ Захаръ.

— Скажешь ей, что на сегодня... я отозванъ въ Царское Село... и вернусь только завтра утромъ.

— Больше ничего?..

— Ничего... Нѣтъ, постой... Скажи, чтобы завтра протелефонировала. Когда повѣсишь трубку... соедини меня съ этимъ... ну, какъ его?.. съ графомъ Алексисомъ. Если онъ дома, я подойду къ телефону.

Захаръ вышелъ, а Грегоровъ въ страшномъ волненіи опустился на стулъ. Сердце его учащенно билось, и словно кто-то давилъ ему горло, такъ тяжело дышалось. Сильна была надъ нимъ власть этой бездушной женщины-вакханки! Войди она сейчасъ въ эту комнату и помани его за собой, и онъ бросилъ бы все и побѣжалъ бы за нею.

И если-бы она знала, какія тучи сдвигаются надъ ея головой, она была бы уже здѣсь и вырвала бы дикую месть изъ рукъ своего любовника. Но она хладнокровно продолжала свою игру, не подозрѣвая о готовившемся ударѣ.

— Графъ Марковъ у телефона, ваше сіятельство, — доложилъ Захаръ.

Графъ порывисто вскочилъ и побѣжалъ къ телефону.

— Ты, Алексисъ? Мнѣ необходимо тебя видѣть. Пріѣзжай сію минуту. Ахъ, да брось всѣ свои дѣла на сегодня... Мнѣ необходима твоя дружеская помощь. Все объясню при свиданіи... Такъ я жду тебя. Торопись, ради Бога...

И черезъ четверть часа Марковъ уже входилъ въ кабинетъ своего друга.

— Ну, что у тебя загорѣлось? — оживленно спросилъ онъ, подозрительно поглядывая на пріятеля. — Бросай всѣ свои дѣла, лети къ нему, какъ угорѣлый... Что у тебя? Пожаръ? Дуэль? Да говори же, дружище Мишель!

— Постой... Прежде, чѣмъ я тебѣ скажу, въ чемъ дѣло, ты долженъ мнѣ дать честное слово, что никому не скажешь о происшедшемъ. Слышишь? Никому на свѣтѣ...

— Даю тебѣ честное слово.

— Я тебѣ вѣрю, Алексисъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Сегодня я женюсь и прошу тебя быть свидѣтелемъ...

— Да ты не рехнулся ли?

— Брось свои шутки, онѣ не у мѣста.

— На комъ же ты женишься? Неужели Сюзаннѣ Мельвиль удалось-таки тебя поймать?

— На женщинахъ, подобныхъ Сюзаннѣ Мельвиль, не женятся!—страшно волнуясь, рѣзко подчеркнулъ графъ.— Моя будущая жена порядочная, честная дѣвушка.

— Слава Богу! Но что за странный бракъ... Третьяго дня ты о немъ и не думалъ, кажется?

— Совершенно вѣрно, я и вчера днемъ еще не думалъ объ этомъ бракѣ. Но такъ сложились обстоятельства... Я себя обрекъ на холостую жизнь и жертвую призракомъ свободы, чтобы спасти хорошую, свѣтлую дѣвушку... Я ей дамъ разводъ, какъ только онъ ей понадобится... а самъ я буду продолжать ту жизнь, которую веду, и теперь...

— Ты меня прости, Мишель, но это странное донъкихотство... новое чудачество.

— Я просилъ тебя пріѣхать не для критики, а для помощи. И помни свое честное слово: до свадьбы никому не говори о происшедшемъ... впрочемъ, это только до свадьбы, а потомъ... всѣ узнаютъ, все равно... И имени

невѣсты я тебѣ сейчасъ не назову. Могу только сказать, что это чистое, свѣтлое созданіе...

— Когда же свадьба?

— Сегодня... но часа я еще самъ не знаю...

— Во всякомъ случаѣ, я бросилъ всѣ свои дѣла и весь день въ твоемъ распоряженіи. Ты меня угостишь завтракомъ, обѣдомъ, дашь мнѣ возможность выспаться и все такое. И ты будешь гарантированъ, что я никому не проболтаюсь.

— Но тебѣ придется завтракать одному, потому что со мной будетъ завтракать моя невѣста.

— О, ты ревнивъ, какъ бѣсъ! — расхохотался Марковъ. — Сиди себѣ со своей невѣстой, а я хоть газеты толкомъ почитаю въ уединеніи... Какія комнаты ты отведешь добровольному плѣннику?

— Къ счастью, здѣсь комнатъ достаточно.

Грегоровъ позвонилъ.

— Захаръ, проводи графа Маркова въ комнаты для гостей, и ты самъ ему прислуживай, только не болтай лишняго: графъ Марковъ не долженъ еще знать, на комъ я женюсь.

Алексисъ со смѣхомъ зажалъ уши.

— Довольно, довольно! Я не проникну въ твою тайну. Ничего не смѣй мнѣ говорить, Захаръ, я все равно не буду слушать. А вотъ завтракъ изволь мнѣ подать поскорѣе... и что-нибудь вкусное... и хорошаго винца. По крайней мѣрѣ, въ плѣну буду утѣшаться ѣдой.

Шумный смѣхъ и громкій разговоръ Алексиса раздражали Грегорова, и онъ былъ радъ, когда его пріятель съ Захаромъ удалился въ предназначенныя ему комнаты.

Въ половинѣ двѣнадцатаго вернулся Процкій и торжественно объявилъ, что все улажено и что въ семь часовъ вечера графъ можетъ вступить въ законный бракъ.

Завтракъ былъ накрытъ въ маленькой столовой на два прибора. Ровно въ часъ графъ послалъ Захара просить къ завтраку баронессу, а самъ ждалъ ее въ дверяхъ столовой.

Смущенная молодая дѣвушка не замедлила явиться на приглашеніе. Она краснѣла и какъ бы боялась встрѣтить-

ся со взглядомъ жениха. Онъ церемонно поцѣловалъ ея руку и подвелъ ее къ ея мѣсту.

— Хорошо ли вы отдохнули, Марія Николаевна?

— Благодарю васъ, я спала превосходно. За мной такъ ухаживали. Но къ чему вы мнѣ прислали портниху, графъ? Право, это такъ неудобно, неловко.

— Стоитъ ли говорить объ этомъ, баронесса?! Мыслимо ли вѣнчаться въ томъ туалетѣ, который на васъ? Въ эти нѣсколько часовъ смастерятъ простенькое, дорожное платьице. Вы въ немъ поѣдете въ церковь, въ немъ и отправитесь въ путешествіе... Наше вѣнчаніе назначено сегодня въ семь часовъ, а въ десять отходитъ поѣздъ... Изъ церкви мы прямо поѣдемъ на вокзалъ.

— Какъ... сегодня? — блѣднѣя, спросила молодая дѣвушка.

Онъ улыбнулся.

—Не все ли равно, сегодня или завтра, разъ это рѣшено безповоротно. Ваше слово при мнѣ, и я вамъ его не верну... Къ чему же тянуть? Въ моемъ имѣніи васъ ждетъ новая жизнь. Къ чему же ее откладывать? Или вы не чувствуете въ себѣ достаточно энергіи, чтобы ее начать?

— Напротивъ... вчера весь вечеръ я думала объ этой новой жизни, о моей будущей работѣ... Я бы хотѣла захватить съ собою кое-какія книги... Азбуку, лѣчебники, русскихъ классиковъ...

— Все это вы найдете въ имѣніи. У меня чудесная библіотека, а каталоги и ключи вы получите, какъ только пріѣдете. Вообще я надѣюсь, что вы будете распоряжаться и требовать, какъ настоящая хозяйка... Кромѣ того, вы будете получать массу журналовъ какъ просто литературныхъ, такъ и спеціальныхъ. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы облегчить вамъ вашу уединенную жизнь и чтобы помочь вашей дѣятельности.

Сейчасъ за завтракомъ они бесѣдовали какъ добрые знакомые, и даже чувствовалась нѣкоторая сухость въ ихъ бесѣдѣ. Поэзія, состраданіе и какое-то особенное чувство трогательности вчера соединяли ихъ. Теперь этихъ чувствъ не было. Ихъ принесла на черныхъ крыльяхъ

молчаливая, таинственная ночь и ихъ развѣяли первые лучи наступившаго дня.

— Намъ не удастся сегодня пообѣдать, — дѣловито проговорилъ графъ. — А въ пять часовъ я прикажу вамъ что-нибудь подать въ ваши комнаты.

— Чашку чая, не больше, — робко замѣтила она.

— И легкую закуску... Теперь мы увидимся только въ церкви, баронесса. И ни о чемъ не безпокойтесь, за васъ думаютъ и о васъ заботятся...

Завтракъ былъ конченъ, и подали черный кофе въ маленькихъ турецкихъ чашечкахъ. Было уже почти половина третьяго. Муся наскоро выпила кофе и ждала, когда поднимется графъ. Сегодня онъ предсталъ передъ нею уже другимъ человѣкомъ, не тѣмъ, что вчера. Брови сдвинуты, озабоченный видъ, сухой тонъ.

— Вы позволите встать, баронесса?

Она быстро поднялась.

— Пожалуйста.

— Благодарю васъ.

Онъ предложилъ ей руку и провелъ ее до дверей ея комнаты. Его губы коснулись ея руки, и ей казалось, что это просто сухой листокъ, пронесенный вѣтромъ, случайно коснулся ея руки. Подавленная, съ тяжелымъ чувствомъ вошла она въ маленькое „водяное царство“ своей предшественницы. Свѣтлые глаза Ундины холодно и насмѣшливо встрѣтили будущую графиню Грегорову. Муся отвернулась отъ портрета, но въ зеркалѣ словно встрѣтилась съ насмѣшливыми, холодными глазами Ундины.

Тогда молодая дѣвушка быстро прошла въ сосѣднюю комнату — лиловую бонбоньерку. Со стѣнъ, съ этажерокъ, со стола за нею насмѣшливо наблюдали десятки глазъ все той же Ундины.

И Муся забралась въ спальню. Тамъ, по крайней мѣрѣ, не было портретовъ ея предшественницы, почему-то ей внушавшей какой-то суевѣрный страхъ. Она расположилась у окна въ бѣломъ пушистомъ креслѣ.

Когда кто-то осторожно постучался въ дверь, дѣвушка вздрогнула.

— Войдите...

Она быстро поднялась.

Тинка привела портниху. Муся посмотрѣла на часы, — половина шестого.

Пока портниха раскладывала и расправляла дорожный и въ то же время вѣнчальный костюмъ, молодая дѣвушка наскоро причесала волосы.

Въ свѣтло-сѣромъ гладкомъ суконномъ костюмѣ, въ скромной прическѣ и маленькой свѣтлой англійской шляпочкѣ съ длинною вуалью, Муся выглядѣла шестнадцатилѣтней дѣвочкой. Ея стройныя ножки въ сѣрыхъ польскихъ ботинкахъ красиво выглядывали изъ-подъ юбки „на подъемѣ“.

— Иванъ Федоровичъ, нашъ управляющій, проситъ поторопиться! — объявила запыхавшаяся Тинка, вбѣгая въ комнату.

— Я совсѣмъ готова.

Муся съ трудомъ затягивала свѣтло-сѣрыя перчатки, потому что руки ея дрожали отъ волненія. И все, что потомъ происходило, казалось ей страннымъ, туманнымъ сномъ.

Поѣздка въ автомобилѣ съ незнакомымъ ей человѣкомъ... Сѣрая, каменная лѣстница, по которой она шла въ церковь... И самая церковь, почти пустая, въ которой гулко раздавались слова священника и голоса пѣвчихъ.

Среди четырехъ человѣкъ, присутствовавшихъ на ея свадьбѣ, только одинъ высокій, блестящій офицеръ показался ей знакомымъ. Гдѣ-то она его видѣла.

Рядомъ съ нею посреди церкви стоялъ графъ Грегоровъ — парадный, чужой и холодный.

Священникъ что-то говорилъ, пѣвчіе что-то пѣли... Куда-то она шла рядомъ съ графомъ... Кому-то сказала „да“, чьи-то ледяныя губы прикоснулись къ ея губамъ... На одно мгновеніе.

Кто-то ее поздравлялъ, кто-то называлъ ее „графиней“. Ея голова кружилась, туманъ застилалъ ея глаза, дрожь ужаса пробѣгала по ея спинѣ.

Съ наслажденіемъ подставила она лицо холодному вѣтру, когда снова очутилась на улицѣ... А потомъ сильныя руки заботливо подсадили ее въ автомобиль, кто-то сѣлъ съ нею рядомъ, и она помчалась съ головокружительной быстротой.

— Всѣ формальности кончены, и вы, Марія Николаевна, — моя законная жена. Все хорошо, что скоро кончается, — послышался голосъ Грегорова — и близкій, и какой-то чужой, словно враждебный въ одно и то же время.

Она ничего не могла ему отвѣтить, мысли ей не повиновались, и ей безумно хотѣлось рыдать, и она съ трудомъ сдерживала слезы.

Автомобиль остановился, и графъ ей помогъ сойти. Она увидѣла громадное зданіе. Огни... экипажи, суета. Она сообразила, что они на вокзалѣ.

Столикъ въ буфетной для пассажировъ перваго класса былъ убранъ цвѣтами и установленъ шампанскимъ... На встрѣчу ей шелъ офицеръ, присутствовавшій на вѣнчаніи, и тотъ незнакомецъ, который везъ ее въ церковь. Ей подали бокалъ съ искрившимся виномъ и офицеръ весело провозгласилъ тостъ за ея здоровье.

Муся чокнулась и выпила, она пила съ наслажденіемъ, потому что жажда ее мучила, и горло и грудь горѣли какъ въ огнѣ... Графъ тоже чокнулся съ нею и тоже ей что-то пожелалъ. И она благодарила, кивая головой и безсмысленно улыбаясь.

— Позвольте вамъ, графиня, передать эту маленькую записочку для памяти — вкрадчиво и почтительно заговорилъ сопровождавшій ее въ церковь черненькій человѣчекъ. — Тутъ записано, на какой станціи, въ которомъ часу васъ встрѣтятъ съ лошадьми и экипажемъ. Я ее положу въ вашу дорожную сумочку. Надѣньте ее черезъ плечо, графиня... Тутъ паспортъ, деньги, моя записочка... Не потеряйте этой сумочки, графиня.

И она покорно надѣла сумочку черезъ плечо и повторяла:

— Да, да... Хорошо... Я не забуду, не потеряю.

— Первый звонокъ... Можно садиться.

И опять графъ Грегоровъ предложилъ ей руку и повелъ ее на платформу... Рядомъ съ нею шелъ офицеръ съ большимъ букетомъ изъ чудныхъ бѣлыхъ розъ и черненькій человѣчекъ съ маленькой корзиной.

— Тутъ, графиня, закуска, я вамъ ее поставлю въ купэ... Можетъ быть, проголодаетесь, — вкрадчиво и почтительно говорилъ онъ.

Ее провели въ отдѣльное большое купэ перваго класса, кондуктору приказали заботиться о ней, подкрѣпляя приказаніе хорошимъ „на чай". Въ купэ среди цвѣтовъ и конфектъ она узнала свою старую корзинку, привезенную изъ отцовскаго дома, и обрадовалась ей.

Второй звонокъ.

Всѣ стали поспѣшно прощаться съ нею, прикладываясь къ ея перчаткѣ и разсыпая лучшія пожеланія. Посторонніе вышли, и она на нѣсколько мгновеній осталась наединѣ со своимъ мужемъ.

Большими растерянными глазами смотрѣла она на него, и она была такъ блѣдна, какъ будто вся ея кровь разомъ отхлынула отъ сердца.

— Марія Николаевна, — голосъ его дрогнулъ и изумрудные глаза вспыхнули... И опять лицо его стало прекраснымъ, близкимъ, роднымъ — такимъ, какъ было вчера, — отъ всего сердца желаю вамъ счастья и силъ и энергіи въ вашей работѣ. Можетъ быть, мы скоро увидимся. Еслибы вы знали, какъ въ эту минуту мнѣ грустно разставаться съ вами. Какъ будто все хорошее вы уносите съ собой.

Третій звонокъ... Уже стучали въ окно и торопили графа... Онъ быстро наклонился и поцѣловалъ ея руку и такъ же быстро, не оглядываясь, вышелъ изъ купэ.

Муся вдругъ запылавшимъ лицомъ приникла къ окну... Ея мужъ уже стоялъ у окна и кивалъ ей головой, и лицо его было прекраснымъ и близкимъ...

Свистокъ... Поѣздъ тронулся... Провожавшіе махали шапками... А Муся пристально смотрѣла прямо въ глаза графу... Все скрылось. Темная ночь и огненныя искры смотрѣлись въ окно.

Мучительная, острая тоска сжала сердце Муси... Она вдругъ опустила голову, и слезы брызнули изъ ея глазъ... Долго рыдала она, всхлипывая, вздрагивая всѣмъ тѣломъ... Скатившійся отъ вагонной тряски букетъ бѣлыхъ вѣнчальныхъ цвѣтовъ лежалъ въ пыли у ея ногъ.
